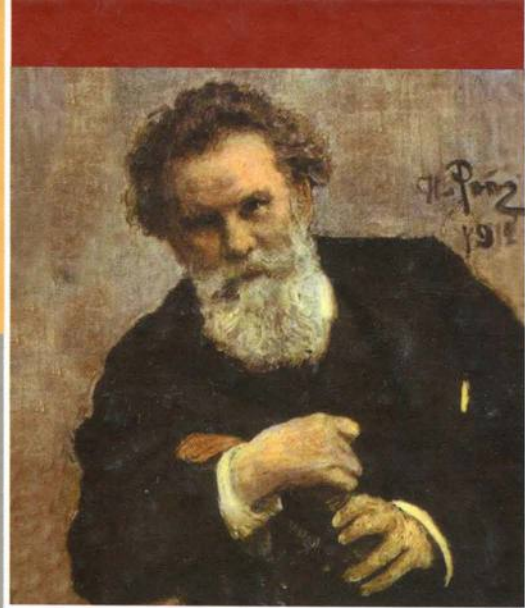

ЛИТЕРАТУРА

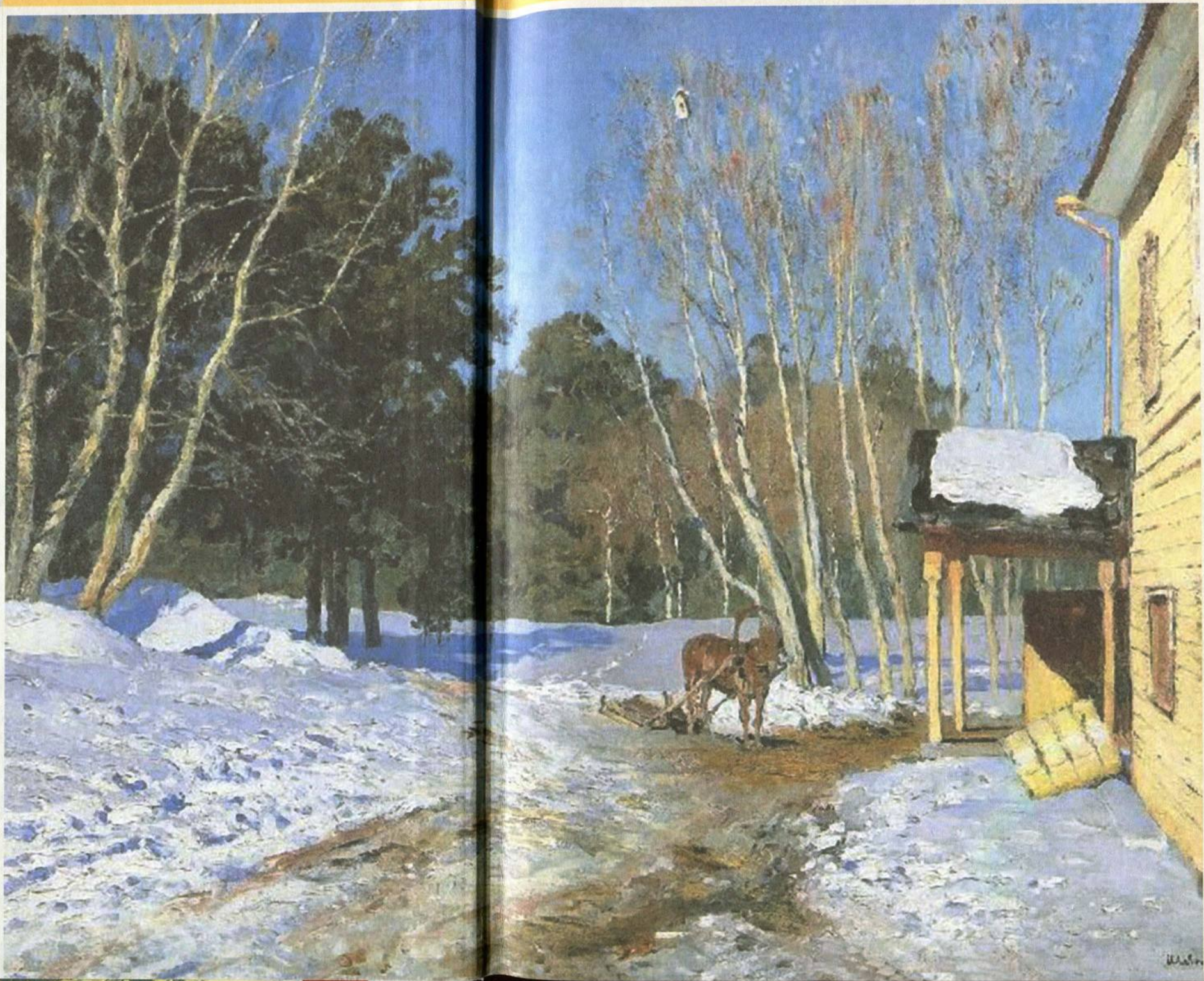
6

КЛАСС
часть

2

И. И. Левитан
Март

ЛИТЕРАТУРА

6

КЛАСС

УЧЕБНИК–ХРЕСТОМАТИЯ
для общеобразовательных
учреждений

В двух частях

часть
2

Под редакцией Г. И. БЕЛЕНЬКОГО

Рекомендовано
Министерством образования и науки
Российской Федерации

12-е издание, стереотипное

Москва 2011

УДК 373.167.1:82(100).09
ББК 83.3я721
Л64

На учебник получены положительные заключения
Российской академии наук (№ 10106–5215/377 от 11.12.2007)
и Российской академии образования (№ 01–673/5/7д от 29.10.2007)

Авторы-составители:
М. А. Снежная, О. М. Хренова

На обложке: И. Е. Репин. Портрет В. Г. Короленко
В. А. Серов. Заросший пруд

Условные обозначения

Задание повышенной сложности

Выразительное чтение

Нарисуй

Информационный поиск:
для выполнения задания надо
обратиться к дополнительной
литературе

Содружество искусств

Задание выполняется
по выбору

Работа в паре: задание
выполняется вместе
с товарищем

Групповое задание

Тексты для дополнительного
чтения; дополнительные
задания

Литература. 6 класс : учебник-хрестоматия для общеобразоват. учреждений : в 2 ч. Ч. 2 / [авт.-сост.: М. А. Снежная, О. М. Хренова] ; под ред. Г. И. Беленького. — 12-е изд., стер. — М. : Мнемозина, 2011. — 271 с. : ил.

ISBN 978-5-346-01589-5

В учебник-хрестоматию включены произведения в соответствии с учебной программой и стандартами по литературе для школ с русским языком обучения.

Материал выстроен по жанрово-тематическому и хронологическому принципам. В задания вводятся вопросы сравнительного характера, которые помогут учащимся анализировать текст.

УДК 373.167.1:82(100).09
ББК 83.3я721

ISBN 978-5-346-01587-1 (общ.)
ISBN 978-5-346-01589-5 (ч. 2)

© «Мнемозина», 1997
© «Мнемозина», 2010, с изменениями
© «Мнемозина», 2011
© Оформление. «Мнемозина», 2011
Все права защищены

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

(1860—1904)

Вспомните, что писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и вас зовут туда же, и вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель... Лучшие из них живут жизнь такую, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете ещё ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет вас.

А. П. Чехов

Передо мною был молодой человек, несколько выше среднего роста, с продолговатым, правильным и чистым лицом, не утратившим ещё характерных юношеских очертаний. В лице Чехова, несмотря на его несомненную интеллигентность, была какая-то складка, напоминавшая простодушного деревенского парня. И это было особенно привлекательно. Даже глаза Чехова, голубые, лучистые и глубокие, светились одновременно мыслью и какой-то, почти детской, непосредственностью. Простота всех движений, приёмов и речи была господствующей чертой во всей его фигуре, как и в его писаниях. Вообще в это первое свидание Чехов произвёл на меня впечатление человека глубоко жизнерадостного. Казалось, из глаз его струится неисчерпаемый источник остроумия и непосредственного веселья, которым были переполнены его рассказы.

(В. Г. Короленко. «Антон Павлович Чехов»)

Младший брат Антона Павловича Чехова Михаил вспоминает: «Антоша, ученик 1-го класса таганрогской гимназии, недавно пообедал и только что уселся за приготовление уроков к завтрашнему дню... Отворяется дверь, и в комнату входит отец Антоши.

— Тово... — говорил Павел Егорович, — я сейчас уйду по делу, а ты, Антоша, ступай в лавку и смотри там хорошенько.

— На завтра уроков много...

— Уроки выучишь в лавке. Ступай, да смотри там хорошенько... Скорее!.. Не копайся!..

Антоша с ожесточением бросает перо... напяливает на себя с горькими слезами ватное гимназическое пальто и кожаные рваные калоши и идёт вслед за отцом в лавку.

В лавке так же холодно, как и на улице, и на этом холоде Антоше придётся просидеть по крайней мере часа три...»

Лавка в провинции — это всегда и своеобразный клуб, куда приходят узнать новости, поговорить. Заведение Павла Егоровича играло эту роль тем более успешно, что там всегда можно было выпить рюмку водки или стакан сантуринаского. В лавку заходили жёны местных чиновников, сами чиновники, учителя, приказчики, полицейские, мелкие торговые маклеры¹, монахи, ломовые извозчики, рыбаки, сапожники, конюхи, кухарки. Они могли обсудить свои профессиональные и прочие дела.

Невольник — сиделец лавки с вывеской «Чай, сахар, кофе, мыло, колбаса и другие колониальные товары» — в детстве был обречён на постоянное принудительное наблюдательство.

Любовь к шутке рано проявилась в Чехове. Братья Антоши получили прозвища: начавший ухаживать за барышнями Александр — Волокитич Фаленюга, а вечно хныкавший в детстве Николай — Зюзя Калич Мордокривенко. Знакомых представлял в лицах так, что трудно было удержаться от смеха.

Павел Егорович Чехов разорился и вынужден был в апреле 1876 года бежать от долгов в Москву. К нему выехали остальные члены семьи. С 16 до 18 лет Чехов проживал в Таганроге один, заканчивая гимназию. Он распродал оставшиеся вещи, отсылал деньги в Москву. Это были годы лишений, твёрдости, мужества и — одиночества. Всё решалось наедине с собою. Никто никогда не узнал, почему им был выбран медицинский факультет. В августе 1879 года, сдав выпускные гимназические экзамены, Чехов уехал в Москву. В сентябре он приступил к занятиям. «В университете я начал работать в журналах с первого курса, —

¹ *Маклер* — посредник при заключении торговых сделок.

рассказывал Чехов, — пока я учился, я успел напечатать сотни рассказов под псевдонимом “А. Чехонте”, который, как видите, очень похож на мою фамилию».

В мае 1886 года вышел сборник А. Чехонте «Пёстрые рассказы». На титуле после псевдонима — в скобках — стояло настоящее имя автора. Сборник состоял из рассказов, напечатанных в юмористических журналах «Зритель», «Будильник», «Стрекоза», «Осколки», в «Петербургской газете». Среди них «Хамелеон», «Толстый и тонкий», «Смерть чиновника», «Пересолил», «Хирургия», «Шведская спичка», «Брак по расчёту». После выхода в свет «Пёстрых рассказов» имя Антона Павловича Чехова сразу стало известным.

Начало писательства совпало не только с учением в университете. Это было время размышлений, напряжённой работы над самим собой, над формированием своей личности, характера.

Несколькими годами позже в письме к одному литератору Чехов, имея в виду эту работу над собой, писал: «Необходимо чувство личной свободы, а это чувство стало разгораться во мне только недавно. Раньше его у меня не было. <...> Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сечённый, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течёт уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...»

В детстве, юности и ещё «недавно» было другое. Было знакомство с разного рода обманом, сопровождающим всякую копеечную бакалейную торговлю. Была и собственная коммерция — «лавливал певчих птиц и продавал их на базаре». Были и обеды у богатых родственников. А сытно пообедав, 16-летний юноша мог выкинуть такое: «Будучи учеником 5-го класса, — вспоминал Чехов, — я попал в имение графа Платова... Управляющий этим имением Билибин, высокий брюнет, принял

меня и угостил обедом... После обеда, по свойственной всем гимназистам благоглупости, я, сытый и обласканный, запрыгал за спиной Билибина и показал ему язык, не соображая того, что он стоял перед зеркалом и видел мой фортель».

Но одно из главных свойств характера Чехова было в том, что ни один урок не проходил для него даром. По описанию «фортеля» видно, что эта сцена и через 10 лет стояла перед глазами её устроителя.

Ещё из Таганрога Чехов писал младшему брату Михаилу: «Не нравится мне одно: зачем ты величаешь особу свою “ничтожным и незаметным братишкой”... Среди людей нужно сознавать своё достоинство. Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожность».

«Чтобы воспитаться, — писал он другому брату, Николаю, — нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час...»

(По книге А. П. Чудакова «Антон Павлович Чехов»)

Поразмышляй над прочитанным

1. А. Чехонте — не единственный псевдоним писателя. Часто он подписывал свои ранние рассказы так: *Человек без селезёнки*. Можно было встретить и другие подписи: *Брат моего брата*, *Балдастов*, *Врач без пациентов*, *Вспыльчивый человек*. О чём говорит выбор этих псевдонимов?

2. Как ты понимаешь слова «выдавливать из себя по каплям раба»?

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подёрнутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флёрдоранжем¹. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным

¹ *Херес* — сорт крепкого вина; *флёрдоранж* — здесь: духи (дословно: цветы померанцевого дерева).

подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались¹ и устремили друг на друга глаза, полные слёз. Оба были приятно ошеломлены.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щёголь! Ах ты, Господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урождённая Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик третьего класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом² за то, что ты казённую книжку папироской прожёл, а меня Эфиальтом³ за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урождённая Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живёшь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

Художник С. Алимов

¹ Лобызаться (устар. и ирон.) или лобзаться — целоваться.

² Герострат — грек, который сжёг в 356 году до н. э. храм Артемиды в Эфесе, чтобы обессмертить своё имя.

³ Эфиальт — предатель, указавший персам тропинку, по которой они обошли греческое войско и ударили с тыла.

— Служу, милый мой! Коллежским ассессором¹ уже второй год и Станислава² имею. Жалованье плохое... Ну, да бог с ним! Жена уроки музыки даёт, я портсигары приватно³ из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берёт десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведён столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось уже статский⁴? А?

— Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного⁵ дослужился... Две звезды⁶ имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съёжился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съёжились, поморщились... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с!

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чинопочитание!

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, ещё более съёживаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

¹ Коллѣжский ассессор — чиновник 8-го класса. (Первые пять классов чиновничества были высшими; четырнадцатый класс — низшим.)

² То есть орден Святого Станислава.

³ Приватно — неофициально, частным образом.

⁴ То есть статский советник (гражданский чин 5-го класса, приравненный к генеральскому).

⁵ То есть до чина тайного советника, одного из высших гражданских чинов (3-го класса).

⁶ Звёзды — здесь: орден.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «Хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

1883

Поразмышляй над прочитанным

1. Один из литературоведов высказал мнение, что в этом рассказе нарисованы не одна, а две встречи. Первая: встретились человек с человеком, друзья детства. Вторая: встретились два чиновника. Можно ли согласиться с этим?

2. В первом, журнальном варианте рассказа толстый ведёт себя надменно, грубо, надувается, «как индейский петух», держится свысока. Когда А. П. Чехов включал произведение в сборник «Пёстрые рассказы», он его переработал и изобразил толстого иначе.

Что изменил писатель в поведении толстого? С какой целью?

3. Какая метаморфоза, то есть полная, совершенная перемена, произошла с тонким и его семьёй? Когда и почему это случилось?

4. Как в описании лица, фигуры тонкого, его манеры держаться автор показывает крайнюю степень угодливости?

5. Понаблюдаем за речью тонкого.

К некоторым словам он прибавляет с (сокращённое «сударь») в знак почтительности и даже некоторой приниженности по отношению к собеседнику. Когда и почему это словечко появилось в речи тонкого?

Какие слова исчезли из речи тонкого и какие появились в ней, когда он стал во второй раз знакомить толстого со своей семьёй? Чем это можно объяснить? Как изменилась интонация его речи?

Почему тонкий стал повторно представлять толстому жену и сына?

6. Для чего писатель рисует не только тонкого, но и его спутников?

Какие детали в описании тонкого, его жены и сына наиболее комичны?

7. Над чем смеётся автор рассказа?

8. Приготовьтесь читать рассказ в лицах, передавая характеры персонажей, их резко изменившиеся взаимоотношения и авторское отношение к ним.

9. Сравни рассказы «Толстый и тонкий», «Маска», «Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало». Какие тема и идея сближают эти рассказы?

О СМЕШНОМ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Все мы любим посмеяться. Настоящий праздник для читателя — обнаружить в авторе произведения остроумного человека, который умеет увидеть в жизни несообразности и показать их комизм — смешные стороны.

Комическое (от греч. *komikos* — смешной, весёлый) — *смешное в жизни и искусстве*. Мы смеёмся над комическими положениями, в которые попадают герои, забавными персонажами, их словами. Вспомнить хотя бы «Петрушку Уксусова» — народную кукольную комедию. В ней мы найдём забавные словечки, смешную манеру их произнесения, остроумные шутки. Петрушка постоянно попадает в комические положения: то под хохот зрителей сваливается с лошади, то оказывается в руках «коновала и лекаря», с которым потом расправляется, то Мухтарка хватает его за нос. Случайные, но нежелательные встречи, всевозможные недоразумения (как, например, в рассказе Н. Носова «Живая шляпа»), взаимное непонимание (герои говорят о разном, но убеждены, что об одном и том же) создают комические ситуации. Забавляют читателя и некоторые смешные черты характера, поведения комического героя, например Каленика и других героев из «Майской ночи...». А если ты читал роман Ж. Верна «Пятнадцатилетний капитан», то, конечно, запомнил натуралиста кузена Бенедикта. Пока остальные волнуются, переживают страх, опасности, он охотится за насекомыми и радуется каждому открытию. Он слишком сосредоточен на своих поисках и потому порой не осознаёт опасных жизненных ситуаций. Это делает его комической фигурой в романе.

Но смех смеху рознь. Бывает смех добродушный, а бывает и злой. Существуют разновидности комического: юмор, ирония, сатира.

Юмор — это *смех дружелюбный, добродушный, беззлобный, весёлый, сочувственный, смех-подшучивание*, как в рассказе А. П. Чехова «Лошадиная фамилия».

Иногда в изображении героя проглядывает **ирония** — *тонкая, скрытая насмешка*. С иронией, например, показывает Андерсен Ворона и Ворону в сказке «Снежная королева», наделяя их человеческими слабостями.

А если писатель видит в своих персонажах лживость, лицемерие, рабскую приниженность и угодливость, тупое самодовольство, приспособленчество и тому подобное, — тут уж не до шутливого посмеивания. Смех становится злым, изобличающим, как, например, во многих баснях. Это — **сатира**, *беспощадное осмеяние человеческих пороков*.

Умение смеяться присуще только человеку. Худо, когда тебе говорят: «У вас нет чувства юмора!» Ведь под этим разумеют, что ты не можешь уловить смешное в том, о чём рассказывает твой собеседник или что показывает писатель в своём произведении. От писателя же требуется не только чувство юмора, но и зоркость, остроумие — умение увидеть, открыть смешное в самой жизни и найти способ показать его так, чтобы вызвать смех — весёлый, сочувственный, или ироничный, гневный, и даже горький — «видный миру смех и незримые, неведомые ему слёзы», как писал о сатире Н. В. Гоголь.

Умение смеяться помогает изменять мир. Противник, выставленный смешным, — наполовину уже побеждён. Страшное, в котором открывается что-то смешное, уже не кажется таким страшным. Умение видеть смешное помогает сохранить мужество и оптимизм в самых сложных обстоятельствах.

Столь замечательные и необходимые в жизни качества, как чувство юмора, остроумие, можно и необходимо развивать в себе с помощью чтения.

Перечитаем некоторые из названных ранее рассказов А. П. Чехова, чтобы понять, в чём секрет комического в них.

Поразмышляй над прочитанным

1. Выбери самый смешной (с твоей точки зрения) рассказ А. П. Чехова (см. рубрику «Приглашаем в библиотеку» на с. 20) и подготовь его пересказ. Подумай, какие слова и фрагменты рассказа обязательно нужно процитировать или рассказать близко к тексту, чтобы и слушателям стало смешно.

Расскажи о комическом в выбранном тобой произведении. Как различить юмор, иронию и сатиру?

2. Приведи примеры комических слов и положений из прочитанных рассказов А. П. Чехова. Какие из этих рассказов можно назвать сатирическими, а какие — юмористическими? Почему?

СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА

В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор¹, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел

¹ *Экзекутор* — мелкий чиновник, выполнявший в учреждении обязанности заведующего хозяйством.

Художник А. Базилевич

в бинокль на «Корневильские колокола»¹. Он глядел и чувствовал себя на вершине блаженства. Но вдруг... В рассказах часто встречается это «но вдруг». Авторы правы: жизнь так полна внезапностей! Но вдруг лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось... он отвёл от глаз бинокль, нагнулся и... апчхи!!! Чихнул, как видите. Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицеймейстеры², и иногда даже и тайные советники. Все чихают. Червяков нисколько не сконфузился, утёрся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не беспокоили ли он кого-нибудь своим чиханьем? Но тут уж пришлось сконфузиться.

Он увидел, что старичок, сидевший впереди него, в первом ряду кресел, старательно вытирал свою лысину и шею перчаткой и бормотал что-то. В старичке Червяков узнал статского генерала Бризжалова, служащего по ведомству путей сообщения.

«Я его обрызгал! — подумал Червяков. — Не мой начальник, чужой, но всё-таки неловко. Извиниться надо».

Червяков кашлянул, подался туловищем вперёд и зашептал генералу на ухо:

— Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно...

— Ничего, ничего...

— Ради бога, извините. Я ведь... я не желал!

— Ах, сидите, пожалуйста! Дайте слушать!

Червяков сконфузился, глупо улыбнулся и начал глядеть на сцену. Глядел он, но уж блаженства больше не чувствовал. Его начало мучивать беспокойство. В антракте он подошёл к Бризжалову, походил возле него и, поборовши робость, пробормотал:

¹ «Корневильские колокола» — оперетта французского композитора Планкетта.

² Полицеймейстер — начальник полиции губернского города.

— Я вас обрызгал, ваше-ство... Простите... Я ведь... не то чтобы...

— Ах, полноте... Я уж забыл, а вы всё о том же! — сказал генерал и нетерпеливо шевельнул нижней губой.

«Забыл, а у самого ехидство в глазах, — подумал Червяков, подозрительно поглядывая на генерала. — И говорить не хочет. Надо бы ему объяснить, что я вовсе не желал... что это закон природы, а то подумает, что я плюнуть хотел. Теперь не подумает, так после подумает!..»

Придя домой, Червяков рассказал жене о своём невежестве. Жена, как показалось ему, слишком легкомысленно отнеслась к происшедшему; она только испугалась, а потом, когда узнала, что Бризжалов «чужой», успокоилась.

— А всё-таки ты сходи, извинись, — сказала она. — Подумает, что ты себя в публичке держать не умеешь!

— То-то вот и есть! Я извинялся, да он как-то странно... Ни одного слова путного не сказал. Да и некогда было разговаривать.

На другой день Червяков надел новый вицмундир, подстригся и пошёл к Бризжалову объяснить... Войдя в приёмную генерала, он увидел там много просителей, а между просителями и самого генерала, который уже начал приём прошений. Опросив несколько просителей, генерал поднял глаза и на Червякова.

— Вчера в «Аркадии», ежели припомните ваше-ство, — начал докладывать экзекутор, — я чихнул-с и... нечаянно обрызгал... Изв...

— Какие пустяки... Бог знает что! Вам что угодно? — обратился генерал к следующему просителю.

«Говорить не хочет! — подумал Червяков бледнея. — Сердится, значит... Нет, этого нельзя так оставить... Я ему объясню...»

Когда генерал кончил беседу с последним просителем и направился во внутренние апартаменты, Червяков шагнул за ним и забормотал:

— Ваше-ство! Ежели я осмеливаюсь беспокоить ваше-ство, то именно из чувства, могу сказать, раскаяния!.. Не нарочно, сами изволите знать-с!

Генерал соорудил плаксивое лицо и махнул рукой.

— Да вы просто смеётесь, милостисдарь! — сказал он, скрываясь за дверью.

«Какие же тут насмешки? — подумал Червяков. — Вовсе тут нет никаких насмешек! Генерал, а не может понять! Когда так, не стану же я больше извиняться перед этим фанфароном¹! Чёрт с ним! Напишу ему письмо, а ходить не стану! Ей-богу, не стану!»

Так думал Червяков, идя домой. Письма генералу он не написал. Думал, думал и никак не выдумал этого письма. Пришлось на другой день идти самому объяснять.

— Я вчера приходил беспокоить ваше-ство, — забормотал он, когда генерал поднял на него вопрошающие глаза, — не для того, чтобы смеяться, как вы изволили сказать. Я извинялся за то, что, чихая, брызнул-с... а смеяться я и не думал. Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...

— Пошёл вон!!! — гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал.

— Что-с? — спросил шёпотом Червяков, млея от ужаса.

— Пошёл вон!!! — повторил генерал, затопав ногами.

В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплёлся... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лёг на диван и... помер.

1883

Поразмышляй над прочитанным

А. П. Чехову рассказали о подобном случае, действительно происшедшем в Большом театре. Ему также писали из Таганрога о самоубийстве мелкого чиновника после неудачной попытки попросить извинения у своего начальника за какой-то незначительный проступок.

1. Почему пустяковый случай привёл героя рассказа к трагическому концу? Смеёшься ли ты над Червяковым или жалеешь его? Почему?

¹ *Фанфарон* (разг.) — человек, который выставляет напоказ свои мнимые достоинства; хвастун, лгун, пускающий пыль в глаза.

Почему Бризжалова автор не делает непосредственным начальником Червякова? Усиливается или ослабляется от этого сатирическое звучание рассказа?

2. В ранних рассказах А. П. Чехов часто прибегает к двум способам создания комического эффекта. Первый — нагнетание, многократное повторение героем одного и того же действия с некоторыми изменениями, усиление его с помощью новых деталей.

Можешь посчитать, сколько раз извиняется Червяков. Что заставляет его делать это снова и снова? Обрати внимание не только на размышления экзекутора, но и на реакцию генерала на его извинения.

И второй способ создания комического эффекта — неожиданная развязка.

Проиллюстрируй оба способа на примере рассказа «Смерть чиновника». Приготовь об этом небольшое устное сообщение.

3. Что сближает рассказы «Смерть чиновника» и «Толстый и тонкий»?

ПЕРЕСОЛИЛ

Землемер Глеб Гаврилович Смирнов приехал на станцию Гнилушки. До усадьбы, куда он был вызван для межевания, оставалось ещё проехать на лошадах вёрст¹ тридцать — сорок. (Ежели возница не пьян и лошади не клячи, то и тридцати вёрст не будет, а коли возница с мухой да кони наморены, то целых пятьдесят наберётся.)

— Скажите, пожалуйста, где я могу найти здесь почтовых лошадей? — обратился землемер к станционному жандарму.

— Которых? Почтовых? Тут за сто вёрст путёвой собаки не сыщешь, а не то что почтовых... Да вам куда ехать?

— В Девкино, имение генерала Хохотова.

— Что ж? — зевнул жандарм. — Ступайте за станцию, там на дворе иногда бывают мужики, возят пассажиров.

Землемер вздохнул и поплёлся за станцию. Там, после долгих поисков, разговоров и колебаний, он нашёл здоровеннейшего мужика, угрюмого, рябого, одетого в рваную сермягу² и лапти.

— Чёрт знает какая у тебя телега! — поморщился землемер, влезая в телегу. — Не разберёшь, где у неё зад, где перёд...

— Что же тут разбирать-то? Где лошадиный хвост, там перёд, а где сидит ваша милость, там зад...

Лошадёнка была молодая, но тощая, с растопыренными ногами и покусанными ушами. Когда возница приподнялся и

¹ *Верста* — старинная мера длины, немногим более километра.

² *Сермяга* — верхняя одежда из грубого домотканого сукна.

стегнул её верёвочным кнутом, она только замотала головой, когда же он выбранился и стегнул её ещё раз, то телега взвизгнула и задрожала как в лихорадке. После третьего удара телега покачнулась, после же четвёртого она тронулась с места.

— Этак мы всю дорогу поедem? — спросил землемер, чувствуя сильную тряску и удивляясь способности русских возниц соединять тихую, черепашую езду с душой выворачивающей тряской.

— До-о-едem! — успокоил возница. — Кобылка молодая, шустрая... Дай ей только разбежаться, так потом и не остановишь... Но-о-о, прокля...тая!

Когда телега выехала со станции, были сумерки. Направо от землемера тянулась тёмная, замёрзшая равнина, без конца и краю... Поедешь по ней, так, наверно, заедешь к чёрту на кулички. На горизонте, где она исчезала и сливалась с небом, лениво догорала холодная, осенняя заря... Налево от дороги в темнеющем воздухе высились какие-то бугры, не то прошлогодние стоги, не то деревня. Что было впереди, землемер не видел, ибо с этой стороны всё поле зрения застилала широкая, неуклюжая спина возницы. Было тихо, но холодно, морозно.

«Какая, однако, здесь глушь! — думал землемер, стараясь прикрыть свои уши воротником от шинели. — Ни кола, ни двора. Не ровён час — нападут и ограбят, так никто и не узнает, хоть из пушек пали... Да и возница ненадёжный... Ишь какая спинушка! Этакое дитя природы пальцем тронет, так душа вон! И морда у него зверская, подозрительная».

— Эй, милый, — спросил землемер, — как тебя зовут?

— Меня-то? Клим.

— Что, Клим, как у вас здесь? Не опасно? Не шалят?

— Ничего, Бог миловал... Кому ж шалить?

— Это хорошо, что не шалят... Но на всякий случай всё-таки я взял с собой три револьвера, — соврал землемер. — А с револьвером, знаешь, шутки плохи. С десятью разбойниками можно справиться...

Стемнело. Телега вдруг закрипела, завизжала, задрожала и, словно нехотя, повернула налево.

«Куда же это он меня повёз? — подумал землемер. — Ехал всё прямо и вдруг налево. Чего доброго, завезёт, подлец, в какую-нибудь трущобу и... Бывают ведь случаи!»

— Послушай, — обратился он к вознице. — Так ты говоришь, что здесь не опасно? Это жаль... Я люблю с разбойниками драться... На вид-то я худой, болезненный, а силы у меня, словно у быка... Однажды напало на меня три разбойника... Так что ж ты думаешь? Одного я так трахнул, что... что, понимаешь, Богу душу отдал, а два другие из-за меня в Сибирь пошли, на каторгу. И откуда у меня сила берётся, не знаю... Возьмёшь одной рукой какого-нибудь здоровилу, вроде тебя, и... и сковырнёшь.

Клим оглянулся на землемера, заморгал всем лицом и стегнул по лошадёнке.

— Да, брат... — продолжал землемер. — Не дай бог со мной связаться. Мало того, что разбойник без рук, без ног останется, он ещё и перед судом ответит... Мне все судьи и исправники¹ знакомы. Человек я казённый, нужный... Я вот еду, а начальству известно... так и глядят, чтоб мне кто-нибудь худа не сделал. Везде по дороге за кустиками урядники² да сотские³ понатыканы... По... по... постой! — заорал вдруг землемер. — Куда же это ты въехал? Куда ты меня везёшь?

— Да нешто не видите? Лес!

«Действительно, лес... — подумал землемер. — А я-то испугался! Однако не нужно выдавать своего волнения... Он уже заметил, что я трушу. Отчего это он стал так часто на меня оглядываться? Наверное, замышляет что-нибудь... Раньше ехал еле-еле, нога за ногу, а теперь ишь как мчится!»

— Послушай, Клим, зачем ты так гонишь лошадь?

— Я её не гоню. Сама разбежалась... Уж как разбежится, так никаким средством её не остановишь... И сама она не рада, что у ней ноги такие.

— Врёшь, брат! Вижу, что врёшь! Только я тебе не советую так быстро ехать. Попрдержжи-ка лошадь... Слышишь? Попрдержжи!

— Зачем?

— А затем... затем, что за мной со станции должны выехать четыре товарища. Надо, чтоб они нас догнали... Они обещали

¹ *Исправник* — начальник полиции в уезде.

² *Урядник* — нижний офицерский чин уездной полиции.

³ *Сотский* — полицейский надзиратель, назначаемый по выбору из крестьян.

догнать меня в этом лесу... С ними веселей будет ехать... Народ здоровый, коренастый... у каждого по пистолету... Что это ты всё оглядываешься и движешься, как на иголках? а? Я, брат, тово... брат... На меня нечего оглядываться... интересного во мне ничего нет... Разве вот револьверы только... Изволь, если хочешь, я их выну, покажу... Изволь...

Землемер сделал вид, что роется в карманах, и в это время случилось то, чего он не мог ожидать при всей своей трусости. Клим вдруг вывалился из телеги и на четвереньках побежал к чаще.

— Караул! — заголосил он. — Караул! Бери, окаянный, и лошадь и телегу, только не губи ты моей души! Караул!

Послышались скорые, удаляющиеся шаги, треск хвороста — и всё смолкло... Землемер, не ожидавший такого реприманда¹, первым делом остановил лошадь, потом уселся поудобней на телеге и стал думать.

«Убежал... испугался, дурак... Ну, как теперь быть? Самому продолжать путь нельзя, потому что дороги не знаю, да и могут подумать, что я у него лошадь украл... Как быть?»

— Клим! Клим!

— Клим!.. — ответило эхо.

От мысли, что ему всю ночь придётся просидеть в тёмном лесу на холоде и слышать только волков, эхо да фыркание топтей кобылки, землемера стало коробить вдоль спины, словно холодным терпугом².

— Климущка! — закричал он. — Голубчик! Где ты, Климущка?

Часа два кричал землемер, и только после того, как он охрип и помирился с мыслью о ночёвке в лесу, слабый ветерок донёс до него чей-то стон.

— Клим! Это ты, голубчик? Поедем!

— У... убьёшь!

— Да я пошутил, голубчик! Накажи меня Господь, пошутил! Какие у меня револьверы! Это я от страха врал! Сделай милость, поедem! Мёрзну!

¹ *Реприманд* (франц.) — выговор; здесь: неожиданный поворот событий.

² *Терпуг* — напильник.

Клим, сообразив, вероятно, что настоящий разбойник давно бы уж исчез с лошадьёю и телегой, вышел из лесу и нерешительно подошёл к своему пассажиру.

— Ну, чего, дура, испугался? Я... я пошутил, а ты испугался... Садись!

— Бог с тобой, барин, — проворчал Клим, влезая в телегу. — Если б знал, и за сто целковых не повёз бы. Чуть я не помер от страха...

Клим стегнул по лошадёнке. Телега задрожала. Клим стегнул ещё раз, и телега покачнулась. После четвёртого удара, когда телега тронулась с места, землемер закрыл уши воротником и задумался. Дорога и Клим ему уже не казались опасными.

1885

Поразмышляй над прочитанным

1. Почему рассказ назван «Пересолил»? Кто и в чём «пересолил»?

2. С помощью каких приёмов достигается в рассказе комический эффект? Объясни, это рассказ юмористический или сатирический?

3. Найди в рассказе описание внешности Климa. Почему автор выбрал слово не «здоровый», а «здоровеннейший»?

Что и зачем сказано в рассказе о внешности Глеба Гавриловича?

4. Найди в рассказе описание природы — пейзаж. Какова его роль? А если бы дело происходило днём, на многолюдной дороге, что бы изменилось?

5. Выдели в рассказе все моменты, где показано, как Глеб Гаврилович нагоняет страх на Климa. Какой приём использует здесь А. П. Чехов?

С какой целью автор приводит в рассказе размышления (внутренний монолог) Глеба Гавриловича?

6. Как автор показывает нарастающий страх Климa? Почему этот страх замечает читатель, но не замечает Смирнов?

7. Какой момент в рассказе и почему ты считаешь кульминационным?

Попробуй сочинить рассказ

Конечно, это очень непросто — сочинить юмористический рассказ. Но попробовать интересно! Со смешным приходится иногда сталкиваться в жизни: в комические ситуации порой попадаем мы сами или наши близкие. Можно для рассказа взять смешной жизненный случай. А можно от него только оттолкнуться и присочинить что-то, чтобы сделать рассказ смешнее, забавнее. Можно и придумать весёлую историю, воспользовавшись, например, чеховскими приёмами создания комического эффекта.

Перечитай его рассказы «Лошадиная фамилия», «Глупый француз», «Страшная ночь». Что в них нагнетается, многократно повторяется?

А какую роль играют неожиданный конец, неожиданная развязка в рассказах «Ушла» и «С женой поссорился»?

Заметь, что оба приёма часто используются в одном рассказе.

Приступая к работе над своим рассказом, подумай над такими вопросами:

Какой смешной случай ляжет в основу твоего рассказа?

Какое событие станет завязкой? кульминацией? развязкой?

Какие описания (природы, убранства помещения, внешности персонажа) тебе необходимы, чтобы усилить комизм рассказа?

Какие диалоги подчеркнут комизм ситуации? Понадобятся ли размышления (внутренние монологи) героя или героев? Придумай такое название своему рассказу, чтобы его захотелось прочитать. И помни слова А. П. Чехова: «В хорошем рассказе, как на военном корабле, не должно быть ничего лишнего».

Приглашаем в библиотеку

1. Прочитай рассказы, названные в статье «О смешном в художественном произведении».

Какую роль, по твоему мнению, сыграли детские впечатления Чехова в создании этих рассказов?

2. Прочитай другие ранние рассказы А. П. Чехова: «Лошадиная фамилия», «С женой поссорился», «Дорогая собака», «Глупый француз», «Страшная ночь», «Разговор человека с собакой», «Ушла», «Совет», «Коллекция», «Размазня», «Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало», «Маска», «Гость».

Что сближает их?

Какой из них и почему показался тебе особенно смешным?

Возвращаясь к прочитанному

1. Перечитай эпиграф к этой теме — слова А. П. Чехова. Можно ли отнести их к произведениям самого Чехова? Поясни свой ответ.

2. Экранизации каких рассказов А. П. Чехова тебе знакомы? Какие из них и почему доставили тебе удовольствие?

1. Представь, что ты художник и тебе поручили создать серию иллюстраций к одному из произведений, изученных в этом разделе, оформить обложку и форзацы книги. Расскажи, как ты будешь выполнять это задание, какие рисунки создашь. Нарисуй один или несколько из них.

2. Инсценируй одну из глав — «Ганна», «Неожиданный соперник. Заговор», «Парубки гуляют» — из повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница». Определи количество действующих лиц, содержание диалогов и связь их с развитием действия, место авторских ремарок. Озаглавь свою инсценировку.

Если будет ставиться спектакль, подумай, что для этого нужно. Расскажи о своём замысле.

3. Выберите одну из инсценировок, созданных сценаристами класса для постановки на школьной сцене. Распределите театральные «должности»: режиссёра, художника, звукооператора, художника по костюмам — и назначьте актёров для исполнения ролей.

Составьте расписание репетиций. Определите время премьеры. Подготовьте афишу.

4. Подготовьтесь к проведению школьного литературного вечера «Смешное в жизни и литературе» (по ранним рассказам А. П. Чехова).

Рассказы А. П. Чехова напоминают небольшие сценки, тяготеют к драматическому роду. В них много диалогов, их легко инсценировать — переложить в небольшие пьески. Выберите в классе три-четыре рассказа для инсценирования и постановки на школьной сцене. На литературном вечере, посвящённом А. П. Чехову, можно не только разыграть эти короткие пьески, но и прочитать наизусть или пересказать близко к тексту смешной чеховский рассказ так, чтобы заставить слушателей рассмеяться.

5. На основе изученного и дополнительно собранного материала подготовь компьютерную презентацию на тему «Комическое в ранних произведениях А. П. Чехова».

ЧЕЛОВЕК В СИТУАЦИЯХ НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА ПОРА ВЗРОСЛЕНИЯ

Чтобы поверить в добро, надо начать делать его.
В человеке есть свой суд — совесть. Дорожить
надо только её оценкой.

Л. Н. Толстой

Владимир Галактионович Короленко

(1853—1921)

Облик, с детства знакомый, с детством и юностью связанный. <...> В ребяческое сердце принесён свет тёплый, ласковый, и там остался. Кажется, такой же был и в жизни Короленко: мягкий и простой, с душой, открытой детям...

Б. К. Зайцев

В 1887 году в дом А. П. Чехова на Садовой-Кудринской в Москве пришёл один из его литературных сверстников — Владимир Галактионович Короленко, коренастый, крепкий человек с густой кудрявой бородой и удивительно хорошими, вдумчивыми глазами. Имя Короленко было хорошо известно в этом доме. «Это мой любимый из современных писателей», — говорил Чехов.

Короленко, который был старше Чехова на семь лет, прошёл суровую жизненную школу. В студенческие годы он сблизился с революционно настроенной молодёжью, участвовал в сходках и в 1876 году был первый раз арестован. С этого времени начались его невольные скитания по России. Он шёл под конвоем по этапу, сидел за тюремной решёткой, жил в ссылке в тёмных крестьянских избах, занимаясь, чтобы не погибнуть с голоду, сапожным ремеслом и трудом земледельца. В сибирских поселениях начал Короленко работу над своими первыми рассказами.

Встреча двух писателей, заочно уже знавших друг друга, была непринуждённой и сердечной. Свидетель встречи, младший брат Чехова Михаил Павлович, рассказывает: «Бывает иногда так, что совершенно чужие, незнакомые люди вдруг сходятся сразу, с первого же слова. Так произошло и в этот раз. Короленко очаровал нас своей простотой, искренностью, скромностью и умом. Разговорились. Я жадно слушал, как он рассказывал

Художник И. Репин
Портрет писателя
В. Г. Короленко

о своей ссылке в Сибирь, куда не только Макар не гонял своих телят¹, но даже и ворон не залетал. А когда после долгих лет изгнания он получил наконец право возвратиться в Россию и, добравшись до Тюмени, сел на поезд железной дороги, то так обрадовался вагону, что стал громко при всех рыдать.

— Сижу и плачу... — рассказывал он. — Пассажиры думают, что я с горя, а я, наоборот, от радости».

Следующая встреча ещё более сблизила писателей. Вскоре после неё Короленко прислал Чехову свою книгу «Очерки и рассказы». Там наряду с «сибирскими» рассказами была и повесть «В дурном обществе».

Короленко не писал специально для детей. Но дети — герои многих его произведений. «Дети подземелья» — это переработанная для детского чтения повесть «В дурном обществе». Эти произведения несут отпечаток пережитого писателем, собственных детских лет, которые прошли на Украине. О детстве, об отце (именно на него во многом похож судья из повести «В дурном обществе») вспоминает писатель в «Истории моего современника» — последнем своём произведении, где он рассказывает о своей жизни. Ниже ты прочитаешь страницы этих воспоминаний.

(По статье Е. З. Балабановича «Друзья и гости дома Чехова»)

* * *

После ссылки В. Г. Короленко поселился в Нижнем Новгороде и стал корреспондентом газеты «Волжский вестник». «Он не мог, совершенно не мог пройти мимо страданий человека и не попытаться помочь ему. Также не мог он пройти мимо зла и несправедливости и не попытаться вступить в борьбу с ними», — вспоминает писательница Т. А. Богданович, хорошо знавшая Короленко.

В статьях «Об Александровском банке» он рассказал о подлогах и растратах, которые совершили банковские заправилы. Он писал о произволе администрации, о злоупотреблениях в городской Думе. Один нижегородский миллионер заметил: «Короленко — особо неприятный господин; с виду — простец, а везде его знают, везде проникает...»

¹ Куда Макар телят не гонял — фразеологизм, означающий: далеко, в самые отдалённые места.

Он ездит по деревням и сёлам голодающего Поволжья и не только открывает на пожертвования бесплатные столовые, но и разоблачает чиновников, наживающихся на народном горе. Из статей Короленко составила́сь книга «В голодный год».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В. Г. КОРОЛЕНКО ОБ ОТЦЕ В «ИСТОРИИ МОЕГО СОВРЕМЕННОКА»

Образ отца сохранился в моей памяти совершенно ясно. На лице его постоянно было выражение какой-то затаённой печали и заботы. Лишь изредка оно прояснялось. Иной раз он собирал нас к себе в кабинет, позволял играть и ползать по себе, рисовал картинки, рассказывал смешные анекдоты и сказки. Вероятно, в душе этого человека был большой запас благодушия и смеха: даже своим поучениям он придавал полуюмористическую форму, и мы в эти минуты его очень любили. Но эти проблески становились с годами всё реже... Под конец его хватало уже лишь на то, чтобы дотягивать кое-как наше воспитание, и в более сознательные годы у нас уже не было с отцом никакой внутренней близости... И только долго спустя, когда миновали годы юношеской беззаботности, я собрал черта за чертой, что мог, о его жизни, и образ этого человека ожил в моей душе — и более дорогой, и более знакомый, чем прежде...

Все признавали, от мелкого торговца до губернского начальства, что нет такой силы, которая бы заставила судью покривить душою против совести и закона... В уездном суде шёл процесс богатого помещика с бедной родственницей, кажется вдовой его брата. Помещик был магнат с большими связями, средствами и влиянием, которые он деятельно пустил в ход. Вдова вела процесс «по праву бедности», не внося гербовых пошлин, и все предсказывали ей неудачу, так как дело всё-таки было запутанное, а на суд было оказано давление... Процесс был решён в пользу вдовы, причём все знали, что этим она была обязана исключительно твёрдости отца... На следующий день она приехала к нам на квартиру, когда отец был на службе, а мать случайно отлучилась из дому, и навезла разных материй и товаров, которыми завалила в гостиной всю мебель. Между прочим, она подозвала сестру и поднесла ей огромную куклу, прекрасно

одетую, с большими голубыми глазами, закрывавшимися, когда её клали спать...

Мать была очень испугана, застав все эти подарки. Когда отец пришёл из суда, то в нашей квартирке разразилась одна из самых бурных вспышек, какие я только запомню. Он ругал вдову, швырял материи на пол, обвинял мать и успокоился лишь тогда, когда перед подъездом появилась тележка, на которую навалили все подарки и отослали обратно.

Но тут вышло неожиданное затруднение. Когда очередь дошла до куклы, то сестра решительно запротестовала, и протест её принял такой драматический характер, что отец после нескольких попыток всё-таки уступил, хотя и с большим неудовольствием.

— Через вас я стал-таки взяточником, — сказал он сердито, уходя в свою комнату...

Помню несколько случаев, когда он приходил из суда домой глубоко огорчённый. Однажды, когда мать, с тревожным участием глядя в его расстроенное лицо, подала ему тарелку супу, — он попробовал есть, съел две-три ложки и отодвинул тарелку.

— Не могу, — сказал он.

— Дело кончилось? — спросила мать тихо.

— Да... каторга...

— Боже мой! — испуганно сказала мать. — А ты что же?

— А! Толкуй больной с подлекарем, — ответил отец с раздражением. — Я! я!.. Что я могу сделать!

Но затем прибавил мягче:

— Сделал, что мог... Закон ясен.

Когда часа через два мать послала меня в кабинет посмотреть, не заснул ли он, и, если не спит, позвать к чаю, — то я застал его перед кроватью на коленях. Он горячо молился на образ, и всё несколько тучное тело его вздрагивало... Он горько плакал. Но я уверен, что это были слёзы сожаления к «жертве закона», а не разъедающее сознание своей вины.

Поразмышляй над прочитанным

1. Каким человеком представляется тебе писатель В. Г. Короленко?
2. Почему он так быстро сблизился с А. П. Чеховым?

3. Как характеризует Короленко своё отношение к отцу? Чем можно объяснить такое отношение?

О каких чертах характера отца рассказывает писатель?

В ДУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Из детских воспоминаний моего приятеля

(Фрагменты)

1. РАЗВАЛИНЫ

Моя мать умерла, когда мне было шесть лет. Отец, весь отдавшись своему горю, как будто совсем забыл о моём существовании. Порой он ласкал мою маленькую сестру Соню и по-своему заботился о ней, потому что в ней были черты матери. Я же рос как дикое деревцо в поле — никто не окружал меня особенною заботливостью, но никто и не стеснял моей свободы.

Местечко, где мы жили, называлось Княжье-Вено, или, проще, Княж-городок. Оно принадлежало одному захудалому¹, но гордому польскому роду и напоминало любой из мелких городов Юго-Западного края.

Если вы подъезжаете к местечку с востока, вам прежде всего бросается в глаза тюрьма, лучшее архитектурное украшение города. Самый город раскинулся внизу над сонными, заплеившими прудами, к нему приходится спускаться по отлогому шоссе, загороженному традиционной «заставой»². Сонный инвалид лениво поднимает шлагбаум³, — и вы в городе, хотя, быть может, не замечаете этого сразу. Серые заборы, пустыри с кучами всякого хлама понемногу перемежаются с подслеповатыми, ушедшими в землю хатками. Далее широкая площадь зияет в разных местах тёмными воротами еврейских «заезжих домов»⁴, казённые учреждения наводят уныние своими белыми стенами и казарменно-ровными линиями. Деревянный мост, перекинутый через узкую речушку, кричит, вздрагивая под

¹ *Захудáлый* — здесь: обедневший.

² *Застáва* — заграждение при въезде в город, сохранившееся от старинных времён.

³ *Шлагба́ум* — подъёмный брус, которым закрывается или открывается проезд по дороге.

⁴ *Заёзжий* (или *постоялый*) *дом* — гостиница при дороге.

колёсами, и шатается, точно дряхлый старик. За мостом потянулась еврейская улица с магазинами, лавками, лавчонками и с навесами калачниц. Вонь, грязь, кучи ребят, ползающих в уличной пыли. Но вот ещё минута — и вы уже за городом. Тихо шепчутся берёзы над могилами кладбища, да ветер волнует хлеба на нивах и звенит унылою, бесконечною песней в проволоках придорожного телеграфа.

Речка, через которую перекинут упомянутый мост, вытекала из пруда и впадала в другой. Таким образом, с севера и юга городок ограждался широкими водяными гладями и топями. Пруды год от году мелели, зарастали зеленью, и высокие, густые камыши волновались, как море, на громадных болотах. Посредине одного из прудов находится остров. На острове — старый, полуразрушенный замок.

Я помню, с каким страхом я смотрел всегда на это величавое дряхлое здание. О нём ходили предания и рассказы один другого страшнее. Говорили, что остров насыпан искусственно, руками пленных турок. «На костях человеческих стоит старое замчище», — передавали старожилы, и моё детское испуганное воображение рисовало под землёй тысячи турецких скелетов, поддерживающих костлявыми руками остров с его высокими пирамидальными тополями и старым замком. От этого, понятно, замок казался ещё страшнее, и даже в ясные дни, когда, бывало, ободрённые светом и громкими голосами птиц, мы подходили к нему поближе, он нередко наводил на нас припадки панического ужаса¹, — так страшно глядели чёрные впадины давно выбитых окон; в пустых залах ходил таинственный шорох: камешки и штукатурка, отрываясь, падали вниз, будя гулкое эхо, и мы бежали без оглядки, а за нами долго ещё стоял стук, и топот, и гоготанье.

А в бурные осенние ночи, когда гиганты тополи качались и гудели от налетавшего из-за прудов ветра, ужас разливался от старого замка и парил над всем городом.

В западной стороне, на горе, среди истлевших крестов и провалившихся могил, стояла давно заброшенная часовня².

¹ *Панический ужас* — внезапный, безотчётный и неодолимый сильнейший страх.

² *Часовня* — небольшой молитвенный дом с иконами.

У неё кое-где провалилась крыша, стены осыпались, и вместо гулко-го, с высоким тоном, медного колокола совы заводили в ней по ночам свои зловещие песни.

Было время, когда старый замок служил даровым убежищем всякому бедняку без малейших ограничений. Всё, что не находило себе места в городе, потерявшее по той или другой причине возможность платить хотя бы и жалкие гроши за кров и угол на ночь и в непогоду, — всё это тянулось на остров и там, среди развалин, преклоняло свои победные головушки¹, платя за гостеприимство лишь риском быть погребёнными под грудями старого мусора. «Живёт в замке» — эта фраза стала выражением крайней степени нищеты. Старый замок радушно принимал и покрывал и временно обнищавшего писца, и сиротливых старушек, и безродных бродяг. Все эти бедняки терзали внутренности дряхлого здания, обламывая потолки и полы, топили печи, что-то варили и чем-то питались — вообще как-то поддерживали своё существование.

Однако настали дни, когда среди этого общества, ютившегося под кровом седых развалин, пошли раздоры. Тогда старый Януш, бывший некогда одним из мелких графских служащих, выхлопотал себе нечто вроде звания управляющего и приступил к преобразованиям. Несколько дней на острове стоял такой шум, раздавались такие вопли, что по временам казалось — уж не турки ли вырвались из подземных темниц. Это Януш сортировал население развалин, отделяя «добрых христиан» от безвестных личностей. Когда наконец порядок вновь водворился на острове, то оказалось, что Януш оставил в замке преимущественно бывших слуг или потомков слуг графского рода. Это были всё какие-то старики в потёртых сюртуках и «чамарках»², с громадными синими носами и суковатыми палками, старухи, крикливые и безобразные, но сохранившие при полном обнищании свои капоры и салопы³. Все они составляли тесно сплочённый аристократический кружок, получивший право признанного нищенства. В будни эти старики и старухи ходили с молитвой

¹ *Победные головушки* — люди, испытавшие много бед и несчастий.

² *Чамарка* — старинная польская одежда.

³ *Капор* — женский головной убор, завязывающийся впереди лентами; *салоп* — широкое женское пальто.

на устах по домам более зажиточных горожан, разнося сплетни, жалуясь на судьбу, проливая слёзы и клянча, а по воскресеньям они же длинными рядами выстраивались около костёлов¹ и величественно принимали подачки во имя «пана Иисуса» и «панн Богоматери».

Привлечённые шумом и криками, которые во время этой революции неслись с острова, я и несколько моих товарищей пробрались туда и, спрятавшись за толстыми стволами тополей, наблюдали, как Януш во главе целой армии красноносых старцев и безобразных старух гнал из замка последних подлевавших изгнанию жильцов. Наступал вечер. Туча, нависшая над высокими вершинами тополей, уже сыпала дождиком. Какие-то несчастные тёмные личности, запахиваясь изорванными донёльзья лохмотьями, испуганные, жалкие и сконфуженные, совались по острову, точно кроты, выгнанные из нор мальчишками, стараясь вновь незаметно шмыгнуть в какое-нибудь из отверстий замка. Но Януш и старые ведьмы с криком и ругательствами гоняли их отовсюду, угрожая кочергами и палками, а в стороне стоял молчаливый будочник², тоже с увесистой дубиной в руках.

И несчастные тёмные личности поневоле, понурясь, скрывались за мостом, навсегда оставляя остров, и одна за другой тонули в слякотном сумраке быстро спускавшегося вечера.

С этого памятного вечера и Януш и старый замок, от которого прежде веяло на меня каким-то смутным величием, потеряли в моих глазах всю свою привлекательность. Бывало, я любил приходить на остров и хотя издали любоваться его серыми стенами и замшелую старую крышей. Когда на утренней заре из него выползали разнообразные фигуры, зевавшие, кашлявшие и крестившиеся на солнце, я и на них смотрел с каким-то уважением, как на существа, облечённые³ тою же таинственностью, которою был окутан весь замок. Они спят там ночью, они слышат всё, что там происходит, когда в огромные залы сквозь выбитые окна заглядывает луна или когда в бурю в них врывается ветер.

¹ Костёл — католический храм.

² Будочник — сторож.

³ Облечённые — здесь: окружённые.

Я любил слушать, когда, бывало, Януш, усевшись под тополями, с болтливостью семидесятилетнего старика начинал рассказывать о славном прошлом умершего здания.

Но с того вечера и замок и Януш явились передо мной в новом свете. Встретив меня на другой день вблизи острова, Януш стал зазывать меня к себе, уверяя с довольным видом, что теперь «сын таких почтенных родителей» смело может посетить замок, так как найдёт в нем вполне порядочное общество. Он даже привёл меня за руку к самому замку, но тут я со слезами вырвал у него свою руку и пустился бежать. Замок стал мне противен. Окна в верхнем этаже были заколочены, а низ находился во владении капоров и салопов. Старухи выползали оттуда в таком непривлекательном виде, лстили мне так приторно, ругались между собой так громко. Но главное — я не мог забыть холодной жестокости, с которою торжествующие жильцы замка гнали своих несчастных сожителей, а при воспоминании о тёмных личностях, оставшихся без крова, у меня сжималось сердце.

Несколько ночей после описанного переворота на острове город провёл очень беспокойно: лаяли собаки, скрипели двери домов, и обыватели¹, то и дело выходя на улицу, стучали палками по заборам, давая кому-то знать, что они настороже. Город знал, что по его улицам в ненастной тьме дождливой ночи бродят люди, которым голодно и холодно, которые дрожат и мокнут; понимая, что в сердцах этих людей должны рождаться жестокие чувства, город насторожился и навстречу этим чувствам посылал свои угрозы. А ночь, как нарочно, спускалась на землю среди холодного ливня и уходила, оставляя над землёю низко бегущие тучи. И ветер бушевал среди ненастья, качая верхушки деревьев, стуча ставнями и напевая мне в моей постели о десятках людей, лишённых тепла и приюта.

Но вот весна окончательно восторжествовала над последними порывами зимы, солнце высушило землю, и вместе с тем бездомные скитальцы куда-то схлынули. Собачий лай по ночам утомился, обыватели перестали стучать по заборам, и жизнь города, сонная и однообразная, пошла своею колеёй.

¹ Обыватели — здесь: жители данной местности.

Только несчастные изгнанники не нашли и теперь в городе своей колеи. Правда, они не слонялись по улицам ночью; говорили, что они нашли приют где-то на горе, около часовни, но как они ухитрились пристроиться там, никто не мог сказать в точности. Все видели только, что с той стороны, с гор и оврагов, окружавших часовню, спускались в город по утрам самые невероятные и подозрительные фигуры, которые в сумерки исчезали в том же направлении. Своим появлением они возмущали тихое дремливое течение городской жизни, выделяясь на сереньком фоне мрачными пятнами. Обыватели косились на них с враждебною тревогой. Эти фигуры нисколько не походили на аристократических нищих из замка, — город их не признавал, да и их отношения к городу имели чисто боевой характер: они предпочитали ругать обывателя, чем льстить ему, брать самим, чем выпрашивать. Притом, как это встречается нередко, среди этой оборванной и тёмной толпы несчастливцев встречались лица, которые по уму и талантам могли бы сделать честь избраннейшему обществу замка, но не ужились в нём и предпочли демократическое общество часовни.

Кроме этих выделявшихся из ряда людей, около часовни ютилась ещё тёмная масса жалких оборванцев, появление которых на базаре производило всегда большую тревогу среди торговков, спешивших прикрыть свое добро руками, подобно тому как наседки прикрывают цыплят, когда в небе покажется коршун. Ходили слухи, что эти бедняки, окончательно лишённые всяких средств к жизни со времени изгнания из замка, составили дружное сообщество и занимались, между прочим, мелким воровством в городе и окрестностях.

Организатором и руководителем этого сообщества несчастливцев был пан Тыбурций Драб, самая замечательная личность из всех не ужившихся в старом замке.

Происхождение Драба было покрыто мраком самой таинственной неизвестности. Некоторые приписывали ему аристократическое имя, которое он покрыл позором и потому принуждён был скрываться. Но наружность пана Тыбурция не имела в себе ничего аристократического. Роста он был высокого; крупные черты лица были грубо-выразительны. Короткие, слегка рыжеватые волосы торчали врозь; низкий лоб, несколько выдававшаяся впе-

рёд нижняя челюсть и сильная подвижность лица напоминали что-то обезьянье; но глаза, сверкавшие из-под нависших бровей, смотрели упорно и мрачно, и в них светились вместе с лукавством острая проницательность, энергия и ум. В то время как на его лице сменялся целый ряд гримас, эти глаза сохраняли постоянно одно выражение, отчего мне всегда бывало как-то безотчётно жутко смотреть на кривлянье этого странного человека. Под ним как будто струилась глубокая постоянная печаль.

Руки пана Тыбурция были грубы и покрыты мозолями, большие ноги ступали по-мужичьи. Ввиду этого большинство обывателей не признавало за ним аристократического происхождения. Но тогда как объяснить его поразительную учёность, которая всем была очевидна? Не было кабака во всём городе, в котором бы пан Тыбурций, в поучение собравшихся в базарные дни хохлов, не произносил, стоя на бочке, целых речей из Цицерона¹, целых глав из Ксенофонта². Хохлы, вообще наделённые от природы богатой фантазией, умели как-то влагать свой собственный смысл в эти одушевлённые, хотя и непонятные речи... И, когда, ударяя себя в грудь и сверкая глазами, он обращался к ним со словами: «*Patres conscripti*»³, — они тоже хмурились и говорили друг другу:

— Ото ж, вражий сын, як лається!

Когда же затем пан Тыбурций, подняв глаза к потолку, начинал декламировать длиннейшие латинские тексты, усатые слушатели следили за ним с боязливым и жалостным участием. Им казалось тогда, что душа Тыбурция витает где-то в неведомой стране, где говорят не по-христиански, и что она там испытывает какие-то горестные приключения. Его голос звучал такими глухими, загробными раскатами, что сидевшие по углам и наиболее ослабевшие от горилки⁴ слушатели опускали головы, свешивали длинные «чуприны» и начинали всхлипывать:

— О-ох, матиньки, та и жалобно ж, хай ему бис! — И слёзы капали из глаз и стекали по длинным усам.

¹ Цицерон — знаменитый древнеримский государственный деятель, славившийся красноречием. Речи его считались образцом ораторского искусства.

² Ксенофонт — древнегреческий историк и писатель.

³ *Patres conscripti* (лат.) — отцы-сенаторы.

⁴ Горилка (укр.) — водка.

И, когда оратор, внезапно соскакивая с бочки, раздражался весёлым хохотом, омрачённые лица хохлов вдруг прояснились и руки тянулись к карманам широких штанов за медяками. Обрадованные благополучным окончанием трагических приключений пана Тыбурция, хохлы поили его водкой, обнимались с ним, и в его картуз падали, звеня, медяки.

Ввиду такой поразительной учёности явилась новая легенда, что пан Тыбурций был некогда дворовым мальчишкой какого-то графа, который послал его вместе со своим сыном в школу отцов иезуитов¹, собственно, на предмет чистки сапог молодого панича. Оказалось, однако, что, в то время как молодой граф бездельничал, его лакей перехватил всю мудрость, которая назначалась для головы барчука.

Никто не знал также, откуда у пана Тыбурция явились дети, а между тем факт стоял налицо, даже два факта: мальчик лет семи, но рослый и развитой не по летам, и маленькая трёхлетняя девочка. Мальчика пан Тыбурций привёл с собой с первых дней, как явился сам. Что же касается девочки, то он отлучался на несколько месяцев, прежде чем она появилась у него на руках.

Мальчик по имени Валек, высокий, тонкий, черноволосый, угрюмо шатался иногда по городу без особенного дела, заложив руки в карманы и кидая по сторонам взгляды, смущавшие сердца калачниц. Девочку видели только один или два раза на руках пана Тыбурция, а затем она куда-то исчезла, и где находилась — никому не было известно.

Поговаривали о каких-то подземельях на горе около часовни, и так как в тех краях подобные подземелья нередки, то все верили этим слухам, тем более что ведь жили же где-нибудь все эти люди. А они обыкновенно под вечер исчезали именно в направлении к часовне. Туда своею сонною походкой ковылял полубезумный старик нищий, которого прозвали «профессор», шагал решительно и быстро пан Тыбурций. Туда уходили под вечер, утопая в сумерках, и другие тёмные личности, и не было храброго человека, который бы решился следовать за ними по глинистым обрывам. Гора, изрытая могилами, пользовалась дурной славой. На старом кладбище в сырые осенние ночи заго-

¹ *Иезуиты* — члены католического монашеского ордена (объединения).

рались синие огни, а в часовне сычи кричали так пронзительно и звонко, что от криков проклятой птицы даже у бесстрашного кузнеца сжималось сердце.

2. Я И МОЙ ОТЕЦ

— Плохо, молодой человек, плохо! — говорил мне нередко старый Януш из замка, встречая меня на улицах города среди слушателей пана Тыбурция.

И старик качал при этом своею седою бородой.

— Плохо, молодой человек, — вы в дурном обществе!.. Жаль, очень жаль сына почтенных родителей.

Действительно, с тех пор как умерла моя мать, а суровое лицо отца стало ещё угрюмее, меня очень редко видели дома. В поздние летние вечера я прокрадывался по саду, как молодой волчонок, избегая встречи с отцом, отворял посредством особых приспособлений своё окно, полузакрытое густою зеленью сирени, и тихо ложился в постель. Если маленькая сестрёнка ещё не спала в своей качалке в соседней комнате, я подходил к ней, и мы тихо ласкали друг друга и играли, стараясь не разбудить ворчливую старую няньку.

А утром, чуть свет, когда в доме все ещё спали, я уж прокладывал росистый след в густой, высокой траве сада, перелезал через забор и шёл к пруду, где меня ждали с удочками такие же сорванцы-товарищи, или к мельнице, где сонный мельник только что отодвинул шлюзы¹ и вода, чутко вздрагивая на зеркальной поверхности, кидалась в «лотёки»² и бодро принималась за дневную работу.

Большие мельничные колёса, разбуженные шумливыми толчками воды, тоже вздрагивали, как-то нехотя подавались, точно лениясь проснуться, но через несколько секунд уже кружились, брызгая пеной и купаясь в холодных струях. За ними медленно и солидно трогались толстые валы, внутри мельницы начинали грохотать шестерни; шуршали жернова, и белая мучная пыль тучами поднималась из щелей старого-престарого мельничного здания.

¹ Шлюзы — подвижные ворота на плотине для удержания или пуска воды.

² Лотёк — здесь: лопасть мельничного колеса.

Тогда я шёл далее. Мне нравилось встречать пробуждение природы; я бывал рад, когда мне удавалось вспугнуть заспавшегося жаворонка или выгнать из борозды трусливого зайца. Капли росы падали с верхушек трясунки¹, с головок луговых цветов, когда я пробирался полями к загородной роще. Деревья встречали меня шёпотом ленивой дремоты.

Я успевал совершить дальний обход, и всё же в городе то и дело встречались мне заспанные фигуры, отворявшие ставни домов. Но вот солнце поднялось уже над горой, из-за прудов слышится крикливый звонок, сзывающий гимназистов, и голод зовет меня домой к утреннему чаю.

Вообще все меня звали бродягой, негодным мальчишкой и так часто укоряли в разных дурных наклонностях, что я наконец и сам проникся этим убеждением. Отец также поверил этому и делал иногда попытки заняться моим воспитанием, но попытки эти всегда кончались неудачей. При виде строгого и угрюмого лица, на котором лежала суровая печать неизлечимого горя, я робел и замыкался в себе. Я стоял перед ним, переминаясь, теребя свои штанишки, и озирался по сторонам. Временами что-то как будто подымалось у меня в груди; мне хотелось, чтоб он обнял меня, посадил к себе на колени и приласкал. Тогда я прильнул бы к его груди, и, быть может, мы вместе заплакали бы — ребёнок и суровый мужчина — о нашей общей утрате. Но он смотрел на меня отуманенными глазами, как будто поверх моей головы, и я весь сжимался под этим непонятным для меня взглядом.

— Ты помнишь матушку?

Помнил ли я её? О да, я помнил её! Я помнил, как, бывало, просыпаясь ночью, я искал в темноте её нежные руки и крепко прижимался к ним, покрывая их поцелуями. Я помнил её, когда она сидела больная перед открытым окном и грустно оглядывала чудную весеннюю картину, прощаясь с нею в последний год своей жизни.

О да, я помнил её... Когда она, вся покрытая цветами, молодая и прекрасная, лежала с печатью смерти на бледном лице, я, как зверёк, забился в угол и смотрел на неё горящими глазами,

¹ Трясу́нка — трава с раскидистой метёлкой сплюснутых колосков.

перед которыми впервые открылся весь ужас загадки о жизни и смерти.

И теперь часто, в глухую полночь, я просыпался, полный любви, которая теснилась в груди, переполняя детское сердце, просыпался с улыбкой счастья. И опять, как прежде, мне казалось, что она со мною, что я сейчас встречу её любящую, милую ласку.

Да, я помнил её!.. Но на вопрос высокого, угрюмого человека, в котором я желал, но не мог почувствовать родную душу, я съёживался ещё более и тихо выдёргивал из его руки свою ручонку.

И он отворачивался от меня с досадою и болью. Он чувствовал, что не имеет на меня ни малейшего влияния, что между нами стоит какая-то стена. Он слишком любил её, когда она была жива, не замечая меня из-за своего счастья. Теперь меня закрывало от него тяжёлое горе. И мало-помалу пропасть, нас разделявшая, становилась всё шире и глубже. Он всё более убеждался, что я дурной, испорченный мальчишка, с чёрствым, эгоистическим сердцем, и сознание, что он должен, но не может заняться мною, должен любить меня, но не находит этой любви в своём сердце, ещё увеличивало его нерасположение. И я это чувствовал. Порой, спрятавшись в кустах, я наблюдал за ним; я видел, как он шагал по аллеям, всё ускоряя походку, и глухо стонал от нестерпимой душевной муки. Тогда моё сердце загоралось жалостью и сочувствием. Один раз, когда, сжав руками голову, он присел на скамейку и зарыдал, я не вытерпел и выбежал из кустов на дорожку, повинувшись неопределённому побуждению, толкавшему меня к этому человеку. Но, услышав мои шаги, он сурово взглянул на меня и осадил¹ холодным вопросом:

— Что нужно?

Мне ничего не было нужно. Я быстро отвернулся, стыдясь своего порыва, боясь, чтоб отец не прочёл его в моём смущённом лице. Убежав в чащу сада, я упал лицом в траву и горько заплакал от досады и боли.

С шести лет я испытывал уже ужас одиночества.

Сестре Соне было четыре года. Я любил её страстно, и она платила мне такую же любовью; но установившийся взгляд на

¹ *Осадить* — здесь: остановить.

меня, как на отпетого¹ маленького разбойника, воздвиг и между нами высокую стену. Всякий раз, когда я начинал играть с нею, по-своему шумно и резво, старая нянька, вечно сонная и вечно дравшая, с закрытыми глазами, куриные перья для подушек, немедленно просыпалась, быстро схватывала мою Соню и уносила к себе, кидая на меня сердитые взгляды; в таких случаях она всегда напоминала мне всклоченную наседку, себя я сравнивал с хищным коршуном, а Соню — с маленьким цыплёнком. Мне становилось очень горько и досадно. Немудрено поэтому, что скоро я прекратил всякие попытки занимать Соню моими преступными играми, а ещё через некоторое время мне стало тесно в доме и в садике, где я не встречал ни в ком привета и ласки. Я начал бродяжить. Всё моё существо трепетало тогда каким-то странным предчувствием жизни. Мне всё казалось, что где-то там, в этом большом и неведомом свете, за старою оградой сада, я найду что-то; казалось, что я что-то должен сделать и могу что-то сделать, но я только не знал, что именно. Я стал инстинктивно бегать и от няньки с её перьями, и от знакомого ленивого шёпота яблоней в нашем маленьком садике, и от глупого стука ножей, рубивших на кухне котлеты. С тех пор к прочим нелестным моим эпитетам прибавились названия уличного мальчишки и бродяги; но я не обращал на это внимания. Я притерпелся к упрёкам и выносил их, как выносил внезапно налетавший дождь или солнечный зной. Я хмуро выслушивал замечания и поступал по-своему. Шатаюсь по улицам, я всматривался детски-любопытными глазами в незатейливую жизнь городка с его лачугами, вслушивался в гул проволок на шоссе, стараясь уловить, какие вести несутся по ним из далёких больших городов, или в шелест колосьев, или в шёпот ветра на высоких гайдамацких² могилах. Не раз мои глаза широко раскрывались, не раз останавливался я с болезненным испугом перед картинами жизни. Образ за образом, впечатление за впечатлением ложились на душу яркими пятнами; я узнал и увидал много такого, что не видели дети значительно старше меня.

¹ *Отпéтый* — здесь: неисправимый.

² *Гайдама́к* — участник восстания украинских казаков против польских помещиков в XVIII веке.

Когда все углы города стали мне известны до последних грязных закоулков, тогда я стал заглядываться на видневшуюся вдаль, на горе, часовню. Сначала, как пугливый зверёк, я подходил к ней с разных сторон, всё не решаясь взобраться на гору, пользовавшуюся дурной славой. Но, по мере того как я знакомился с местностью, передо мною выступали только тихие могилы и разрушенные кресты. Нигде не было видно признаков какого-либо жилья и человеческого присутствия. Всё было как-то смиренно, тихо, заброшенно, пусто. Только самая часовня глядела, насупившись, пустыми окнами, точно думала какую-то грустную думу. Мне захотелось осмотреть её всю, заглянуть внутрь, чтобы убедиться, что и там нет ничего, кроме пыли. Но так как одному было бы и страшно и неудобно предпринимать подобную экскурсию, то я собрал на улицах города небольшой отряд из трёх сорванцов, привлечённых обещанием булок и яблок из нашего сада.

3. Я ПРИОБРЕТАЮ НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Мы вышли в экскурсию после обеда и, подойдя к горе, стали подниматься по глинистым обвалам, взрытым лопатами жителей и весенними потоками. Обвалы обнажали склоны горы, и кое-где из глины виднелись высунувшиеся наружу белые, истлевшие кости. В одном месте выставлялся деревянный гроб, в другом — скалил зубы человеческий череп.

Наконец, помогая друг другу, мы торопливо взобрались на гору из последнего обрыва. Солнце начинало склоняться к закату. Косые лучи мягко золотили зелёную мураву старого кладбища, играли на покосившихся крестах, переливались в уцелевших окнах часовни. Было тихо, веяло спокойствием и глубоким миром брошенного кладбища. Здесь уже мы не видели ни черепов, ни костей, ни гробов. Зелёная, свежая трава ровным пологом любовно скрывала ужас и безобразие смерти.

Мы были одни; только воробьи возились кругом да ласточки бесшумно влетали и вылетали в окна старой часовни, которая стояла, грустно понурясь, среди поросших травой могил, скромных крестов, полуразвалившихся каменных гробниц, на развалинах которых стлалась густая зелень, пестрели разноцветные головки лютиков, кашки, фиалок.

— Нет никого, — сказал один из моих спутников.

— Солнце заходит, — заметил другой, глядя на солнце, которое не заходило ещё, но стояло над горою.

Дверь часовни была крепко заколочена, окна — высоко над землёю; однако при помощи товарищей я надеялся взобраться на них и взглянуть внутрь часовни.

— Не надо! — вскрикнул один из моих спутников, вдруг потерявший всю свою храбрость, и схватил меня за руку.

— Пошёл ко всем чертям, баба! — прикрикнул на него старший из нашей маленькой армии, с готовностью подставляя спину.

Я храбро взобрался на неё, потом он выпрямился, и я стал ногами на его плечи. В таком положении я без труда достал рукой раму и, убедясь в её крепости, поднялся к окну и сел на него.

— Ну, что же там? — спрашивали меня снизу с живым интересом.

Я молчал. Перегнувшись через косяк, я заглянул внутрь часовни, и оттуда на меня пахнуло торжественною тишиной брошенного храма. Внутренность высокого, узкого здания была лишена всяких украшений. Лучи вечернего солнца, свободно врываясь в открытые окна, разрисовывали ярким золотом старые, ободранные стены. Я увидел внутреннюю сторону запертой двери, провалившиеся хоры¹, старые, истлевшие колонны, как бы покачнувшиеся под непосильною тяжестью. Углы были затканы паутиной, и в них ютилась та особенная тьма, которая залегает все углы таких старых зданий. От окна до пола казалось гораздо дальше, чем до травы снаружи. Я смотрел точно в глубокую яму и сначала не мог разглядеть каких-то предметов, еле выделявшихся на полу странными очертаниями.

Между тем моим товарищам надоело стоять внизу, ожидая от меня известий, и потому один из них, проделав то же, что и я раньше, повис рядом со мною, держась за оконную раму.

— Что там такое? — с любопытством указал он на тёмный предмет, видневшийся рядом с престолом².

— Поповская шапка.

¹ *Хоры* — балкон в верхней части зала для хора и музыкантов.

² *Престол* — стол в алтаре, в главной части церкви.

- Нет, ведро.
- Зачем же тут ведро?
- Может быть, в нём когда-то были угли для кадила¹.
- Нет, это действительно шапка. Впрочем, можно посмотреть. Давай привяжем к раме пояса, и ты по нему спустишься.
- Да, как же, так и спущусь!.. Полезай сам, если хочешь.
- Ну что ж! Думаешь, не полезу?
- И полезай!

Действуя по первому побуждению, я крепко связал два ремня, задел их за раму и, отдав один конец товарищу, сам повис на другом. Когда моя нога коснулась пола, я вздрогнул; но взгляд на участливо склонившуюся ко мне рожицу моего приятеля восстановил мою бодрость. Стук каблука зазвенел под потолком, отдался в пустоте часовни, в её темных углах. Несколько воробьёв вспорхнули с насиженных мест на хорах и вылетели в большую прореху в крыше. Со стены, на окнах которой мы сидели,глянуло на меня вдруг строгое лицо с бородой, в терновом венце². Это склонялось из-под самого потолка гигантское распятие³.

Мне было жутко; глаза моего друга сверкали захватывающим дух любопытством и участием.

— Ты подойдёшь? — спросил он тихо.

— Подойду, — ответил я так же, собираясь с духом. Но в эту минуту случилось нечто совершенно неожиданное.

Сначала послышался стук и шум обвалившейся на хорах штукатурки. Что-то завозилося вверху, тряхнуло в воздухе тучею пыли, и большая серая масса, взмахнув крыльями, поднялась к прорехе в крыше. Часовня на мгновение как будто потемнела. Огромная старая сова, обеспокоенная нашей вознёй, вылетела из тёмного угла, мелькнула на фоне голубого неба в пролёте и шарахнулась вон.

Я почувствовал прилив судорожного страха.

— Подымай! — крикнул я товарищу, схватившись за ремень.

¹ *Кади́ло* — металлический сосуд, употребляющийся в православном и католическом богослужении для курения ладаном — ароматной смолой.

² *Терно́вый вене́ц* — венок из ветвей терновника, колючего кустарника. Такой венец надели на Иисуса перед его казнью — распятием на кресте.

³ *Гига́нтское распя́тие* — огромный крест с изображением распятого Иисуса.

Художник Г. Фитингоф

— Не бойся, не бойся! — успокаивал он, приготовляясь поднять меня на свет дня и солнца.

Но вдруг лицо его исказилось от страха; он вскрикнул и мгновенно исчез, прыгнув с окна. Я инстинктивно оглянулся и увидел странное явление, поразившее меня, впрочем, больше удивлением, чем ужасом.

Тёмный предмет нашего спора, шапка или ведро, оказавшийся в конце концов горшком, мелькнул в воздухе и на глазах моих скрылся под престолом.

Я успел только разглядеть очертания небольшой, как будто детской руки.

Трудно передать свои ощущения в эту минуту; чувство, которое я испытывал, нельзя даже назвать страхом.

Я был на том свете. Откуда-то, точно из другого мира, в течение нескольких секунд доносился до меня быстрою дробью тревожный топот трёх пар детских ног. Но вскоре затих и он. Я был один, точно в гробу, в виду каких-то странных и необъяснимых явлений.

Времени для меня не существовало, поэтому я не мог сказать, скоро ли я услышал под престолом сдержанный шёпот:

— Почему же он не лезет себе назад?

— Видишь, испугался.

Первый голос показался мне совсем детским; второй мог принадлежать мальчику моего возраста. Мне показалось также, что в щели старого престола сверкнула пара чёрных глаз.

— Что ж он теперь будет делать? — слышался опять шёпот.

— А вот погоди, — ответил голос постарше.

Под престолом что-то сильно завожилось, он даже как будто покачнулся, и в то же мгновение из-под него вынырнула фигура.

Это был мальчик лет девяти, больше меня, худощавый и тонкий, как тростинка. Одет он был в грязной рубашонке, руки

держал в карманах узких и коротких штанишек. Тёмные курчавые волосы лохматились над чёрными задумчивыми глазами.

Хотя незнакомец, явившийся на сцену столь неожиданным и странным образом, подходил ко мне с тем беспечно-задорным видом, с каким всегда на нашем базаре подходили друг к другу мальчишки, готовые вступить в драку, но всё же, увидев его, я сильно ободрился. Я ободрился ещё более, когда из-под того же престола, или, вернее, из люка в полу часовни, который он покрывал, сзади мальчика показалось ещё грязное личико, обрамлённое белокурыми волосами и сверкавшее на меня детски-любопытными голубыми глазами.

Я несколько отодвинулся от стены и тоже положил руки в карманы. Это было признаком, что я не боюсь противника и даже отчасти намекаю на моё к нему презрение.

Мы стали друг против друга и обменялись взглядами. Оглядев меня с головы до ног, мальчишка спросил:

— Ты здесь зачем?

— Так, — ответил я. — Тебе какое дело?

Мой противник повёл плечом, как будто намереваясь вынуть руку из кармана и ударить меня. Я не моргнул и глазом.

— Я вот тебе покажу! — погрозил он.

Я выпятился грудью вперёд:

— Ну, ударь, попробуй!..

Мгновение было критическое¹, от него зависел характер дальнейших отношений. Я ждал, но мой противник, окинув меня тем же испытующим взглядом, не шевелился.

— Я, брат, и сам... тоже... — сказал я, но уже более миролюбиво.

Между тем девочка, упершись маленькими ручонками в пол часовни, старалась тоже выкарабкаться из люка. Она падала, вновь приподымалась и наконец направилась нетвёрдыми шагами к мальчишке. Подойдя вплоть, она крепко ухватила за него и, прижавшись к нему, поглядела на меня удивлённым и отчасти испуганным взглядом.

Это решило исход дела; стало совершенно ясно, что в таком положении мальчишка не мог драться, а я, конечно, был

¹ Критическое — здесь: решающее, переломное.

слишком великодушен, чтобы воспользоваться его неудобным положением.

— Как твоё имя? — спросил мальчик, глядя рукой белокурую головку девочки.

— Вася. А ты кто такой?

— Я Валека... Я тебя знаю: ты живёшь в саду над прудом. У вас большие яблоки.

— Да, это правда, яблоки у нас хорошие... Не хочешь ли?

Вынув из кармана два яблока, назначавшиеся для расплаты с моею постыдно бежавшей армией, я подал одно из них Валеку, другое протянул девочке. Но она скрыла своё лицо, прижавшись к Валеку.

— Бойся, — сказал тот и сам передал яблоко девочке.

— Зачем ты влез сюда? Разве я когда-нибудь лазал в ваш сад? — спросил он затем.

— Что ж, приходи! Я буду рад, — ответил я радушно.

Ответ этот озадачил Валека; он призадумался.

— Я тебе не компания, — сказал он грустно.

— Отчего же? — спросил я, искренне огорчённый грустным тоном, каким были сказаны эти слова.

— Твой отец — пан судья.

— Ну так что же? — изумился я чистосердечно. — Ведь ты будешь играть со мною, а не с отцом.

Валека покачал головой.

— Тыбурций не пустит, — сказал он, и, как будто это имя напомнило ему что-то, он вдруг спохватился: — Послушай... Ты, кажется, славный хлопец, но всё-таки тебе лучше уйти. Если Тыбурций тебя застанет, будет плохо.

Я согласился, что мне действительно пора уходить. Последние лучи солнца уходили уже сквозь окна часовни, а до города было не близко.

— Как же мне отсюда выйти?

— Я тебе укажу дорогу. Мы выйдем вместе.

— А она? — ткнул я пальцем в нашу маленькую даму.

— Маруся? Она тоже пойдёт с нами.

— Как, в окно?

Валека задумался.

— Нет, вот что: я тебе помогу взобраться на окно, а мы выйдем другим ходом.

С помощью моего нового приятеля я поднялся к окну. Отвязав ремень, я обвил его вокруг рамы и, держась за оба конца, повис в воздухе. Затем, отпустив один конец, я спрыгнул на землю и выдернул ремень. Валек и Маруся ждали меня уже под стеной снаружи.

Солнце недавно ещё село за гору. Город утонул в лилово-туманной тени, и только верхушки высоких тополей на острове резко выделялись червонным золотом¹, разрисованные последними лучами заката. Мне казалось, что с тех пор, как я явился сюда, на старое кладбище, прошло не менее суток, что это было вчера.

— Как хорошо! — сказал я, охваченный свежестью наступающего вечера и вдыхая полною грудью влажную прохладу.

— Скучно здесь... — с грустью произнёс Валек.

— Вы все здесь живёте? — спросил я, когда мы втроём стали спускаться с горы.

— Здесь.

— Где же ваш дом?

Я не мог себе представить, чтобы дети могли жить без «дома».

Валек усмехнулся с обычным грустным видом и ничего не ответил.

Мы миновали крутые обвалы, так как Валек знал более удобную дорогу. Пройдя меж камышей по высохшему болоту и переправившись через ручеёк по тонким дощечкам, мы очутились у подножия горы, на равнине.

Тут надо было расстаться. Пожав руку моему новому знакомому, я протянул её также и девочке. Она ласково подала мне свою крохотную ручонку и, глядя снизу вверх голубыми глазами, спросила:

— Ты придёшь к нам опять?

— Приду, — ответил я, — непременно!..

— Что ж, — сказал в раздумье Валек, — приходи, пожалуй, только в такое время, когда наши будут в городе.

¹ Червонное золото — золото с небольшой примесью меди, имеющее красноватый оттенок.

— Кто это «ваши»?

— Да наши... все: Тыбурций, «профессор»... хотя тот, пожалуй, не помешает.

— Хорошо. Я посмотрю, когда они будут в городе, и тогда приду. А пока прощайте!

— Эй, послушай-ка! — крикнул мне Валек, когда я отошёл несколько шагов. — А ты болтать не будешь о том, что был у нас?

— Никому не скажу, — ответил я твёрдо.

— Ну вот, это хорошо! А этим твоим дуракам, когда станут приставать, скажи, что видел чёрта.

— Ладно, скажу.

— Ну, прощай!

— Прощай.

Густые сумерки залегли над Княжьим-Веном, когда я приблизился к забору своего сада. Над замком зарисовался тонкий серп луны, загорелись звёзды. Я хотел уже подняться на забор, как кто-то схватил меня за руку.

— Вася, друг, — заговорил взволнованным шёпотом мой бежавший товарищ. — Как же это ты?.. Голубчик!..

— А вот, как видишь... А вы все меня бросили!..

Он потупился, но любопытство взяло верх над чувством стыда, и он спросил опять:

— Что же там было?

— Что! — ответил я тоном, не допускавшим сомнения. — Разумеется, черти... А вы — трусы.

И, отмахнувшись от сконфуженного товарища, я полез на забор.

Через четверть часа я спал уже глубоким сном, и во сне мне виделись действительные черти, весело выскакивавшие из чёрного люка. Валек гонял их ивовым прутиком, а Маруся, весело сверкая глазками, смеялась и хлопала в ладоши.

4. ЗНАКОМСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

С этих пор я весь был поглощён моим новым знакомством. Вечером, ложась в постель, и утром, вставая, я только и думал о предстоящем визите на гору. По улицам города я шатался те-

перь с исключительною целью — высмотреть, тут ли находится вся компания, которую Януш характеризовал словами «дурное общество». И, если Тыбурций разглагольствовал перед своими слушателями, а тёмные личности из его компании шныряли по базару, я тотчас же бегом отправлялся через болото на гору, к часовне, предварительно наполнив карманы яблоками, которые я мог рвать в саду без запрета, и лакомствами, которые сберегал всегда для своих новых друзей.

Валек, вообще очень солидный и внушавший мне уважение своими манерами взрослого человека, принимал эти приношения просто и по большей части откладывал куда-нибудь, приберегая для сестры, но Маруся всякий раз всплескивала ручонками, и глаза её загорались огоньком восторга; бледное лицо девочки вспыхивало румянцем, она смеялась, и этот смех нашей маленькой приятельницы отдавался в наших сердцах, вознаграждая за конфеты, которые мы жертвовали в её пользу.

Это было бледное, крошечное создание, напоминавшее цветок, выросший без лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила ещё плохо, неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, как былинка; руки её были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шее, как головка полевого колокольчика; глаза смотрели порой так не по-детски грустно, и улыбка так напоминала мне мою мать в последние дни, когда она, бывало, сидела против открытого окна и ветер шевелил её белокурые волосы, что мне становилось самому грустно, и слёзы подступали к глазам.

Я невольно сравнивал её с моей сестрой; они были в одном возрасте, но моя Соня была кругла, как пышка, и упруга, как мячик. Она так резво бегала, когда, бывало, разыграется, так звонко смеялась, на ней всегда были такие красивые платья, и в тёмные косы ей каждый день горничная вплетала алую ленту.

А моя маленькая приятельница почти никогда не бегала и смеялась очень редко; когда же смеялась, то смех её звучал, как самый маленький серебряный колокольчик, которого на десять шагов уже не слышно. Платье её было грязно и старо, в косе не было лент, но волосы у неё были гораздо больше и роскошнее, чем у Сони, и Валек, к моему удивлению, очень искусно умел заплетать их, что и исполнял каждое утро.

Я был большой сорванец. «У этого малого, — говорили обо мне старшие, — руки и ноги налиты ртутью», чему я и сам верил, хотя не представлял себе ясно, кто и каким образом произвёл надо мной эту операцию. В первые же дни я внёс своё оживление и в общество моих новых знакомых. Едва ли эхо старой часовни повторяло когда-нибудь такие громкие крики, как в то время, когда я старался расшевелить и завлечь в свои игры Валека и Марусю. Однако это удавалось плохо. Валек серьёзно смотрел на меня и на девочку, и раз, когда я заставил её бегать со мной взапуски, он сказал:

— Нет, она сейчас заплачет.

Действительно, когда я растормошил её и заставил бежать, Маруся, заслышав мои шаги за собой, вдруг повернулась ко мне, подняв ручонки над головой, точно для защиты, посмотрела на меня беспомощным взглядом захлопнутой пташки и громко заплакала.

Я совсем растерялся.

— Вот видишь, — сказал Валек, — она не любит играть.

Он усадил её на траву, нарвал цветов и кинул ей; она перестала плакать и тихо перебирала растения, что-то говорила, обращаясь к золотистым лютикам, и подносила к губам синие колокольчики. Я тоже присмирел и лёг рядом с Валеком около девочки.

— Отчего она такая? — спросил я наконец, указывая глазами на Марусю.

— Невесёлая? — переспросил Валек и затем сказал тоном совершенно убежденного человека: — А это, видишь ли, от серого камня.

— Да-а, — повторила девочка, точно слабое эхо, — это от серого камня.

— От какого серого камня? — переспросил я, не понимая.

— Серый камень высосал из неё жизнь, — пояснил опять Валек, по-прежнему смотря на небо. — Так говорит Тыбурций... Тыбурций хорошо знает.

— Да-а, — опять повторила тихим эхом девочка. — Тыбурций всё знает.

Я ничего не понимал в этих загадочных словах, которые Валек повторял за Тыбурцием, однако убеждение Валека, что

Тыбурций всё знает, произвело и на меня своё действие. Я приподнялся на локте и взглянул на Марусю. Она сидела в том же положении, в каком усадил её Валек, и всё так же перебирала цветы; движения её тонких рук были медленны; глаза выделялись глубокою синевою на бледном лице; длинные ресницы были опущены. При взгляде на эту крохотную, грустную фигурку мне стало ясно, что в словах Тыбурция — хотя я и не понимал их значения — заключается горькая правда. Несомненно, кто-то высасывает жизнь из этой странной девочки, которая плачет тогда, когда другие на её месте смеются. Но как же может сделать это серый камень?

Это было для меня загадкой, страшнее всех призраков старого замка. Как ни ужасны были турки, томившиеся под землёю, но все они отзывались старою сказкой. А здесь что-то неведомо страшное было налицо. Что-то бесформенное, неумолимое, твёрдое и жестокое, как камень, склонялось над маленькою головкой, высасывая из неё румянец, блеск глаз и живость движений. «Должно быть, это бывает по ночам», — думал я, и чувство щемящего до боли сожаления сжимало мне сердце.

Под влиянием этого чувства я тоже умерил свою резвость. Применяясь к тихой солидности нашей дамы, оба мы с Валеком, усадив её где-нибудь на траве, собирали для неё цветы, разноцветные камешки, ловили бабочек, иногда делали из кирпичей ловушки для воробьёв. Иногда же, растянувшись около неё на траве, смотрели в небо, как плывут облака высоко над лохматою крышей старой часовни, рассказывали Марусе сказки или беседовали друг с другом.

Эти беседы с каждым днём всё больше закрепляли нашу дружбу с Валеком, которая росла, несмотря на резкую противоположность наших характеров. Моей порывистой резвости

Художник В. Панов

он противопоставлял грустную солидность и внушал мне почтение независимым тоном, с каким отзывался о старших. Кроме того, он часто сообщал мне много нового, о чём я раньше и не думал. Слыша, как он отзывается о Тыбурции, точно о товарище, я спросил:

— Тыбурций тебе отец?

— Должно быть, отец, — ответил он задумчиво, будто этот вопрос не приходил ему в голову.

— Он тебя любит?

— Да, любит, — сказал он уже гораздо увереннее. — Он постоянно обо мне заботится, и, знаешь, иногда он целует меня и плачет...

— И меня любит, и тоже плачет, — прибавила Маруся с выражением детской гордости.

— А меня отец не любит, — сказал я грустно. — Он никогда не целовал меня... Он нехороший.

— Неправда, неправда, — возразил Валек, — ты не понимаешь. Тыбурций лучше знает. Он говорит, что судья — самый лучший человек в городе... Он засудил даже одного графа...

— Да, это правда... Граф очень сердился, я слышал.

— Ну, вот видишь! А ведь графа засудить не шутка.

— Почему?

— Почему? — переспросил Валек, несколько озадаченный. — Потому что граф — не простой человек... Граф делает что хочет и ездит в карете, и потом... у графа деньги; он дал бы другому судье денег, и тот бы его не засудил, а засудил бы бедного.

— Да, это правда. Я слышал, как граф кричал у нас в квартире: «Я вас всех могу купить и продать!»

— А судья что?

— А отец говорит ему: «Подите от меня вон!»

— Ну, вот, вот! И Тыбурций говорит, что он не побоится прогнать богатого, а когда к нему пришла старая Иваниха с костылём, он велел принести ей стул. Вот он какой!

Всё это заставило меня глубоко задуматься. Валек указал мне моего отца с такой стороны, с какой мне никогда не приходило в голову взглянуть на него: слова Валека задели в моём сердце струну сыновней гордости; мне было приятно слушать похвалы моему отцу, да ещё от имени Тыбурция, который «всё

знает», но вместе с тем дрогнула в моём сердце и нота щемящей любви, смешанной с горьким сознанием: никогда отец не любил и не полюбит меня так, как Тыбурций любит своих детей.

5. СРЕДИ «СЕРЫХ КАМНЕЙ»

Прошло ещё несколько дней. Члены «дурного общества» перестали являться в город, и я напрасно шатался, скучая, по улицам, ожидая их появления, чтобы бежать на гору. Я совсем соскучился, так как не видеть Валека и Марусю стало уже для меня большим лишением. Но вот, когда я однажды шёл с опущенною головой по пыльной улице, Валека вдруг положил мне на плечо руку.

— Отчего ты перестал к нам ходить? — спросил он.

— Я боялся... Ваших не видно в городе.

— А-а... Я и не догадался сказать тебе: наших нет, приходи...

А я было думал совсем другое.

— А что?

— Я думал, тебе наскучило.

— Нет, нет... Я, брат, сейчас побегу, — заторопился я, — даже и яблоки со мной.

При упоминании о яблоках Валека быстро повернулся ко мне, как будто хотел что-то сказать, но не сказал ничего, а только посмотрел на меня странным взглядом.

— Ничего, ничего, — отмахнулся он, видя, что я смотрю на него с ожиданием. — Ступай прямо на гору, а я тут зайду кое-куда — дело есть. Я тебя догоню на дороге.

Я пошёл тихо и часто оглядывался, ожидая, что Валека меня догонит; однако я успел взойти на гору и подошёл к часовне, а его всё не было. Я остановился в недоумении: передо мной было только кладбище, пустынное и тихое, без малейших признаков обитаемости, — только воробьи чирикали на свободе да густые кусты черёмухи, жимолости и сирени, прижимаясь к южной стене часовни, о чём-то тихо шептались густо разросшейся тёмной листвой.

Я оглянулся кругом. Куда же мне теперь идти? Очевидно, надо дожидаться Валека. А пока я стал ходить между могилами, присматриваясь к ним от нечего делать и стараясь разобрать

стёртые надписи на обросших мхом надгробных камнях. Шатаюсь таким образом от могилы к могиле, я наткнулся на полуразрушенный просторный склеп¹. Крыша его была сброшена или сорвана непогодой и валялась тут же. Дверь была заколочена. Из любопытства я приставил к стене старый крест и, взобравшись по нему, взглянул внутрь. Гробница была пуста, только в середине пола была вделана оконная рама со стёклами, и сквозь эти стёкла зияла тёмная пустота подземелья.

Пока я рассматривал гробницу, удивляясь странному назначению окна, на гору вбежал запыхавшийся и усталый Валек. В руках у него была большая еврейская булка, за пазухой что-то оттопырилось, по лицу стекали капли пота.

— Ага! — крикнул он, заметив меня. — Ты вот где... Если бы Тыбурций тебя здесь увидел, то-то бы рассердился! Ну, да теперь уж делать нечего... Я знаю, ты хлопец хороший и никому не расскажешь, как мы живём. Пойдём к нам.

— Где же это, далеко? — спросил я.

— А вот увидишь. Ступай за мной.

Он раздвинул кусты жимолости и сирени и скрылся в зелени под стеной часовни; я последовал туда за ним и очутился на небольшой, плотно утоптанной площадке, которая совершенно скрывалась в зелени. Между стволами черёмухи я увидел в земле довольно большое отверстие с земляными ступенями, ведущими вниз. Валек спустился туда, приглашая меня с собой, и через несколько секунд мы оба очутились в темноте, под землёй. Взяв мою руку, Валек повёл меня по какому-то узкому, сырому коридору, и, круто повернув вправо, мы вдруг вошли в просторное подземелье.

Я остановился у входа, поражённый невиданным зрелищем. Две струи света резко лились сверху, выделяясь полосами на тёмном фоне подземелья; свет этот проходил в два окна, одно из которых я видел в полу склепа, другое, подальше, очевидно, было пристроено таким же образом; лучи солнца проникали сюда не прямо, а прежде отражались от стен старых гробниц; они разливались в сыром воздухе подземелья, падали на каменные

¹ Склеп — закрытое помещение ниже уровня земли (под церковью или на кладбище), в котором ставят гробы с телами умерших.

плиты пола, отражались и наполняли всё подземелье тусклыми отблесками; стены тоже были сложены из камня; большие, широкие колонны массивно вздымались снизу и, раскинув во все стороны свои каменные дуги, крепко смыкались кверху сводчатым потолком. На полу, в освещённых пространствах, сидели две фигуры. Старый «профессор», склонив голову и что-то бормоча про себя, ковырял иголкой в своих лохмотьях. Он не поднял даже головы, когда мы вошли в подземелье, и если бы не лёгкие движения руки, то эту серую фигуру можно было бы принять за каменное изваяние.

Под другим окном сидела с кучкой цветов, перебирая их, по своему обыкновению, Маруся. Струя света падала на её белокурую головку, заливая её всю, но, несмотря на это, она как-то слабо выделялась на фоне серого камня странным и маленьким туманным пятнышком, которое, казалось, вот-вот расплывётся и исчезнет. Когда там, вверху, над землёй, пробегали облака, затеняя солнечный свет, стены подземелья тонули совсем в темноте, а потом опять выступали жёсткими, холодными камнями, смыкаясь крепкими объятиями над крохотной фигуркой девочки. Я поневоле вспомнил слова Валека о «сером камне», высасывавшем из Маруси её веселье, и чувство суеверного страха закралось в моё сердце; мне казалось, что я ощущаю на ней и на себе невидимый каменный взгляд, пристальный и жадный.

— Валек! — тихо обрадовалась Маруся, увидев брата.

Когда же она заметила меня, в её глазах блеснула живая искорка.

Я отдал ей яблоки, а Валек, разломив булку, часть подал ей, а другую съел «профессору». Несчастный учёный равнодушно взял это приношение и начал жевать, не отрываясь от своего занятия. Я переминался и ёжился, чувствуя себя как будто связанным под гнетущими взглядами серого камня.

— Уйдём... уйдём отсюда, — дёрнул я Валека. — Уведи её...

— Пойдём, Маруся, наверх, — позвал Валек сестру.

И мы втроём поднялись из подземелья. Валек был грустнее и молчаливее обыкновенного.

— Ты в городе остался затем, чтобы купить булок? — спросил я у него.

— Купить? — усмехнулся Валек. — Откуда же у меня деньги?

— Так как же? Ты выпросил?

— Да, выпросишь!.. Кто же мне даст?.. Нет, брат, я стянул их с лотка еврейки Суры на базаре! Она не заметила.

Он сказал это обыкновенным тоном, лёжа врасстяжку с заложенными под голову руками. Я приподнялся на локте и посмотрел на него.

— Ты, значит, украл?..

— Ну да!

Я опять откинулся на траву, и с минуту мы пролежали молча.

— Воровать нехорошо, — проговорил я затем в грустном раздумье.

— Наши все ушли... Маруся плакала, потому что она была голодна.

— Да, голодна! — с жалобным простодушием повторила девочка.

Я не знал ещё, что такое голод, но при последних словах девочки у меня что-то повернулось в груди, и я посмотрел на своих друзей, точно увидал их впервые. Валек по-прежнему лежал на траве и задумчиво следил за парившим в небе ястребом. А при взгляде на Марусю, державшую обеими руками кусок булки, у меня заныло сердце.

— Почему же, — спросил я с усилием, — почему ты не сказал об этом мне?

— Я и хотел сказать, а потом раздумал: ведь у тебя своих денег нет.

— Ну так что же? Я взял бы булок из дому.

— Как, потихоньку?

— Д-да.

— Значит, и ты бы тоже украл.

— Я... у своего отца.

— Это ещё хуже! — с уверенностью сказал Валек. — Я никогда не ворую у своего отца.

— Ну, так я попросил бы... Мне бы дали.

— Ну, может быть, и дали бы один раз, — где же застаться на всех нищих?

— А вы разве... нищие? — спросил я упавшим голосом.

— Нищие! — угрюмо отрезал Валек.

Я замолчал и через несколько минут стал прощаться.

— Ты уж уходишь? — спросил Валек.

— Да, ухожу.

Я уходил потому, что не мог уже в этот день играть с моими друзьями по-прежнему, безмятежно. Чистая детская привязанность моя как-то замутилась... Хотя любовь моя к Валеку и Марусе не стала слабее, но к ней примешалась острая струя сожаления, доходившая до сердечной боли. Дома я рано лёг в постель. Уткнувшись в подушку, я горько плакал, пока крепкий сон не прогнал своим веянием моего глубокого горя.

6. НА СЦЕНУ ЯВЛЯЕТСЯ ПАН ТЫБУРЦИЙ

— Здравствуй! А уж я думал, ты не придёшь более, — так встретил меня Валек, когда я на следующий день опять явился на гору.

Я понял, почему он сказал это.

— Нет, я... я всегда буду ходить к вам, — ответил я решительно, чтобы раз навсегда покончить с этим вопросом.

Валек заметно повеселел, и оба мы почувствовали себя свободнее.

— Ну что? Где же ваши? — спросил я. — Всё ещё не вернулись?

— Нет ещё. Чёрт их знает, где они пропадают.

И мы весело принялись за сооружение хитроумной ловушки для воробьёв, для которой я принёс с собой ниток. Нитку мы дали в руки Марусе, и, когда неосторожный воробей, привлечённый зерном, беспечно заскакивал в западню, Маруся дёргала нитку, и крышка захлопывала птичку, которую мы затем отпускали.

Между тем около полудня небо насупилось, надвинулась тёмная туча, и под весёлые раскаты грома зашумел ливень. Сначала мне очень не хотелось спускаться в подземелье, но потом, подумав, что ведь Валек и Маруся живут там постоянно, я победил неприятное ощущение и пошёл туда вместе с ними. В подземелье было темно и тихо, но сверху слышно было, как перекачивался гулкий грохот грозы, точно кто ездил там в громадной телеге по

мостовой. Через несколько минут я освоился с подземельем, и мы весело прислушивались, как земля принимала широкие потоки ливня; гул, всплески и частые раскаты настраивали наши нервы, вызывали оживление, требовавшее исхода.

— Давайте играть в жмурки, — предложил я.

Мне завязали глаза; Маруся звенела слабыми переливами своего жалкого смеха и плёпала по каменному полу непроторенными ножонками, а я делал вид, что не могу поймать её, как вдруг наткнулся на чью-то мокрую фигуру и в ту же минуту почувствовал, что кто-то схватил меня за ногу. Сильная рука приподняла меня с полу, и я повис в воздухе вниз головой. Повязка с глаз моих спала.

Тыбурций, мокрый и сердитый, страшнее ещё оттого, что я глядел на него снизу, держал меня за ногу и дико вращал зрачками.

— Это что ещё, а? — строго спрашивал он, глядя на Валека. — Вы тут, я вижу, весело проводите время... Завели приятную компанию.

— Пустите меня! — сказал я, удивляясь, что и в таком необычном положении я всё-таки могу говорить, но рука пана Тыбурция только ещё сильнее сжала мою ногу.

— Отвечай! — грозно обратился он опять к Валеку, который в этом затруднительном случае стоял, запихав в рот два пальца, как бы в доказательство того, что ему отвечать решительно нечего.

Я заметил только, что он с большим участием следил за моею несчастною фигурой, качавшеюся, подобно маятнику, в пространстве.

Пан Тыбурций приподнял меня и взглянул в лицо.

— Эге-ге! Пан судья, если меня не обманывают глаза... Зачем это изволили пожаловать?

— Пусти! — проговорил я упрямо. — Сейчас отпусти! — И при этом я сделал инстинктивное движение, как бы собираясь топнуть ногой, но от этого весь только забился в воздухе.

Тыбурций захохотал.

— Ого-го! Пан судья изволят сердиться... Ну, да ты меня ещё не знаешь. Я — Тыбурций. Я вот повешу тебя над огоньком и зажарю, как поросёнка.

Отчаянный вид Валека как бы подтверждал мысль о возможности такого печального исхода. К счастью, на выручку подоспела Маруся.

— Не бойся, Вася, не бойся! — ободряла она меня, подойдя к самым ногам Тыбурция. — Он никогда не жарит мальчиков на огне... Это неправда!

Тыбурций быстрым движением повернул меня и поставил на ноги; при этом я чуть не упал, так как у меня закружилась голова, но он поддержал меня рукой и затем, сев на деревянный обрубок, поставил между колен.

— И как это ты сюда попал? — продолжал он допрашивать. — Давно ли?.. Говори ты! — обратился он к Валеку, так как я ничего не ответил.

— Давно, — ответил тот.

— А как давно?

— Дней шесть.

Казалось, этот ответ доставил пану Тыбурцию некоторое удовольствие.

— Ого, шесть дней! — заговорил он, поворачивая меня лицом к себе. — Шесть дней — много времени. И ты до сих пор никому ещё не разболтал, куда ходишь?

— Никому.

— Правда?

— Никому, — повторил я.

— Похвально!.. Можно рассчитывать, что не разболтаешь и впредь. Впрочем, я и всегда считал тебя порядочным малым, встречая на улицах. Настоящий «уличник», хоть и «судья»... А нас судить будешь, скажи-ка?

Он говорил довольно добродушно, но я всё-таки чувствовал себя глубоко оскорблённым и потому ответил довольно сердито:

— Я вовсе не судья. Я — Вася.

— Одно другому не мешает, и Вася тоже может быть судьей, — не теперь, так после... Это уж, брат, так ведётся истари. Вот видишь ли: я — Тыбурций, а он — Валека. Я нищий, и он нищий. Я, если уж говорить откровенно, краду, и он будет красть. А твой отец меня судит, — ну, и ты когда-нибудь будешь судить... вот его!

— Не буду судить Валека, — возразил я угрюмо. — Неправда!

— Он не будет, — вступилась и Маруся, с полным убеждением отстраняя от меня ужасное подозрение.

Девочка доверчиво прижалась к ногам этого уроды, а он ласково гладил жилистой рукой её белокурые волосы.

— Ну, этого ты вперёд не говори, — сказал странный человек задумчиво, обращаясь ко мне таким тоном, точно он говорил со взрослым. — Не говори, друг!.. Всякому своё, каждый идёт своей дорожкой, и кто знает... может быть, это и хорошо, что твоя дорога пролегла через нашу. Для тебя хорошо, потому что лучше иметь в груди кусочек человеческого сердца вместо холодного камня, — понимаешь?..

Я не понимал ничего, но всё же впился глазами в лицо странного человека; глаза пана Тыбурция пристально смотрели в мои.

— Не понимаешь, конечно, потому что ты ещё малец... Поэтому скажу тебе кратко: если когда-нибудь придётся тебе судить вот его, то вспомни, что ещё когда вы оба были дураками и играли вместе, — что уже тогда ты шёл по дороге в штанах и с хорошим запасом провизии, а он бежал по своей оборванцем и с пустым брюхом... Впрочем, — заговорил он, резко изменив тон, — запомни хорошенько вот что: если ты проболтаешься своему судье или хоть птице, которая пролетит мимо тебя в поле, о том, что ты здесь видел, то не будь я Тыбурций Драб, если я тебя не повешу вот в этом камине за ноги и не сделаю из тебя копчёного окорока. Это ты, надеюсь, понял?

— Я не скажу никому... я... Можно мне опять прийти?

— Приходи, разрешаю... под условием... Впрочем, я уже сказал тебе насчёт окорока. Помни!..

Он отпустил меня и сам растянулся с усталым видом на длинной лавке, стоявшей около стенки.

— Возьми вон там, — указал он Валеку на большую корзину, которую, войдя, оставил у порога, — да разведи огонь. Мы будем сегодня варить обед.

Теперь это уже был не тот человек, что за минуту пугал меня, вращая зрачками, и не шут, потешавший публику из-за подачек. Он распоряжался как хозяин и глава семейства, вернувшийся с работы и отдающий приказания домочадцам¹.

¹ Домоча́дцы — здесь: члены семьи.

Он казался сильно уставшим. Платье его было мокро от дождя, во всей фигуре виднелось тяжёлое утомление.

Мы с Валеком живо принялись за работу. Валек зажёл лучину, и мы отправились с ним в тёмный коридор, примыкавший к подземелью. Там в углу были свалены куски полуистлевшего дерева, обломки крестов, старые доски; из этого запаса мы взяли несколько кусков и, поставив их в камин¹, развели огонь. Затем Валек уже одним умелыми руками принялся за стряпню. Через полчаса в камине закипало уже в горшке какое-то варево, а в ожидании, пока оно поспеет, Валек поставил на трёхногий столик сковороду, на которой дымились куски жареного мяса.

Тыбурций поднялся.

— Готово? — сказал он. — Ну и отлично. Садись, малый, с нами — ты заработал свой обед... Господин учитель, — крикнул он затем, обращаясь к «профессору», — брось иголку, садись к столу!

— Сейчас, — сказал тихим голосом «профессор», удивив меня этим сознательным ответом.

Старик воткнул иголку в лохмотья и равнодушно, с тусклым взглядом, уселся на один из деревянных обрубков, заменявших в подземелье стулья.

Марусю Тыбурций держал на руках. Она и Валек ели с жадностью, которая ясно показывала, что мясное блюдо было для них невиданною роскошью; Маруся облизывала даже свои засаленные пальцы.

Тыбурций ел с расстановкой и, повинуясь, по-видимому, неодолимой потребности говорить, то и дело обращался к «профессору» со своей беседой. Бедный учёный проявлял при этом удивительное внимание и, наклонив голову, выслушивал всё с таким разумным видом, как будто он понимал каждое слово. Иногда даже он выражал своё согласие кивками головы и тихим мычанием.

— Вот как немного нужно человеку, — говорил Тыбурций. — Не правда ли? Вот мы и сыты, и теперь нам остаётся только поблагодарить Бога и клеванского ксёндза²...

— Ага, ага! — поддакивал «профессор».

¹ Камин — комнатная печь с широкой открытой топкой.

² Ксёндз — польский католический священник.

— Вот ты поддакиваешь, а сам не понимаешь, причём тут клеванский ксёндз, — я ведь тебя знаю. А между тем не будь клеванского ксёндза, у нас не было бы жаркого и ещё кое-чего...

— Это вам дал клеванский ксёндз? — спросил я, вспомнив вдруг круглое, добродушное лицо клеванского ксёндза, бывавшего у отца.

— У этого малого любознательный ум, — продолжал Тыбурций, по-прежнему обращаясь к «профессору». — Действительно, его священство дал нам всё это, хотя мы у него и не просили, и даже, быть может, не только его левая рука не знала, что даёт правая, но и обе руки не имели об этом ни малейшего понятия...

Из этой странной и запутанной речи я понял только, что способ приобретения был не совсем обыкновенный, и не удержался, чтоб ещё раз не вставить вопроса:

— Вы это взяли... сами?

— Малый не лишён проницательности, — продолжал Тыбурций по-прежнему. — Жаль только, что он не видел ксёндза: у него брюхо, как настоящая сороковая бочка¹, и, стало быть, объедение ему очень вредно. Между тем мы все, здесь находящиеся, страдаем скорее излишнею худобой, а потому некоторое количество провизии не можем считать для себя лишним... Так ли я говорю?

— Ага, ага! — задумчиво промычал опять «профессор».

— Ну вот! На этот раз вы выразили своё мнение очень удачно, а то я уже начинал думать, что у этого малого ум бойчее, чем у некоторых учёных... Впрочем, — повернулся он вдруг ко мне, — ты всё-таки ещё глуп и многого не понимаешь. А вот она понимает: скажи, моя Маруся, хорошо ли я сделал, что принёс тебе жаркое?

— Хорошо! — ответила девочка, слегка сверкнув бирюзовыми глазами. — Маня была голодна.

Под вечер этого дня я с отуманенною головой задумчиво возвращался к себе. Станные речи Тыбурция ни на одну минуту не поколебали во мне убеждения, что «воровать нехорошо». Напротив, болезненное ощущение, которое я испытывал раньше, ещё

¹ Сороковая бочка — бочка, вмещающая сорок вёдер, очень большая.

усилилось. Нищие... воры... у них нет дома!.. От окружающих я давно уже знал, что со всем этим соединяется презрение. Я даже чувствовал, как из глубины души во мне подымается вся горечь презрения, но я инстинктивно защищал мою привязанность от этой горькой примеси. В результате — сожаление к Валеку и Марусе усилилось и обострилось, но привязанность не исчезла. Убеждение, что «нехорошо воровать», осталось. Но, когда воображение рисовало мне оживлённое личико моей приятельницы, облизовавшей свои засаленные пальцы, я радовался её радостью и радостью Валека.

В тёмной аллейке сада я нечаянно наткнулся на отца. Он, по обыкновению, угрюмо ходил взад и вперёд с обычным странным, как будто отуманенным взглядом. Когда я очутился подле него, он взял меня за плечо:

— Откуда это?

— Я... гулял...

Он внимательно посмотрел на меня, хотел что-то сказать, но потом взгляд его опять затуманился, и, махнув рукой, он зашагал по аллее.

Мне кажется, что я и тогда понимал смысл этого жеста:

«А, всё равно. Её уж нет!..»

Я солгал чуть ли не в первый раз в жизни.

Я всегда боялся отца, а теперь тем более. Теперь я носил в себе целый мир смутных вопросов и ощущений. Мог ли он понять меня? Мог ли я в чём-либо признаться ему, не изменяя своим друзьям? Я дрожал при мысли, что он узнает когда-либо о моём знакомстве с «дурным обществом», но изменить Валеку и Марусе я был не в состоянии. Если бы я изменил им, нарушив данное слово, то не мог бы при встрече поднять на них глаз от стыда.

7. ОСЕНЬЮ

Близилась осень. В поле шла жатва, листья на деревьях желтели. Вместе с тем наша Маруся начала прихварывать.

Она ни на что не жаловалась, только всё худела; лицо её всё бледнело, глаза потемнели, стали больше, веки приподнимались с трудом.

Теперь я мог приходить на гору, не стесняясь тем, что члены «дурного общества» бывали дома. Я совершенно свыкся с ними и стал на горе своим человеком. Тёмные молодые личности делали мне из вяза луки и самострелы; высокий юнкер с красным носом вертел меня на воздухе, как щепку, приучая к гимнастике. Только «профессор», как всегда, был погружён в какие-то глубокие соображения.

Все эти люди помещались отдельно от Тыбурция, который занимал «с семейством» описанное выше подземелье.

Осень всё больше вступала в свои права. Небо всё чаще заволакивалось тучами, окрестности тонули в туманном сумраке; потоки дождя шумно лились на землю, отдаваясь однообразным и грустным гулом в подземельях. Мне стоило много труда урываться из дому в такую погоду; впрочем, я только старался уйти незамеченным; когда же возвращался домой весь вымокший, то сам развешивал платье против камина и смиренно ложился в постель, философски отмалчиваясь под целым градом упрёков, которые лились из уст няnek и служанок.

Каждый раз, придя к своим друзьям, я замечал, что Маруся всё больше хиреет. Теперь она совсем уже не выходила на воздух, и серый камень — тёмное, молчаливое чудовище подземелья — продолжал без перерыва свою ужасную работу, высасывая жизнь из маленького тельца. Девочка теперь большую часть времени проводила в постели, и мы с Валеком истощали все усилия, чтобы развлечь её и позабавить, чтобы вызвать тихие переливы её слабого смеха.

Теперь, когда я окончательно сжился с «дурным обществом», грустная улыбка Маруси стала мне почти так же дорога, как улыбка сестры; но тут никто не ставил мне вечно на вид мою испорченность, тут не было ворчливой няньки, тут я был нужен — я чувствовал, что каждый раз моё появление вызывает румянец оживления на щеках девочки. Валек обнимал меня, как брата, и даже Тыбурций по временам смотрел на нас троих какими-то странными глазами, в которых что-то мерцало, точно слеза.

На время небо опять прояснилось; с него сбежали последние тучи, и над просыхающей землёй, в последний раз перед наступлением зимы, засияли солнечные дни. Мы каждый день

выносили Марусю наверх, и здесь она как будто оживала; девочка смотрела вокруг широко раскрытыми глазами, на щеках её загорался румянец, казалось, что ветер, обдававший её своими свежими взмахами, возвращал ей частицы жизни, похищенные серыми камнями подземелья, но это продолжалось недолго...

Между тем над моей головой тоже стали собираться тучи. Однажды, когда я, по обыкновению, утром проходил по аллеям сада, я увидел в одной из них отца, а рядом старого Януша из замка. Старик подобострастно¹ кланялся и что-то говорил, а отец стоял с угрюмым видом, и на лбу его резко обозначалась складка нетерпеливого гнева. Наконец он протянул руку, как бы отстраняя Януша с своей дороги, и сказал:

— Уходите! Вы просто старый сплетник!

Старик как-то заморгал и, держа шапку в руках, опять забежал вперёд и загородил отцу дорогу. Глаза отца сверкнули гневом. Януш говорил тихо, и слов его мне не было слышно, зато отрывочные фразы отца доносились ясно, падая, точно удары хлыста.

— Не верю ни одному слову... Что вам надо от этих людей? Где доказательства?... Словесных доносов я не слушаю, а письменный вы обязаны доказать... Молчать! Это уж моё дело... Не желаю и слушать.

Наконец он так решительно отстранил Януша, что тот не посмел более надоедать ему; отец повернул в боковую аллею, а я побежал к калитке.

Я сильно недолюбливал старого филина из замка, и теперь сердце моё дрогнуло предчувствием. Я понял, что подслушанный мною разговор относился к моим друзьям и, быть может, также ко мне. Тыбурций, которому я рассказал об этом случае, скорчил ужасную гримасу.

— У-уф, малый, какая это неприятная новость!.. О, проклятая старая гиена!

— Отец его прогнал, — заметил я в виде утешения.

— Твой отец, малый, самый лучший из всех судей на свете. У него есть сердце; он знает много... Быть может, он уже знает всё, что может сказать ему Януш, но он молчит; он не считает

¹ Подобострастно — угодливо.

нужным травить старого беззубого зверя в его последней берлоге. Но, малый, как бы тебе объяснить это? Твой отец служит господину, которого имя — закон. У него есть глаза и сердце только до тех пор, пока закон спит себе на полках; когда же этот господин сойдёт оттуда и скажет твоему отцу: «А ну-ка, судья, не взяты ли нам за Тыбурция Драба, или как там его зовут?» — с этого момента судья тотчас запирает своё сердце на ключ, и тогда у судьи такие твёрдые лапы, что скорее мир повернётся в другую сторону, чем пан Тыбурций вывернется из его рук... Понимаешь ты, малый?.. Вся беда моя в том, что у меня с законом вышло когда-то, давно уже, некоторое столкновение... то есть, понимаешь, неожиданная ссора... ах, малый, очень это была крупная ссора!

С этими словами Тыбурций встал, взял на руки Марусю и, отойдя с нею в дальний угол, стал целовать её, прижимаясь своею безобразной головой к её маленькой груди. А я остался на месте и долго стоял в одном положении под впечатлением странных речей странного человека. Несмотря на причудливые и непонятные обороты, я отлично схватил сущность того, что говорил об отце Тыбурций, и фигура отца в моём представлении ещё выросла, облеклась ореолом¹ грозной, но симпатичной силы и даже какого-то величия. Но вместе с тем усиливалось и другое, горькое чувство...

«Вот он какой, — думалось мне. — Но всё же он меня не любит».

8. КУКЛА

Ясные дни миновали, и Марусе опять стало хуже. На все наши ухищрения с целью занять её она смотрела равнодушно своими большими, потемневшими и неподвижными глазами, и мы давно уже не слышали её смеха. Я стал носить в подземелье свои игрушки, но и они развлекали девочку только на короткое время. Тогда я решил обратиться к своей сестре Соне.

У Сони была большая кукла, с ярко раскрашенным лицом и роскошными льняными волосами, подарок покойной матери. На эту куклу я возлагал большие надежды и потому, отозвав

¹ Ореол — здесь: сияние.

сестру в боковую аллею сада, попросил дать мне её на время. Я так убедительно просил её об этом, так живо описал ей бедную больную девочку, у которой никогда не было своих игрушек, что Соня, которая сначала только прижимала куклу к себе, отдала мне её и обещала в течение двух-трёх дней играть другими игрушками, ничего не упоминая о кукле.

Действие этой нарядной фаянсовой¹ барышни на нашу больную превзошло все мои ожидания. Маруся, которая увядала, как цветок осенью, казалось, вдруг опять ожила. Она так крепко меня обнимала, так звонко смеялась, разговаривая со своей новой знакомой... Маленькая кукла сделала почти чудо: Маруся, давно уже не сходявшая с постели, стала ходить, водя за собой свою белокурую дочку, и по временам даже бегала, по-прежнему шлёпая по полу слабыми ногами.

Зато мне эта кукла доставила очень много тревожных минут. Прежде всего, когда я нёс её за пазухой, направляясь с ней на гору, в дороге мне попался старый Януш, который долго провожал меня глазами и качал головой. Потом, дня через два, старушка няня заметила пропажу и стала соваться по углам, везде разыскивая куклу. Соня старалась унять её, но своими наивными уверениями, что ей кукла не нужна, что кукла ушла гулять и скоро вернётся, только вызывала недоумение служанок и возбуждала подозрение, что тут не простая пропажа.

Отец ничего ещё не знал, но к нему опять приходил Януш и был прогнан — на этот раз с ещё большим гневом; однако в тот же день отец остановил меня на пути к садовой калитке и велел остаться дома. На следующий день повторилось то же, и только через четыре дня я встал рано утром и махнул через забор, пока отец ещё спал.

На горе дела были плохи. Маруся опять слегла, и ей стало ещё хуже; лицо её горело странным румянцем, белокурые волосы раскидались по подушке; она никого не узнавала. Рядом с ней лежала злополучная кукла, с розовыми щеками и глупыми блестящими глазами.

Я сообщил Валеку свои опасения, и мы решили, что куклу необходимо унести обратно, тем более что Маруся этого и не за-

¹ *Фаянс* — особые сорта белой и цветной глины.

метит. Но мы ошиблись! Как только я вынул куклу из рук лежащей в забытьи девочки, она открыла глаза, посмотрела перед собой смутным взглядом, как будто не видя меня, не сознавая, что с ней происходит, и вдруг заплакала тихо-тихо, но вместе с тем так жалобно, и в исхудалом лице, под покровом бреда, мелькнуло выражение такого глубокого горя, что я тотчас же с испугом положил куклу на прежнее место. Девочка улыбнулась, прижала куклу к себе и успокоилась. Я понял, что хотел лишить моего маленького друга первой и последней радости её недолгой жизни.

Валек робко посмотрел на меня.

— Как же теперь будет? — спросил он грустно.

Тыбурций, сидя на лавочке с печально понуренною головою, также смотрел на меня вопросительным взглядом. Поэтому я постарался придать себе вид по возможности беспечный и сказал:

— Ничего! Нянька, наверное, уже забыла.

Но старуха не забыла. Когда я на этот раз возвратился домой, у калитки мне опять попался Януш; Соню я застал с заплаканными глазами, а нянька кинула на меня сердитый, подавляющий взгляд и что-то ворчала беззубым, шамкающим ртом.

Отец спросил у меня, куда я ходил, и, выслушав внимательно обычный ответ, ограничился тем, что повторил мне приказ ни под каким видом не отлучаться из дому без его позволения. Приказ был категоричен и очень решителен; послушаться его я не посмел, но не решался также и обратиться к отцу за позволением.

Прошло четыре томительных дня. Я грустно ходил по саду и с тоской смотрел по направлению к горе, ожидая, кроме того, грозы, которая собиралась над моей головой. Что будет, я не знал, но на сердце у меня было тяжело. Меня в жизни никто ещё не наказывал; отец не только не трогал меня пальцем, но я от него не слышал никогда ни одного резкого слова. Теперь меня томило тяжёлое предчувствие.

Наконец меня позвали к отцу, в его кабинет. Я вошёл и робко остановился у притолки. В окно заглядывало грустное осеннее солнце. Отец некоторое время сидел в своём кресле перед портретом матери и не поворачивался ко мне. Я слышал тревожный стук собственного сердца.

Наконец он повернулся. Я поднял на него глаза и тотчас же опустил их в землю. Лицо отца показалось мне страшным. Прошло около полминуты, и в течение этого времени я чувствовал на себе тяжёлый, неподвижный, подавляющий взгляд.

— Ты взял у сестры куклу?

Эти слова упали вдруг на меня так отчётливо и резко, что я вздрогнул.

— Да, — ответил я тихо.

— А знаешь ты, что это подарок матери, которым ты должен был дорожить, как святыней?.. Ты украл её?

— Нет, — сказал я, подымая голову.

— Как нет? — вскрикнул вдруг отец, отталкивая кресло. — Ты украл её и снёс!.. Кому ты снёс её?.. Говори!

Он быстро подошёл ко мне и положил на плечо тяжёлую руку. Я с усилием поднял голову и взглянул вверх. Лицо отца было бледно, глаза горели гневом. Я весь съёжился.

— Ну, что же ты?.. Говори! — и рука, державшая меня за плечо, сжала его сильнее.

— Н-не скажу! — ответил я тихо.

— Нет, скажешь! — отчеканил отец, и в голосе его зазвучала угроза.

— Не скажу, — прошептал я ещё тише.

— Скажешь, скажешь!..

Он повторил это слово сдавленным голосом, точно оно вырвалось у него с болью и усилием. Я чувствовал, как дрожала у него рука, и всё ниже опускал голову; слёзы одна за другой капали из моих глаз на пол, но я всё повторял едва слышно:

— Нет, не скажу... никогда, никогда не скажу вам... Ни за что!

В эту минуту во мне сказался сын моего отца. Он не добился бы от меня иного ответа самыми страшными муками. В моей груди, навстречу его угрозам, подымалось едва сознанное оскорблённое чувство покинутого ребёнка и какая-то жгучая любовь к тем, кто меня пригласил там, в старой часовне.

Отец тяжело перевёл дух. Я съёжился ещё более, горькие слёзы жгли мои щёки. Я ждал.

Я знал, что он страшно вспыльчив, что в эту минуту в его груди кипит бешенство. Что он со мной сделает? Но мне теперь

Художник В. Панов

кажется, что я боялся не этого... Даже в эту страшную минуту я любил отца и вместе с тем чувствовал, что вот сейчас он бешеным насилием разобьёт мою любовь вдребезги. Теперь я совсем перестал бояться. Кажется, я ждал и желал, чтобы катастрофа наконец разразилась... Если так... пусть... тем лучше — да, тем лучше.

Отец опять тяжело вздохнул. Справился ли он сам с овладевшим им испуганием, я до сих пор не знаю. Но в эту критическую минуту раздался вдруг за открытым окном резкий голос Тыбурция:

— Эге-ге!.. Мой бедный маленький друг...

«Тыбурций пришёл!» — промелькнуло у меня в голове, но, даже чувствуя, как дрогнула рука отца, лежавшая на моём плече, я не представлял

себе, чтобы появление Тыбурция или какое бы то ни было другое внешнее обстоятельство могло стать между мною и отцом, могло отклонить то, что я считал неизбежным.

Между тем Тыбурций быстро отпер входную дверь и, остановившись на пороге, в одну секунду оглядел нас обоих своими острыми, рысьими глазами.

— Эге-ге!.. Я вижу моего молодого друга в очень затруднительном положении...

Отец встретил его мрачным и удивлённым взглядом, но Тыбурций выдержал этот взгляд спокойно. Теперь он был серьёзен, не кривлялся, и глаза его глядели как-то особенно грустно.

— Пан судья! — заговорил он мягко. — Вы человек справедливый... отпустите ребёнка. Малый был в «дурном обществе», но, видит Бог, он не сделал дурного дела, и если его сердце лежит к моим оборванным беднягам, то, клянусь, лучше велите меня повесить, но я не допущу, чтобы мальчик пострадал из-за этого. Вот твоя кукла, малый!..

Он развязал узелок и вынул оттуда куклу.

Рука отца, державшая моё плечо, разжалась. В лице виднелось изумление.

— Что это значит? — спросил он наконец.

— Отпустите мальчика, — повторил Тыбурций, и его широкая ладонь любовно погладила мою опущенную голову. — Вы ничего не добьётесь от него угрозами, а между тем я охотно расскажу вам всё, что вы желаете знать... Выйдем, пан судья, в другую комнату.

Отец, всё время смотревший на Тыбурция удивлёнными глазами, повиновался. Оба они вышли, а я остался, подавленный ощущениями, переполнившими моё сердце. В эту минуту я ни в чём не отдавал себе отчёта. Был только маленький мальчик, в сердце которого встряхнули два разнородных чувства: гнев и любовь — так сильно, что это сердце замутилось. Этот мальчик был я, и мне самому себя было как будто жалко. Да ещё были два голоса, смутным, хотя и оживлённым говором звучавшие за дверью...

Я всё ещё стоял на том же месте, как дверь кабинета открылась, и оба собеседника вошли. Я опять почувствовал на своей голове чью-то руку и вздрогнул. То была рука отца, нежно гладившая мои волосы.

Тыбурций взял меня на руки и посадил в присутствии отца к себе на колени.

— Приходи к нам, — сказал он, — отец тебя отпустит попрощаться с моей девочкой. Она... она умерла.

Голос Тыбурция дрогнул, он странно заморгал глазами, но тотчас же встал, поставил меня на пол, выпрямился и быстро ушёл из комнаты.

Я вопросительно поднял глаза на отца. Теперь передо мной стоял другой человек, но в этом именно человеке я нашёл что-то родное, чего тщетно¹ искал в нём прежде. Он смотрел на меня обычным своим задумчивым взглядом, но теперь в этом взгляде виднелся оттенок удивления и как будто вопрос. Казалось, буря, которая только что пронеслась над нами обоими, рассеяла тяжёлый туман, нависший над душой отца. И отец только

¹ Тщётно — напрасно.

теперь стал узнавать во мне знакомые черты своего родного сына.

Я доверчиво взял его руку и сказал:

— Я ведь не украл... Соня сама дала мне на время...

— Д-да, — ответил он задумчиво, — я знаю... Я виноват перед тобою, мальчик, и ты постарайся когда-нибудь забыть это, не правда ли?

Я с живостью схватил его руку и стал её целовать. Я знал, что теперь никогда уже он не будет смотреть на меня теми страшными глазами, какими смотрел за несколько минут перед тем, и долго сдерживаемая любовь хлынула целым потоком в моё сердце.

Теперь я его уже не боялся.

— Ты отпустишь меня теперь на гору? — спросил я, вспомнив вдруг приглашение Тыбурция.

— Д-да... Ступай, ступай, мальчик, попрощайся, — ласково проговорил он всё ещё с тем же оттенком недоумения в голосе. — Да, впрочем, стой... пожалуйста, мальчик, погоди немного.

Он ушёл в свою спальню и, через минуту выйдя оттуда, сунул мне в руку несколько бумажек.

— Передай это... Тыбурцию... Скажи, что я покорнейше прошу его — понимаешь?... покорнейше прошу — взять эти деньги... от тебя... Ты понял?... Да ещё скажи, — добавил отец, как будто колеблясь, — скажи, что если он знает одного тут... Федорóвича, то пусть скажет, что этому Федоровичу лучше уйти из нашего города... Теперь ступай, мальчик, ступай скорее...

Я догнал Тыбурция уже на горе и, запыхавшись, нескладно исполнил поручение отца.

— Покорнейше просит... отец... — И я стал совать ему в руку данные отцом деньги.

Я не глядел ему в лицо. Деньги он взял и мрачно выслушал дальнейшее относительно Федоровича.

В подземелье, в тёмном углу, на лавочке лежала Маруся. Слово «смерть» не имеет ещё полного значения для детского слуха, и горькие слёзы только теперь, при виде этого безжизненного тела, сдавили мне горло. Моя маленькая приятельница лежала серьёзная и грустная, с печально вытянутым личиком. Закрытые глаза слегка ввалились и ещё резче отделились синевой. Ротик

немного раскрылся, с выражением детской печали. Маруся как будто отвечала этою гримаской на наши слёзы.

«Профессор» стоял у изголовья и безучастно качал головой. Кто-то стучал в углу топором, готовя гробик из старых досок, сорванных с крыши часовни. Марусю убирали осенними цветами. Валек спал в углу, вздрагивая сквозь сон всем телом, и по временам нервно всхлипывал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вскоре после описанных событий члены «дурного общества» рассеялись в разные стороны.

Тыбурций и Валек совершенно неожиданно исчезли, и никто не мог сказать, куда они направились теперь, как никто не знал, откуда они пришли в наш город.

Старая часовня сильно пострадала от времени. Сначала у неё провалилась крыша, продавив потолок подземелья. Потом вокруг часовни стали образовываться обвалы, и она стала ещё мрачнее; ещё громче завывают в ней филины, а огни на могилах тёмными осенними ночами вспыхивают синим зловещим светом.

Только одна могила, огороженная частоколом, каждую весну зеленела свежим дёрном, пестрела цветами. Мы с Соней, а иногда даже с отцом посещали эту могилу; мы любили сидеть на ней в тени смутно лепечущей берёзы в виду тихо сверкавшего в тумане города. Тут мы с сестрой вместе читали, думали, делились первыми молодыми мыслями, первыми планами крылатой и честной юности.

Когда же пришло время и нам оставлять тихий родной город, здесь же, в последний день, мы оба, полные жизни и надежды, произносили над маленькою могилкой свои обеты.

1885

Поразмышляй над прочитанным

Главы 1 и 2

1. Предположим, что ты художник и готовишь декорации к спектаклю «В дурном обществе». Что ты изобразишь, какими красками воспользуешься, создавая одну из декораций: «Город Княжье-Вено», «Старый замок», «У старой часовни», «В подземелье»? Можно нарисовать эскиз своей декорации, то есть

рисунок, по которому будет выполнена декорация. Найди в других главах описания, которые помогут тебе выполнить задание.

2. Найди в тексте главы 1 слова, которые позволяют судить об отношении рассказчика к обитателям и изгнанникам замка. Почему к тем и другим рассказчик относится по-разному? Как это его характеризует?

3. «С шести лет я испытывал уже ужас одиночества», — говорит о себе рассказчик. Приведи примеры, подтверждающие, что так оно и было.

Найди *сравнения*, которые использует Вася в рассказе о себе. Что сближает все эти сравнения? Что с их помощью стремился подчеркнуть рассказчик?

4. Приведи примеры, подтверждающие, что мальчик любит своего отца, жалеет его, ищет близости с ним. Почему отец не ответил такими же чувствами Васе?

Почему и общение с сестрой не могло разрушить одиночества Васи?

Какую роль в отчуждении мальчика от близких сыграли «нелестные эпитеты»?

5. Как одиночество мальчика повлияло на его поведение?

 6. Найди в главах 1 и 2 описания, которые особенно ярко свидетельствуют о наблюдательности рассказчика, его способности понимать другого человека или чутко откликаться на картины окружающего мира, природы. Одно из них научись выразительно читать. Обоснуй свой выбор.

 7. Письменно ответь на вопросы: что думают о Васе окружающие и каков он на самом деле?

 8. Какой эпизод из главы 1 носит юмористический характер? В чём заключается его комизм?

Глава 3

1. Какие чувства испытывали дети во время посещения часовни? Чем эти чувства были вызваны?

2. Как произошло знакомство Васи с будущими друзьями? Почему назревшая драка не случилась?

Главы 4 и 5

1. Почему новое знакомство целиком поглотило Васю?

2. Какие открытия сделал для себя Вася, общаясь с новыми друзьями:

Почему Вася стал невольно сравнивать Соню и Марусю? Какие мысли и чувства пробудило в его душе это сопоставление? Найди в главах 4 и 5 описания внешности Маруси. Какие выразительные *эпитеты* и *сравнения* использует в них рассказчик? О каком отношении Васи к Марусе они говорят?

«Серый камень высосал из неё жизнь». В чём состояла для Васи загадка этих слов и как она раскрылась?

Что нового узнал Вася о своём отце? Почему его новое чувство по отношению к отцу можно назвать сложным?

Почему Вася *упавшим* голосом спросил: «А вы разве... нищие?» Какое представление о воровстве было у Васи до знакомства с Валеком и Марусей? Изменилось ли оно, когда он подружился с детьми подземелья?

3. Какие противоречивые чувства породили в душе Васи сделанные открытия? Почему в день решающего разговора с Валеком он ушёл раньше, чем обычно?

1. Почему после напряжённого разговора Валеку думал, что Вася больше не придёт? Как решил для себя «смутные вопросы» Вася?

2. Расскажи о дружбе Васи с Валеком и Марусей. Что влекло его к новым друзьям?

Почему Валеку и Марусю радовались каждому приходу Васи?

Почему дружба детей росла и становилась крепче?

3. Кто такой Тыбурций Драб? Какое впечатление сложилось у тебя о нём? Почему он вынужден жить в «дурном обществе»?

 Какая версия прошлого пана Тыбурция кажется тебе убедительной?

Перечитай описания внешности Тыбурция в главах 1 и 6. Какие противоречия в его облике замечает рассказчик? Чем их можно объяснить? Почему Тыбурций сначала казался Валеку страшным? Когда и почему прошёл этот страх?

 4. Почему речи Тыбурция Вася называет «странными»? Найди пример иносказательной речи Тыбурция. Выразительно прочитай его слова. Как ты думаешь, почему он прибегает к иносказательности?

 5. Что имел в виду Тыбурций Драб, когда сказал Валеку: «...может быть, это и хорошо, что твоя дорога пролегла через нашу»?

Главы 7 и 8

1. «Над моей головой тоже стали собираться тучи» — какой смысл вкладывает Вася в эти слова? Почему он употребил слово «тоже»?

2. В главах 7 и 8 найди материал и подготовь близкий к тексту пересказ на тему «Последняя осень Маруси».

3. Как характеризует Васю история с куклой?

4. Перечитай эпизод объяснения Васи с отцом.

Почему именно взгляд отца, его движения, интонация приковывают внимание Васи? О каких чувствах отца они говорят?

Выдели слова, которые помогли тебе догадаться о чувствах Васи. Почему минуту решающего объяснения с отцом рассказчик назвал «страшной»?

5. Почему Тыбурций не побоялся прийти в дом к судье? Как ты думаешь, что мог рассказать Тыбурций отцу Васи?

 6. Выбери и выразительно прочитай отрывки, которые говорят о новых отношениях между отцом и сыном. Какие это отношения?

Что заставило отца сказать Валеку: «Я виноват перед тобой, мальчик...»?

Заключение

 1. Что изменила в жизни Васи и в нём самая дружба с детьми подземелья? Какое название повести — «В дурном обществе» или «Дети подземелья» — ты считаешь более удачным и почему?

 2. Как ты думаешь, почему разговоры с Соней и мечты рассказчик называет «первыми планами крылатой и честной юности»? Почему они происходили на могиле Маруси?

3. Как связана повесть с детскими впечатлениями В. Г. Короленко? Какие действительные события, факты жизни писателя, хотя и в изменённом виде, нашли в ней отражение?

В романе А. С. Пушкина «Дубровский» и в рассказе И. С. Тургенева «Муму» повествование ведётся от имени **автора**. Он не только сообщает читателям о поступках героев, не только передаёт их слова, но и раскрывает их мысли и чувства. И не объясняет, откуда они ему известны. Как в игре есть свои правила, так и в авторском повествовании. Читатель и автор как бы условливаются, что автор вездесущ, всеведущ. Он переносит нас из каморки Герасима в покои барыни или из Кистенёвки в Покровское. Он каждую минуту знает, где что происходит, что делают, говорят, думают и переживают его персонажи.

Но этой особенности нет в «Бородино», «В дурном обществе», где повествование ведётся от первого лица и вместо автора выступает **рассказчик**, который сам участвует в событиях. Он один из героев, он живёт в том мире, о котором рассказывает. И как мы в жизни можем знать лишь о том, с чем сталкиваемся непосредственно сами или о чём нам расскажут другие, так и рассказчик делится только своими наблюдениями, размышлениями, переживаниями. Повесть «В дурном обществе» имеет подзаголовок — «Из детских воспоминаний моего приятеля»: повзрослевший Вася вспоминает о том, что он пережил в далёком детстве.

Почему же автор избрал такую форму повествования — от имени рассказчика? Для него важны не только события, которые описываются в повести, но ещё более важно то, что переживает главный герой, как под влиянием этих переживаний он изменяется, взрослеет. На все события, на всех персонажей мы смотрим глазами Васи. Вместе с ним переживаем все происшествия, его взаимоотношения с отцом, друзьями, Тыбурцием, остальными членами «дурного общества» — это наилучший способ узнать и понять рассказчика.

Поразмышляй над прочитанным

1. Когда мы употребляем слово «автор», а когда — «рассказчик», говоря о повествователе?

2. Каков способ повествования: от автора или от лица рассказчика — в «Белом пуделе» А. И. Куприна? в «Очерке зимнего дня» С. Т. Аксакова? в сказе П. П. Бажова «Каменный цветок»? в «Руслане и Людмиле» А. С. Пушкина? в «Мещёрской стороне» К. Г. Паустовского?

О человеке нам говорят не только его слова, интонация, с которой он их произносит, поступки, но и внешний вид.

Фигура, черты лица, руки, одежда могут без слов рассказать внимательному наблюдателю о возрасте, занятиях, условиях жизни человека. А если приглядеться к его глазам, понаблюдать за улыбкой, мимикой, то есть меняющимся выражением лица, жестами, позами, походкой, то можно догадаться о переживаниях человека, некоторых чертах его характера. Всё это описывает, рисует словом писатель, чтобы читатель мог как живых увидеть героев произведения, получить о них ясное и всестороннее представление. *Описание внешности персонажа называют портретом.*

Портрет в художественном произведении — это не бесстрастная фотография. Он позволяет судить не только о герое, но и об отношении к нему автора или рассказчика.

«Маленькие ручонки», «крошечное создание, напоминавшее цветок, выросший без лучей солнца», «головка покачивалась на тонкой шее, как головка полевого колокольчика», «смех её звучал, как самый маленький серебряный колокольчик» — эпитеты и сравнения, которые подбирает рассказчик, говорят о его любви, щемящей жалости к Марусе. Она представляется Васе очень нежным, хрупким существом, которое хочется защитить, уберечь от опасности.

Совсем по-другому он относится к обитателям замка: «Это были всё какие-то старики... с громадными синими носами и суковатыми палками, старухи, крикливые и безобразные», «старые ведьмы с криком и ругательствами гоняли их отовсюду, угрожая кочергами и палками». Что же их делает безобразными в глазах рассказчика: старость, внешнее уродство, нищета или злоба, бессердечность, желание унижить себе подобных, чтобы возвысить себя хотя бы в собственных глазах?

Вспомним описание внешности Тыбурция. Он тоже нищий и тоже некрасив. В лице его есть «что-то обезьянье». Но отвращения этот герой не вызывает, так как рассказчик замечает, вглядываясь в его черты, привлекательные человеческие качества: «глаза, сверкавшие из-под нависших бровей, смотрели упорно и мрачно, и в них светились вместе с лукавством острая

проницательность, энергия и ум». Под кривляньем этого человека «как будто струилась глубокая постоянная печаль». Этот портрет говорит о трагическом существовании сильного и умного человека, в нём заметно сочувствие рассказчика герою.

Для рассказчика главное в оценке человека не внешность, а духовное содержание, его внутренний мир, отношение героя к окружающему миру.

Поразмышляй над прочитанным

1. Что такое «портрет литературного героя»?

2. Для чего нужен портрет героя в художественном произведении?

3. Рассмотрите иллюстрации к повести. К каким эпизодам они относятся? Какие чувства героев стремились выразить художники, изображая их внешность в тот или иной момент развития событий? Какая из иллюстраций и почему кажется тебе наиболее удачной?

4. Прочти вопросы и задания к повести. Какие из них связаны с описанием внешности героев? Портреты каких других персонажей рисует рассказчик?

На примере одного из портретов покажи, о чём он позволяет судить — о положении героя в обществе? его характере? переживаниях?

Как в описании внешности этого персонажа проглядывает отношение к нему рассказчика?

5. Почему в повести нет портрета Васи? По каким деталям его рассказа о себе мы могли бы домыслить портрет мальчика? Он подвижный, ловкий или медлительный, неповоротливый? Сколько ему лет? Какого он роста? Как, по твоёму мнению, одет Вася? Каково характерное выражение его глаз?

6. Сравни четыре портрета работы разных художников: А. Г. Венецианова «Захарка», О. А. Кипренского «Портрет мальчика Челищева», В. А. Тропинина «Портрет Арсения, сына художника» и В. М. Васнецова «Портрет Бориса Викторовича Васнецова». Конечно, это не иллюстрации к повести. Но всё-таки, какой из этих портретов в твоём представлении больше соответствует внешнему облику Васи? Почему?

7. Если ты станешь режиссёром спектакля «Дети подземелья», какого по внешности мальчика ты подберёшь на роль Васи?

Пишем сочинение

Читая повесть, мы все события переживали и оценивали вместе с Васей. Попробуем теперь взглянуть на него глазами Валека. Подумай, а что мог бы он рассказать о своём друге? В каком месте рассказа уместно дать портрет Васи? Не забудь, что это рассказ от первого лица. Напиши сочинение на тему «Мой друг Вася» (рассказ веди от имени Валека).

Художник В. Тропинин
 Портрет Арсения,
 сына художника. Около 1818

Художник А. Венецианов
 Захарка. 1825

Художник О. Кипренский
 Портрет мальчика Челищева.
 Около 1809

Художник В. Васнецов
 Портрет Бориса Викторовича
 Васнецова. 1889

Прочитай рассказ «Купленные мальчики» В. Г. Короленко (главу «Уляницкий и купленные мальчики» из «Истории моего современника») в издании для детей. Как характеризует рассказчика история, поведенная им?

Если ты любишь посмеяться, прочитай в «Истории моего современника» главу «Пансион». Подумай, почему первые годы учения оставили у В. Г. Короленко светлые воспоминания?

Николай Дмитриевич Телешов

(1867—1957)

Оглядываясь на далёкое моё прошлое, на долгий пройденный путь, я вижу, как много значительного дала мне литература, с которой неразрывно связана вся моя жизнь. Она дала мне возможность глубже и пытливее заглянуть во всё окружающее, заставляя невольно уяснить себе поступки других людей, наблюдать и догадываться о многом и видеть многое, чего, вероятно, никогда не увидел бы я, не вступивши на этот путь. Она раскрыла мне глаза, дала любовь и уважение к человеку...

Н. Д. Телешов

Н. Д. Телешов родился в Москве в купеческой семье. Предки его — крестьяне Владимирской губернии, некогда бывшие крепостными, но сумевшие выкупиться. «Может быть, именно от предков и жива во мне уверенность, что без свободы нет ни настоящего счастья, ни настоящей жизни ни для человека, ни для человечества», — писал Телешов в автобиографии.

Признание и любовь читателей Н. Д. Телешов заслужил с момента выхода в свет его второго крупного сборника

очерков «За Урал». Это впечатления очевидца, результат непосредственных наблюдений писателя во время его длительного путешествия по Уралу и Сибири. Путешествие это, предпринятое по совету А. П. Чехова, рекомендовавшего молодому писателю глубже вглядываться в жизнь, изучать её не только по книгам, но и в общении с самим народом России, дало Телешову богатейший материал о жизни простого человека. «Перешагнув границу Европы», писатель впервые столкнулся с переселенцами.

Об ужасающей нужде, о невзгодах мужицкой жизни и поведал Телешов в очерках и рассказах, объединённых впоследствии в цикл «Переселенцы», куда вошли рассказы «Домой» и «Ёлка Митрича».

Писательская деятельность не исчерпывает всего значения таланта Н. Д. Телешова для русской культуры. «Масштабы деятельности человека, — говорилось в статье о нём, — определяются не только тем, что создал человек, — будь то духовные или материальные ценности, но и тем, как прожил человек свою жизнь, какое значение имела его личность для современников и что сделано для того, чтобы побуждать современников к лучшему и совершенному».

Н. Д. Телешов сыграл большую роль в общественной и культурной жизни страны. В его доме по средам собирались молодые литераторы. Со временем был создан литературный кружок, который так и называли — «Среда».

На заседаниях кружка бывали писатели, актёры, музыканты, художники. Здесь читали рассказы Чехов и Бунин, Куприн и Леонид Андреев, здесь пел Шаляпин, играл Рахманинов. Сюда приходили В. Короленко и Д. Мамин-Сибиряк, И. Левитан и В. Поленов.

Посторонних на «Среды» не приглашали. Молодые писатели читали свои произведения, ещё нигде не опубликованные, а товарищи высказывали о них откровенные суждения, и если автор заслуживал критики, то он внимательно выслушивал правду, какой бы горькой она ни была. Потому что члены кружка знали: то, что говорится в товарищеском кругу, говорится от чистого сердца.

Душой и организатором заседаний был сам Телешов. 25 лет просуществовала «Среда», и четверть века Телешов был главой кружка.

Заслугой Н. Д. Телешова следует считать и создание им Музея Московского Художественного театра. В это дело писатель вложил весь свой организаторский талант, всю свою энергию. Более четверти века отдал Телешов Московскому Художественному театру, кропотливо собирая ценнейший музейный материал, восстанавливающий его историю.

(По статьям Л. Б. Либединской)

ДОМОЙ

I

Была ясная летняя ночь. Луна светила весело и спокойно; она заливала своим светом поляны и дороги, пронизывала лучами леса, золотила реки... В эту самую ночь из дверей переселенческого¹ барака крадучись вышел Сёмка, вихрастый бледнолицый мальчик лет одиннадцати, огляделся, перекрестился и вдруг побежал что было мочи по направлению к полю, откуда начиналась «расейская» дорога. Боясь погони, он часто оглядывался, но никто за ним не бежал. И он благополучно достиг сначала поляны, а потом и трактового пути². Здесь он остановился, что-то подумал и потихоньку пошёл вдоль по дороге.

Это был один из тех бездомных детей, которые остаются сиротами после переселенцев. Родители его умерли в пути от тифа, и Сёмка остался одиноким среди чужих людей и среди чужой природы, вдалеке от родины, которую он помнил лишь по белой каменной церкви, по ветряным мельницам, по речке Узюпке, где, бывало, купался с товарищами, и по селу, которое называлось Белое. Но где эта родина, это село и речка Узюпка, было для него такой же тайной, как и то место, где он находился сейчас. Он помнил одно, что пришли они сюда вот по этой самой дороге, что переезжали раньше поперёк какую-то широкую реку,

¹ *Переселённый* — в старой России некоторые крестьяне, пытаясь избавиться от нищеты, переселялись из родных деревень в окраинные, малонаселённые районы, главным образом в Сибирь. Там они могли получить лучшие участки земли. Много месяцев шли переселенцы, терпели крайнюю нужду и лишения. От голода и болезней в пути многие погибали, особенно дети.

² *Тра́ктовый путь, тракт* — большая проезжая дорога.

а ещё раньше плыли долго на пароходе, ехали на машине¹, опять плыли на пароходе и опять ехали на машине, и ему казалось, что стоит пройти лишь эту дорогу, как будет река, потом машина, а там уже будет и речка Узюпка, и село Белое, и родной дом, к которому он так привык и знает наперечёт всех сельских стариков и мальчишек. Помнил он ещё, как умерли его отец и мать, как их положили в гроб и отнесли куда-то за рощу, на незнакомый погост. Помнил Сёмка, как он плакал и просился домой, но его заставили жить здесь, в бараке, кормили хлебом и щами и всегда говорили: «Теперь не до тебя». Даже начальник Александр Яковлевич, который всеми распоряжался, закричал на него и приказал жить, а если будет мешаться, то обещал выдрать за волосы. И Сёмка волей-неволей жил и тосковал. Вместе с ним жили в бараке ещё три девочки и один мальчик, которых забыли здесь родители и ушли неизвестно куда, но те дети были такие маленькие, что нельзя было с ними ни играть, ни шалить.

Проходили дни и недели, а Сёмка всё жил в ненавистном бараке, не смея никуда отлучиться. Наконец ему надоело. Ведь вот же она, та самая дорога, по которой они пришли сюда из «Расеи»!.. Не пускают добром, так он сам убежит. Разве долго?.. И опять он увидит родную Узюпку, родное Белое, опять увидит Малашку, Васятку и Митьку, своих закадычных приятелей, пойдёт к учительнице Афросинье Егоровне, пойдёт к поповым мальчикам, у которых растёт много вишен и яблок...

Хотя страх быть пойманным и удерживал Сёмку долгое время, однако надежда увидеть свою речку, своих товарищей и родное село была так велика и соблазнительна, что Сёмка, затаив в душе заветную мечту, выбрал удобное время и, отказавшись навек от даровых щей, выбежал на дорогу и был вполне счастлив, что возвращается домой. Ему казалось, что нигде нет такого хорошего места, как Белое, и во всём свете нет такой хорошей реки, как Узюпка.

Уже луна приближалась к горизонту, уже наступало утро, а Сёмка всё шёл по дороге, вдыхая свежий росистый воздух и радуясь тому, что всякий шаг приближает его к дому.

¹ Машина — здесь: поезд.

Кажется, всё, что только возможно придумать для человека, всё это видала и испытала обширная Сибирь, и ничем не удивишь её, никакою новинкой. Проходили по ней тысячи вёрст закованные арестанты, гроыхая тяжёлыми цепями, кололи и рыли в тёмных рудниках её недра, томились в её острогах; по её дорогам, весело звеня бубенцами, мчатся резвые тройки, а по тайгам бродят беглые каторжники, воюя со зверями, и то выжигают селения, то питаются Христовым именем; толпы переселенцев тянутся из России почти сплошной вереницей, ночуя под телегами, греясь у костров, а навстречу им идут назад другие толпы, обнищавшие, голодные и больные, и много их умирает по пути, и ничто никому не ново.

Слишком много чужого горя видала Сибирь, чтобы чему-нибудь удивляться. Не удивлялся никто и на Сёмку, когда тот проходил селением и спрашивал:

— Которая тут дорога в Расею?

— Все дороги в Расею ведут, — просто отвечали ему и махали руками вдоль пути, как бы удостоверяя его направление.

И Сёмка шёл без усталости, без боязни; его радовала свобода, веселили поля с пёстрыми цветами и звон колокольчиков пронесившейся мимо почтовой тройки. Иногда он ложился в траву и крепко засыпал под кустом шиповника или забирался в придорожную рощу, когда становилось жарко. Сердобольные сибирские бабы кормили его хлебом и молоком, а попутные мужики иногда подвозили в телегах.

— Дяденька, подвези, сделай милость! — упрашивал Сёмка, когда его догонял кто-нибудь на лошади.

— Тётенька, дай, родимая, хлебца! — обращался он в деревнях к хозяйкам.

Все его жалели, и Сёмка был сыт.

На третий день перед Сёмкой заблестела река.

— Вот она! Она и есть!

Он помнил, как недавно с отцом они переехали поперёк эту реку, только их было тогда очень много и народ перевозили не разом, а партиями. Он вспомнил, как на барке, на которой они переплывали, ходили вокруг столба две лошади с завязанными

глазами и тянули какой-то канат, а возле лошадей бегал с кнутом старик в рубахе и широкой шляпе и всё кричал охрипшим голосом: «Н-но, проклятые! Н-но! Но, родные!» И лошади от его крика бегали быстрее вокруг столба, и канат крутился тоже быстрее, а барка всё ближе и ближе подвигалась к другому берегу... Но где же теперь эта барка?

Широко разливалась перед Сёмкой река. Солнце уже закатилось, и багрянец неба ярко отражался в воде. Было красиво и тихо, но всюду было так пусто, что Сёмка смутился. Вдалеке, на противоположном берегу, виднелось какое-то селение, а направо и налево тянулись рощи.

Спустившись по круче к самой воде, Сёмка начал вглядываться то в одну, то в другую сторону, но было по-прежнему всё пусто и немо, только у ног его сердито плескалась холодная река да по небу тянулись гуськом какие-то птицы.

В смущении он побрёл вдоль по берегу, но нигде не было ни души, не слышалось ни единого звука. Между тем багрянец заката начал медленно угасать; бледнее становилось небо, и на дальних полях закурилась роса.

Сёмка задумался.

Потом он сел на песок и только тогда почувствовал, что устал и что идти более не может. Да и куда же уйдёшь, когда перед глазами вода? Сначала он глядел на эту воду, следил, как она стремится куда-то вперёд и плещется о берег, потом глядел на небо, на меркнувшее пространство вдалеке, за рекою, на лес, на поляны — и что-то грустное, смутное ложилось камнем на его детское сердце. Была ли это простая боязнь, или сознание круглого сиротства, или раскаяние, или, может быть, дума о родине, но только Сёмке хотелось заплакать, хотелось есть и пригреться, хотелось видеть подле себя отца с матерью, и он, закусив палец, сидел неподвижно над рекою, уставившись глазами куда-то вдаль, и ничего не видел перед собою.

Вдруг среди затишья послышались звуки, неясные и негромкие. Сёмка встрепнулся. Казалось, кто-то пел про себя нехотя заунывную песню, пел лениво, сквозь зубы, почти сквозь сон...

Действительно, из-за куста, где река делала небольшой изгиб, показался челнок, он плыл не спеша и держался возле самого берега.

— Дяденька, доведи! — крикнул Сёмка, когда рыбак, мурлыча песню, поравнялся с ним. — Дяденька, а дяденька!..

Тот повернул голову, и Сёмка увидел его загорелое нерусское лицо, с клочком чёрной бороды и вздёрнутой верхней губой, из-под которой виднелись острые белые зубы. Сидел он в таком маленьком челночке, вырубленном из ствола, что вода приходилась почти вровень с бортами; при этом речная зыбь сильно качала его, и было страшно, что он сейчас опрокинется и утонет. Но рыбак спокойно опустил весло (другого весла у него не было) и пристально поглядел на мальчика.

— Дяденька... — несмело повторил Сёмка. — Христа ради, перевези...

— А деньги давал? — резко ответил тот, и было заметно, что он недоволен просьбой.

Потом он нахмурил брови и сморщил нос, отчего зубы его сделались ещё длиннее, и почесал себе грудь корявыми пальцами. Белая рубаха с тесёмкой у ворота, которая покрывала его сутулое тело, была расстёгнута, и в прорехе виднелась грудь, такая же тёмная, землистого цвета, как и его лицо.

Грубый ответ, злое выражение лица рыбака и наступающая ночь среди пустыни совсем озадачили Сёмку. В эти три дня он перевидал много людей, но все относились к нему участливо, сердечно, и только сейчас, когда помощь была особенно дорога и необходима, он встретился с суровым человеком и в первый раз почувствовал своей детской душою чужого... Это был именно «чужой» человек, которому всё равно, будет ли Сёмка сыт и жив или не будет. И Сёмка глядел на него со страхом, почти враждебно. Ему вдруг стало так печально и тяжело, так стало жалко отца с матерью, так сиротливо и горько, что захотелось броситься в воду и умереть... И, не зная, что делать, Сёмка схватился обеими руками за волосы, повалился ничком на песок и зарыдал громко, во весь голос. Даже рыбаку стало жалко его. Он подумал, не заблудился ли мальчик, и не живёт ли он на той стороне реки.

Пожав плечами, он резко крикнул, чтобы Сёмка взглянул на него:

— Гей-гей!

Потом указал на дно своего челнока, где валялась кучей мелкая рыба, и грубо проговорил:

— Садись!

III

Прошло две недели.

Много дорог и деревень осталось позади за Сёмкой. Он не унывал и брёл не торопясь, только иногда поспрашивал:

— Далеко ль ещё до Расей?

— До Расей-то? — отвечали ему. — Да не близко. К зиме, гляди, попадёшь, а может, и раньше.

— А зима-то скоро?

— Нет, зима не скоро. Ещё осени не было.

Когда Сёмка проходил селом или когда издали случилось ему завидеть высокую белую колокольню с золотым крестом, то слёзы навёртывались ему на глаза, а на душе становилось радостно и тепло. Он снимал шапку, бросался на колени и, плача, восклицал:

— Господи, пошли скорей зиму!

Иногда на краю дороги Сёмка встречал одинокий деревянный крест; поблизости не было ни жилья, ни даже сторожки, а только лес с одной стороны да степь — с другой. И задумывался Сёмка над этим крестом, и всегда вспоминались ему отец и мать, вспоминался шатёр среди поля, где они умерли, и Сёмка, забывая усталость, ускорял шаги, шепча своё заветное слово:

— Домой! Домой!..

Но вот наконец и город...

Было воскресенье, и Сёмка ещё издали услышал звуки соборного колокола. И трава вокруг, начинавшая уже желтеть, и вялые листья возле дороги, и далёкий призывный звон так и веяли чем-то знакомым, домашним, и Сёмке вспоминались румяные яблоки, которые теперь, должно быть, раздаёт в церкви батюшка, а старый дьячок, друг и приятель Сёмки, вытащил бы теперь из своего глубокого кармана пару яблочков и сказал бы обычным басом: «Получи, Симеон. Разговейся, глухой».

С каким восторгом бросился бы теперь Сёмка на свою колокольню, сгрыз бы эти яблоки и звонил бы без устали, пока не прогонят!

За городской заставой сначала запестрели перед Сёмкой направо и налево бревенчатые серые домики с зелёными, красными и серыми крышами, потом пошли белые каменные дома. По улицам бродили куры, хрюкали свиньи. Потом потянулись дворы и заборы, встретились у почтовых ворот полосатые верстовые столбы, раскинулась площадь с высокой колокольной за железной решёткой, а напротив неё торчала серая тощая бревенчатая каланча, где на самой макушке ходил вокруг по барьеру солдат, а впереди опять виднелись башни заставы...

Не останавливаясь, Сёмка прошёл городом и снова вышел на тракт, где было ему привольнее и веселее.

IV

Чем дальше, тем более во всём замечал Сёмка, что наступит осень. «Ладно. Скоро зима», — думалось ему, и родное село казалось всё ближе и ближе. На полях не вились уже пёстрые бабочки, не кружились стрекозы, деревья роняли листву, трава увядала, небо чаще заволакивалось серыми жидкими тучами, по ночам стояли холода. Но Сёмка думал: «Теперь недалеко. Теперь уж скоро».

Проходя по тракту, Сёмка чувствовал голод; он с утра ещё ничего не ел. Завидев в кустах человека, который сидел, поджав под себя ноги, и что-то жевал, Сёмка остановился и с завистью глядел, как тот, облупив яйцо, откусывал, заедая хлебом.

— Тебе чего? — спросил человек, не поднимаясь и продолжая жевать.

Сёмка молчал.

Человек этот был немолод, с серой короткой бородой, с загорелым и обветрившимся лицом, с узкими впалыми глазами. На ногах его были надеты шерстяные пимы¹, на плечах пёстрый пиджак, а на затылке картуз².

— Тебе чего? — повторил он, вглядываясь в Сёмку.

— Дедушка, — несмело ответил Сёмка, — дай, Христа ради, хлебца кусочек...

¹ Пимы — валенки.

² Картуз — мужской головной убор с жёстким козырьком.

— Самому, приятель, люди добрые дали. Ну, да на... поделюсь.

Он протянул ему корку и опять спросил:

— Ты чей такой? Откуда взялся?

— Домой иду... В Расею.

— В Расею? Вот и я в Расею. А зачем ты идёшь?

Сёмка начал подробно рассказывать о своей жизни. Он говорил, как было ему скучно в бараке, как захотелось ему домой и как он убежал ночью, а незнакомец всё слушал, да кивал головой, точно хваля его за что-то.

— Молодец, брат! — проговорил старик, похлопав Сёмку по руке. — Только, гляжу я, плохая твоя жизнь. Видно, по моим следам пойдёшь: ни дома тебе не видать, ни своего места не знать... Собачья жизнь. Прямо собачья!

— А ты, дедушка, кто такой? — с интересом проговорил Сёмка и сел напротив старика.

— Кто я-то? Да никто. Так... Одно слово — неизвестный...

Старик глубоко вздохнул и провёл ладонью по лицу, точно утираясь.

— Да, брат... Ты человек малый, а и то вон родина-то назад тебя потянула. Всегда она так, точно мать родная... тянет, тянет... Места нигде без неё не найдёшь. Придёшь, взглянешь на неё, матушку, одним глазком, ну и легче!

— А что, дедушка, дойду я к зиме до Расеи?

— Нет, не дойдёшь. Потому — пойдут холода, а на тебе вон даже пальтишка нет... Хаживал я, знаю. Не дойдёшь, говорю. Замёрзнешь.

От его слов Сёмка закручинился. Задумался и старик. Оба, потупив глаза, молчали.

Сёмка в это время представил себе, как он будет замерзать, и было горько, что никто об этом не узнает в Белом. А старик думал свою думу и молча шевелил усами.

— Так ты куда? — неожиданно спросил Неизвестный, поднимаясь с травы.

— Я, дедушка, домой...

— Ну, и я домой. Пойдём вместе.

Оба они молча вышли на дорогу и побрели не торопясь вперёд.

Свечерело... Ливший с полудня дождь пронизал до костей Сёмку и Неизвестного.

— Иди, брат, иди, — подбадривал старик. — Поспешай. А то двинет это осень-то взаправду, по-настоящему, а мы с тобой ещё до гор¹ не дошли. Что ж тогда? Пропадать нужно.

— Иду, дедушка.

— И то запоздали. Как бы холод, боюсь, не ударил. А то беда!

Сёмка, несмотря на усталость, чувствовал себя хорошо. Встреча с попутчиком радовала его и бодрила. Он был спокоен, что теперь уже не сойдёт с дороги и что дедушка приведёт его куда нужно; да и поговорить было приятно. А дедушка всё время рассказывал и про родину, и про Сибирь, где копают золото, говорил об острогах, о воле, о суровой сибирской зиме и о зелёной весенней травке, которая так и манит человека домой, так и не даёт ему покоя ни днём, ни ночью.

— А что, дедушка, мы уже много прошли? — спрашивал Сёмка.

Художник Т. Прибыловская

— Видишь — голодней стало: значит, к Расее подвигаемся. А за горы перевалим, там ещё голодней будет, потому и говорю: поспешай! Денег у нас с тобой нету, ну и ночуй, где хочешь, и ешь, что знаешь. Сибирь, брат, добрая. Только добро-то её нам не по вкусу... не по зубам. Поспешай, паренёк, поспешай!

В стороне от проезжей дороги остановился обоз. Было темно и холодно, и красное пламя костров приветливо манило путников. Распряжённые лошади в потёмках бродили по поляне, пощипывая вялую осеннюю траву, воза стояли с поднятыми вверх оглоблями, а мужики, разведя огонь, грелись и варили ужин.

¹ До гор — то есть до Уральских гор.

— Хлеб да соль! — сказал Неизвестный, подходя к костру. — Дозвольте погреться, приятели.

— Садись, — ответили равнодушные голоса.

Старик подсел и протянул к огню руки. Сёмка тоже приблизился. Промокшее платье его вскоре согрелось, и по спине пробежала приятная дрожь.

— Откуда тянешься-то? — спросил кто-то из сидевших, вглядываясь в лицо Неизвестному.

— Издали идём. К домам пробираемся.

— Паренёк-то твой, что ли?

— Нет, встречный. Переселенский он-то... Сиротой остался.

— Вишь ты, промок сердешный!

На Сёмку обратили внимание. Он сидел возле самого костра и, ёжась, глядел, как горят и корчатся в огне сучья, как тянется по ветру белый дым, как пенится и шипит в котелке варево.

— Сирота, стало быть? — спросили мужики и опять стали смотреть на Сёмку.

Потом начали разговаривать о хлебе и о работе; потом, когда поспела еда, принялись за ужин.

— Ешь, несчастненький, ешь, — угощали Сёмку. — А то, вишь, зазяб.

Сёмка наелся и прилёг отдохнуть. После горячей пищи ему было приятно поваляться возле огня. Сучья весело трещали, пахло дымом и свежей корой, — совсем так же, как, бывало, в Белом. Только если бы это было дома, он накопал бы сейчас картошки и бросил бы в огонь. И Сёмке вспоминался обуглившийся картофель, который и пахнет, и руки жжёт, и на зубах хрустит.

Над головой Сёмки светились звёзды, такие же ясные, частые, как в Белом, и ему хотелось думать, что Белое теперь где-нибудь близко... Ноги его ныли от усталости, земля холодила бок и спину, а костёр так хорошо пригревал ему лицо, и грудь, и колени.

Мужики всё ещё о чём-то разговаривали, и дедушка тоже разговаривал с ними. Сёмка слышал его голос: «Трудно, приятели, трудно...» И мужики говорили тоже, что трудно. Потом голоса их стали глуше и тише, точно зажужжали пчёлы... Потом поплыли перед Сёмкой красные круги, потом разлилась широ-

кая холодная река, а за рекой показалось Белое... Сёмка хотел броситься к нему вплавь, но Неизвестный поймал его за ногу и сказал: «Трудно! трудно!» Потом опять завертелись красные и зелёные круги — и всё перемешалось...

Сёмка спал как убитый.

VI

Было раннее серое утро, когда он открыл глаза. По небу тянулись тучи, холодный ветер налетал порывами на потухший костёр и, выхватив кучу золы, со свистом разносил её по полю. Мужиков уже не было, а Неизвестный, свернувшись в комок, лежал на земле.

Сёмка приподнялся и сел.

— Дедушка! — позвал он старика, но тот не ответил.

«А где ж мужики-то!» — подумалось ему сейчас же и вдруг стало страшно за Неизвестного.

Ветер свистел, раздувая золу, по чёрным головешкам шуршали обгорелые ветки, и всё поле, казалось, шуршит и стонет... Становилось жутко.

— Дедушка! — крикнул ещё раз Сёмка, но голос его отнесло ветром в другую сторону.

Глаза его против воли закрывались, голова отяжелела и сама падала на плечи. Сёмка снова прилёг, а вокруг и отовсюду гудело ему в уши: з-з-з!.. И ему чудилось, что Неизвестного убили разбойники, чудилось, опять где-то близко Белое, но войти в него кто-то мешает, кто-то тянет назад, тянет туда, на огромное поле, где стоит серый барак. «А... ты домой?!» — говорит чей-то сердитый голос. Затем приносят горячие щи и наливают Сёмке прямо в рот, льют на голову, льют всё больше и больше, так что на голове вырастает целая горячая гора, а щи всё льют, всё льют... Голова распухает, внутри горит костёр. Сёмка задыхается — и открывает глаза. Над ним сидит Неизвестный и печально кивает головой.

— Что, брат? — говорит он, трогая его лицо рукою. И Сёмка видит над собой небо, солнце, серую бороду, впалые глаза.

— Что, брат? Дело-то наше, видно, дрянь.

— Дедушка, — еле пробормотал Сёмка.

— Ну-ка, брат, встань, посиди.

Старик поднял его, посадил себе на колени и дал привалиться к своей груди головой.

— Что, брат?

— Ничего, — пробормотал Сёмка.

— Очувствуйся немножко, да надо идти куда-нибудь... Не помирать же здесь.

Через час они уже брели тихонько по дороге обнявшись. Неизвестный шагал мерно и уверенно, а Сёмка часто спотыкался и сбивался с шага.

— Город-то больно далече, — жаловался старик. — В больницу бы тебя положить. Ты ведь не то что я. Тебе можно. А мне вот и глаз туда нельзя показать... в город-то. Эх, житьё, житьё!..

Немного спустя Сёмка остановился:

— Дедушка... ноги не идут... Давай посидим.

— Отойдём в рощу. Там потеплее. Ну, держись за меня. Вот так! Ну, пойдём.

В роще оба они сели. Неизвестный велел Сёмке положить голову к нему на колени, а сам наломал сучьев и сделал из них постель.

— Ложись, ложись, мужичок!.. Ложись.

— Дедушка, — взмолился Сёмка, — не бросай меня одного! Дедушка!

Он горько заплакал и не говорил уже более ни слова. Опять ему стало казаться, что вокруг всё гудит и свистит, опять кто-то тянет его за голову, и всё перед ним кружится и горит...

— Домой, домой! — тяжело выговаривает Сёмка и через силу открывает глаза, но уже ничего не видит...

Иногда кажутся ему какие-то новые люди, незнакомые, новый барак, то видит он мать, то речку Узюпку, то опять незнакомых людей, то дедушку Неизвестного; и ночь и день мешаются вместе, и, наконец, Сёмка снова открывает глаза.

Он лежит в комнате на мягкой постели, он ясно видит над собой потолок, видит, как за окном шатается голое, жидкое деревцо. Он в страхе думает: «Опять барак?» — и хочет вскочить и бежать, но тело его не шевелится, а голова точно примёрзла к подушке.

«Где же дедушка?» — подумал Сёмка, ища глазами знакомое лицо. Но не было ни старика, ни леса, ни трактовой дороги.

И Сёмке стало горько и больно, зачем бросил его Неизвестный, и тихие слёзы обильно заструились по его бледному, исхудалому лицу.

VII

Однажды, в больничном халате, всё ещё слабый после болезни, Сёмка стоял у окна и задумчиво глядел на пустынную улицу, где ветер гонял через лужи сухие осенние листья. Позади Сёмки стоял Демидыч, больничный солдат, и тоже глядел, думая свою думу. Он уже рассказывал Сёмке, как его, больного, без памяти, принёс сюда старик. А тут случился исправник. Глянул он это на старика да и говорит: «Здравствуй, красавец!» А старик-то так и присел. «Опять, говорит, гуляешь?» Ну, сейчас его и взяли... Третий раз старик-то с каторги бегаёт. Третий раз его ловят.

Обо всём этом Сёмка уже слышал от солдата и всякий раз поутру и на ночь вздыхал и думал: «Господи, спаси дедушку Неизвестного!..»

— Нынче их отсылают, — говорил солдат. — Гляди, сейчас поведут.

Вскоре до слуха Сёмки донеслись глухие странные звуки. Потом показались солдаты с ружьями на плечах, а за ними шла толпа в серых халатах и круглых шапках, громыхая цепями, которые болтались и звенели у рук и у ног. По обе стороны и позади шли также солдаты; все ёжились от холода.

С замирающим сердцем Сёмка прильнул к стеклу и во все глаза глядел на эту серую толпу, отыскивая знакомого. Вдруг он отчаянно закричал, почти взвизгнул, и начал бить по стеклу кулаками:

— Дедушка! дедушка! дедушка!

Среди арестантов он увидел Неизвестного, который, путаясь в цепях, проходил почти возле окна.

— Дедушка! дедушка! — кричал Сёмка, не помня себя от радости и от ужаса.

Заслышав стук, многие повернули головы. Оглянувшись и Неизвестный, Сёмка видел, как он взглянул на него своими впалыми серыми глазами, видел, как он вздохнул и печально покивал ему головою.

Слёзы градом брызнули у Сёмки, сердце бешено колотилось в груди, а между тем партия и конвой прошли уже и скрылись за углом дома. Сёмка всё ещё бился и кричал: «Дедушка!», а сторож равнодушно говорил:

— Чего ревёшь? Нечего реветь: тебя вернут скоро на родину, потому ты дитё и тут тебе вовсе не место. Сказано: вернут, не ори!

Но Сёмка рыдал и всё старался заглянуть куда-то вкось, за угол, куда унёс свои цепи его случайный верный друг — Неизвестный.

1898

Поразмышляй над прочитанным

Сёмка на пути домой

1. Как жилось Сёмке в бараке?
2. Какие обстоятельства заставили Сёмку двинуться в путь, «домой»? Найди ответ на этот вопрос в тексте.
- 3. Почему он мог продолжать свой путь до осенних холодов? Прочитай об этом вслух.
4. Что, по-твоему, могло помешать ему осуществить свою мечту?
5. Как и почему изменилось настроение Сёмки, когда он соединился с дедушкой Неизвестным?
- 6. Выразительно прочитай описания природы в каждой главе. Какое настроение они создают? Как описания природы связаны с событиями в жизни Сёмки и его переживаниями?
- 7. Как ты думаешь, вернётся ли Сёмка домой? Что ожидает его впереди?

Дедушка Неизвестный

1. Почему дедушка стал Неизвестным?
2. Мог ли он дойти до «Расеи», до родных мест? При каких условиях?
3. Почему Неизвестный предложил Сёмке идти вместе?
Перед каким выбором встал дедушка, когда Сёмка заболел?
Почему он не бросил Сёмку?
Объясни, почему встреча с Сёмкой осложнила положение деда.
Какие поступки он совершает вопреки своей мечте попасть до зимних холодов на родину?
4. Как мог бы поступить на месте Неизвестного другой человек?
Что заставило дедушку поступать именно так, а не иначе?
Как ты оцениваешь поступки Неизвестного?
5. Какую роль в жизни Сёмки сыграл Неизвестный?
- 6. Вспомни других литературных героев, которые жертвовали собой, подвергали себя опасности, создавали себе неудобства ради помощи другим или их спасения. Чем они руководствовались?

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ПОСТУПКИ

Тебе, наверное, приходилось слышать такие выражения: «стечение обстоятельств», «в трудных обстоятельствах», «смотря по обстоятельствам».

Состав предложения с этими выражениями.

Обстоятельства, то есть жизненные условия, в которых находится человек, во многом определяют его поступки, поведение. В сложных ситуациях человек нередко оказывается перед нравственным выбором: как поступить? какое решение принять? **Нравственность** — это *духовные качества, которыми руководствуется человек в своих поступках: честность, справедливость, совесть, уважение к людям, сочувствие им.* Вот как размышляет об этом Л. Н. Толстой: «Для того, чтобы хорошо прожить, надо понимать, что такое жизнь и что в этой жизни надо и чего не надо делать. Этому учили во все времена самые мудрые и доброй жизни люди всех народов. Учения эти все в самом главном сходятся между собою, сходятся и с тем, что говорят человеку его разум и совесть... Совесть действует так же, как стрелка компаса. Стрелка двигается с места только тогда, когда тот, кто несёт её, сходит с того пути, который она показывает... То же и с совестью: она молчит, пока человек делает то, что должно. Но стоит человеку сойти с настоящего пути, и совесть показывает человеку, куда и насколько он сбился... Совесть — это закон добра в душе человека».

Но всегда ли человек прислушивается к голосу совести? Он находится во власти обстоятельств и обычно поступает так: слушается совета других или сам принимает решение; поступает по совести или соблюдает свою выгоду, быть может, даже во вред другим; обдумывает последствия своего поступка или подчиняется велению чувств, не заботясь о последствиях. Такое стечение обстоятельств, когда от того, какое решение примет человек, какой поступок изберёт, зависит его душевное самочувствие, взаимоотношения с окружающими, а порой и вся дальнейшая жизнь, называется *ситуацией нравственного выбора*.

Перед нравственным выбором ставит своих героев писатель. Поведение персонажа в сложных ситуациях, поступки, которые он совершает по воле автора и в соответствии с особенностями

своего характера, раскрывают мир чувств, жизнь души, нравственный облик этого героя. Писатель вовлекает читателя в размышление над нравственными проблемами.

Ты помнишь, как в романе А. С. Пушкина «Дубровский» Троекуров сделал первый шаг к примирению, приехал в Кистенёвку, чтобы восстановить дружеские отношения с Дубровским? Стоило Владимиру сделать ответный шаг, и Кистенёвка осталась бы за ним.

Почему же он выгнал Троекурова? Быть может, герой не понимал последствий своего поступка?

А Вася из повести В. Г. Короленко «Дети подземелья»? Никто ведь не заставлял его приносить куклу Марусе. Он приносит, хотя прекрасно понимает, какими неприятностями, страшными последствиями ему это грозит.

Что заставило его в сложившихся обстоятельствах совершить поступок, который может ему навредить?

В ситуациях нравственного выбора оказались сначала Костылин, а потом и Жилин — герои рассказа Л. Н. Толстого «Кавказский пленник». Помнишь эпизоды пленения героев, их письма о выкупе, поведение при побеге?

Чем руководствовался каждый из них?

Почему в одних и тех же обстоятельствах разные персонажи могут поступать по-разному?

Перед нравственным выбором оказался и Неизвестный — герой рассказа Н. Д. Телешова «Домой».

Объясни, почему условия или ситуации, в которых он оказался, можно назвать ситуациями *нравственного выбора*. Для чего писатели ставят своих героев в подобные ситуации?

Приглашаем в библиотеку

Прочитай рассказ Н. Д. Телешова «Ёлка Митрича». Какие впечатления вынес писатель из поездки в Сибирь, о чём хотел рассказать читателям, какие чувства хотел пробудить в них?

Прочитай сказку Н. Д. Телешова «Белая цапля». Что сближает её с рассказами писателя?

Альфонс Доде

(1840—1897)

Художник Э. Карьер
Портрет А. Доде

О своём детстве и отрочестве Доде рассказал в ранней повести «Малыш». Детство писателя прошло на юге Франции. Навсегда полюбился ему пронизанный солнцем Прованс, игры и прогулки среди его виноградников и оливковых рощ, плавание на плотах. Отец Доде принадлежал к известной семье фабрикантов, владел фабрикой шёлковых тканей. Мальчику было восемь лет, когда семья разорилась и вынуждена была переехать в Лион. Школьники из богатых семей презрительно посматривали на поношенную одежду Альфонса и его брата Эрнеста. Но Альфонс выделялся среди них замечательными способностями, пытливостью ума и успехами в учёбе.

Самостоятельная трудовая жизнь будущего писателя началась в коллеже¹ провинциального городка Але, где юный Доде стал классным наставником. Эта работа угнетала Альфонса, он мечтал вырваться из захолустного городка. После двух лет унижительного существования Доде решает попытать свои силы в литературе и отправляется в Париж, куда незадолго до этого переехал его старший брат.

Через год вышла первая книга стихов молодого литератора.

Лучшие произведения А. Доде переносят читателей в дорогой для него солнечный Прованс. В «Письмах с мельницы» (1869) писатель рассказывает о будничной жизни обитателей этой провинции, об их простодушии, патриархальных нравах. Народные предания, пересказанные автором, напоминают о славном прошлом края; картины природы: поросшие лавандой зелёные холмы, вереницы осликов на белых от пыли дорогах, голубые альпийские дали — погружают читателей в атмосферу солнечного, беспечного, жизнерадостного Прованса. Главный герой самого

¹ Коллѐж — среднее учебное заведение во Франции.

знаменитого произведения А. Доде — романа «Тартарен из Тараскона», который создавался на протяжении длительного времени, — тоже провансалец, неисправимый мечтатель, хвастун, выставляющий напоказ свои мнимые достоинства, трусоватый человек, желающий во что бы то ни стало прослыть смельчаком и героем. В путешествии по Африке с ним происходят курьёзные истории, забавные, смешные случаи.

Писатель остро переживает поражение Франции во франко-прусской войне 1870—1871 годов, осаду Парижа. Несмотря на плохое зрение и болезненное состояние, Альфонс Доде вступает в ряды Национальной гвардии, отправляется на самые опасные участки сражающегося Парижа. Героическая борьба истинных патриотов Франции стала темой многих рассказов писателя, составивших сборники «Письма к отсутствующему» и «Рассказы по понедельникам». Эти рассказы исполнены волнующего драматизма. Вот один из них.

МАЛЕНЬКИЙ ШПИОН¹

Его звали Стен, малыш Стен. Это был бледный и тщедушный мальчик, истинное дитя Парижа; на вид ему можно было дать десять, самое большее пятнадцать лет. Когда имеешь дело с этими сопляками, никогда нельзя точно определить их возраст. Мать его умерла, а отец, бывший солдат морской пехоты, сторожил сквер в квартале Тамплъ. Грудные младенцы, няни, старушки со складными стульями, нуждающиеся матери, весь мелкий парижский люд, который на этих ограждённых тротуарами газонах ищет защиты от экипажей, — все знали дядюшку Стена и буквально обожали его. Каждому из них было известно, что за его суровыми усами — грозой бродячих собак — скрывается ласковая, чуть ли не материнская улыбка, и, чтобы вызвать её, стоит только спросить этого добряка:

— Как поживает ваш мальчик?

И любил же своего сына дядюшка Стен! Как он был счастлив, когда вечером, после школы, мальчуган приходил за ним и они вместе обходили аллеи, останавливаясь у каждой скамейки,

¹ Перевод с французского С. Зельдович.

чтобы поздороваться с постоянными посетителями сквера и ответить на их ласковые приветствия!

С осадой Парижа всё, к несчастью, изменилось. Сквер, который сторожил дядюшка Стен, закрыли: здесь устроили склад горючего, и бедняга, вынужденный непрестанно нести охрану, проводил теперь время один, среди опустевших, запущенных дорожек, не смея даже затянуться папиросой, и встречался со своим мальчиком поздно вечером, дома. Надо было видеть его усы, когда он заговаривал о пруссаках!..¹ А что касается малыша Стена, то он не очень-то тяготился своим новым образом жизни.

Осада! Какое это развлечение для мальчишек! В школе нет занятий, а улица — ярмарочная площадь...

Мальчик до самого вечера слонялся по городу. Он сопровождал отправлявшиеся на крепостной вал батальоны своего квартала, главным образом те, у которых был хороший оркестр, а уж в этом Стен отлично разбирался. С корзинкой в руке он становился в одну из очередей, которые в эти утопавшие во мраке зимние утра выстраивались у дверей булочных или мясных лавок. Здесь публика, стоя в лужах, завязывала знакомства, рассуждала о политике. А так как мальчик был сыном дядюшки Стена, всем хотелось узнать, что ему известно о происходящем. Но самым увлекательным занятием была знаменитая игра в пробки, которую ввели в моду бретонские² мобили. И если Стен не находился на крепостном валу или же не стоял в очереди за хлебом, то мы могли наверняка застать его на площади Шато д'О, где шла эта игра. Сам он, разумеется, не играл: для этого надо было иметь много денег. Он довольствовался тем, что смотрел на игроков, но как смотрел!..

Особый восторг вызывал в нём долговязый парень в синей блузе, ставивший монеты не меньше, чем в сто су³. Слышно было, как при быстрой ходьбе в карманах у него позвякивают серебряные экю...⁴

¹ *Пруссак* — немцы, уроженцы или жители немецкой провинции Пруссии.

² *Бретонские* — из Бретани — области на северо-востоке Франции.

³ *Су* — разменная монета, равная 1/20 франка — денежной единицы во Франции.

⁴ *Экю* — пятифранковая монета.

Как-то раз, подбирая подкатившуюся к ногам Стена монету, долговязый тихо спросил:

— Завидно, а?.. Хочешь, я тебя научу, как их раздобыть?

Окончив игру, долговязый отвёл его в сторону и предложил вместе с ним отправиться к пруссакам, уверяя, что за один раз можно заработать тридцать франков. Сначала Стен с негодованием отверг это предложение и целых три дня не ходил смотреть, как играют в пробки. Три ужасных дня! Он даже перестал пить и есть. А по ночам ему мерещились выстроившиеся в ногах у его кровати полчища пробок и на них — монеты в сто су, которые, ярко сверкнув, тут же на глазах исчезали. Искушение было слишком велико. На четвёртый день он пошёл на площадь Шато д'О, встретил долговязого парня и поддался соблазну...

Однажды утром, перекинув через плечо холщовые сумки и спрятав газеты под куртки, они отправились в путь. Густо падал снег. Ещё только начинало светать, когда они добрались до Фландрских ворот. Долговязый взял Стена за руку и, приблизившись к часовому с красным носом, добродушному на вид солдату местной Национальной гвардии, плаксивым голосом заговорил:

— Разрешите нам пройти, господин хороший!.. Мать у нас больна, отец умер. Это мой брат. Мы хотим собрать в поле немного картошки.

Тут он заплакал. Стен густо покраснел от стыда и стоял с опущенной головой. Часовой посмотрел на них, затем бросил быстрый взгляд на белевшую вдали пустынную дорогу.

— Проходите, да поживей! — сказал он, пропуская их.

И мальчики быстро зашагали по дороге в Обервилье. Ну и смеялся же долговязый!

Смутно, как во сне, мелькали перед Стеном заводы, превращённые в казармы, безлюдные баррикады... Кое-где виднелась одинокая фигура нёсшего караул солдата или же группа офицеров: надвинув капюшоны, они смотрели в бинокль. У тлеющих костров темнели мокрые от растаявшего снега палатки. Долговязый хорошо знал дорогу. Чтобы миновать сторожевые посты, они шли полем. Но всё же им не удалось миновать заставу, охранявшуюся вольными стрелками. В коротких накидках сидели они на корточках в наполненном водою рву, тянувшемся вдоль Суассонской железной дороги. Несмотря на то, что долго-

Художник М. Петров

вязый и тут рассказал выдуманную им историю, их не пропустили. Но пока он хныкал, из будки железнодорожного сторожа вышел на насыпь седой, морщинистый старый сержант, чем-то напоминавший дядюшку Стена.

— Ладно, ребята, не плачьте! — сказал он. — Вас пропустят за картошкой. А пока зайдите обогреться... Мальчуган-то, видно, замёрз!

Увы, не от холода дрожал Стен: он дрожал от страха, он дрожал от стыда... В будке солдаты, сгрудившись, держали над огнём насаженные на кончики штыков смёрзшиеся сухари. Солдаты потеснились, чтобы дать место мальчикам. В это время в дверях показался офицер. Подозвав к себе сержанта, он что-то шепнул ему на ухо и поспешно вышел.

— Ну, ребята! — подойдя к солдатам, с сияющим видом сказал сержант. — Сегодня ночью будет жарко... Мы узнали пароль пруссаков. Надеюсь, на этот раз мы у них отобьём злосчастный Бурже!

Послышались радостные возгласы, громкий смех. Солдаты пустились в пляс, стали петь, чистить штыки, мальчики, воспользовавшись суматохой, незаметно скрылись.

Миновав траншею, они очутились на голой равнине. Вдали виднелась высокая стена с бойницами. Поминутно останавливаясь, будто подбирая картошку, они направились к этой стене.

— Давай вернёмся! Не надо туда ходить! — всё повторял Стен.

Вместо ответа долговязый молча пожимал плечами и шёл вперёд. Внезапно где-то совсем рядом раздался треск заряжаемой винтовки.

— Ложись! — крикнул долговязый и бросился на землю.

Он свистнул. И тотчас над заснеженной равниной прозвучал ответный свист. Мальчики ползком начали продвигаться даль-

ше. У самой стены, почти вровень с землёй, из-под засаленной фуражки показались рыжие усы. Долговязый прыгнул в окоп к пруссаку.

— Это мой братишка, — пояснил он, показывая на своего спутника.

Стен был так мал ростом, что пруссак, глядя на него, рассмеялся. Ему пришлось приподнять мальчика над бруствером¹.

За стеной виднелись глыбы развороченной земли, поваленные деревья... Поодаль был виден замаскированный деревьями домик садовника. Внизу было полно солдат: одни играли в карты, другие варили похлёбку на жарком огне. Аппетитно пахло капустой, свиным салом. Какой контраст с биваком вольных стрелков! Наверху находились офицеры. Было слышно, как кто-то играл на рояле, как хлопали пробки шампанского. Появление мальчиков было встречено криками «ура». После того как они отдали газеты, им налили вина и начали их расспрашивать. У офицеров были злые лица, держались они заносчиво. Но долговязый своим площадным юмором и жаргонными словечками сразу же их развеселил. Они хохотали и вслед за ним повторяли его выражения, с наслаждением окунаясь в парижскую грязь.

Стену тоже хотелось поговорить, блеснуть остроумием, но что-то мешало ему. Против него сидел державшийся особняком пруссак, постарше других и на вид серьезнее. Он читал, вернее, делал вид, что читает, но глаза его ни на минуту не отрывались от Стена. Во взгляде его одновременно сквозили и нежность и укор. Казалось, он говорил себе: «Я бы предпочёл умереть, нежели видеть, что мой сын занимается подобными делами...»

Стен почувствовал, будто чья-то рука сжала ему сердце.

Чтобы избавиться от этого мучительного ощущения, он выпил вина. И сразу же всё завертелось вокруг него. Точно сквозь сон слышал он, как его товарищ высмеивает Национальную гвардию, показывает, как они проходят строевое учение, изображает схватку при Мааре, ночную тревогу на крепостном валу. Затем долговязый заговорил шёпотом, офицеры обступили его, их лица приняли сосредоточенное выражение. Негодяй предупреждал их о готовящейся ночной атаке вольных стрелков...

¹ *Бруствер* — земляная насыпь на наружной стороне окопа.

Но тут малыш Стен, сразу протрезвившись, в бешенстве вскочил с места:

— Замолчи, верзила! Я не позволю!

Но тот, пренебрежительно усмехнувшись, продолжал свой рассказ. Не успел он окончить, как офицеры были уже на ногах. Один из них указал мальчикам на дверь.

— А теперь проваливайтесь! — крикнул он.

Офицеры быстро-быстро заговорили между собой по-немецки. Долговязый, позвякивая деньгами, с гордым, как у вельможи¹, видом вышел из помещения. Стен, низко опустив голову, последовал за ним. Когда они проходили мимо пруссака, чей взгляд привёл Стена в такое замешательство, послышался печальный голос:

— Некарашо... Ошень некарашо!

У Стена на глазах выступили слёзы.

Дойдя до равнины, мальчики со всех ног пустились бежать и быстро оказались на французской стороне. Корзина их была полна картошки, которой их снабдили пруссаки. С этой ношей они без всякого затруднения добрались до траншеи вольных стрелков. Там готовились к ночной атаке. Молча прибывали полки и становились у стен. Старый сержант с озабоченным и вместе с тем сияющим видом расставлял своих бойцов. Когда мальчики проходили мимо него, он их узнал и приветливо улыбнулся...

О, какой болью отозвалась эта улыбка в сердце Стена! Он чуть было не крикнул: «Не ходите в атаку!.. Мы вас предали!..»

Но долговязый шепнул:

— Если скажешь хоть одно слово, нас расстреляют!

И Стена удержал страх.

Наконец они дошли до Курнёв и, чтобы разделить деньги, забрались в пустой дом. Справедливость требует заметить, что делёж был произведён честно, а когда Стен услышал, как у него под курткой звенят заработанные эцю, он вспомнил об ожидающей его игре в пробки, и совершенное им преступление показалось ему уже не столь ужасным.

¹ *Вельмóжа* — богатый, знатный, занимающий высокое общественное положение человек.

Но что почувствовал бедный мальчик, когда остался один! Как только они прошли городские ворота и долговязый расстался с ним, его карманы вдруг стали страшно тяжёлыми, а невидимая рука теперь ещё сильнее сжимала его сердце. Париж теперь показался ему совсем иным. Слово «шпион» чудилось ему и в грохоте колёс и в звучащем вдоль всего канала барабанном бое. Наконец-то он добрался до дому. Довольный, что отец ещё не вернулся, он поспешил спрятать под подушку тяжёлые эку.

Никогда ещё дядюшка Стен не приходил домой в таком добром, в таком весёлом расположении духа, как в тот вечер. Из провинции только что были получены хорошие вести: положение на фронте улучшилось. Бывший солдат принялся за еду, а сам то и дело поглядывал на висевшее на стене ружьё и, ласково улыбаясь, говорил сыну:

— А что, сынок, если бы ты был большой, ведь и ты пошёл бы воевать с пруссаками?

Около восьми часов загрохотали пушки.

— Это Обервилье... Бой идёт в Бурже, — сказал дядюшка Стен, отлично знавший все укрепления.

Мальчик побледнел и, сославшись на сильную усталость, пошёл спать. Но уснуть он не мог. Он представил себе, как вольные стрелки ночью идут в атаку, но вместо того, чтобы застать пруссаков врасплох, попадают в засаду. Вспомнил он и старого сержанта, который ему улыбнулся. Сержант лежал на снегу, а сколько ещё рядом с ним... Цена всей этой крови спрятана у него под подушкой, и виной этому был он, сын Стена, солдата... Слезы душили его. А в соседней комнате взад и вперёд ходил отец, открывал окно. Внизу, на площади, трубили сбор. Перед выступлением в батальоне вольных стрелков шла перекличка. Битва предстояла грозная. Мальчик зарыдал.

— Что с тобой? — входя в комнату, спросил дядюшка Стен.

Тут мальчик не выдержал, соскочил с постели и бросился к ногам отца. От резкого движения все его эку рассыпались по полу.

— Это что такое? Ты украл? — вздрогнув, спросил старик.

Мальчик рассказал всё: как он ходил к пруссакам и что он там делал. И, выкладывая всё как было, он чувствовал, что на

душе у него становится легче. Старик слушал молча, но выражение лица у него было страшное. Выслушав до конца, он обхватил руками голову и заплакал.

— Папа, папа!.. — бормотал мальчик.

Старик оттолкнул его и молча собрал деньги.

— Это всё? — спросил он.

Мальчик кивнул головой. Старик снял со стены ружьё, патронную сумку, сунул деньги в карман.

— Хорошо, — сказал он. — Я верну их пруссакам.

И, не прибавив ни слова, даже не повернув головы, он вышел из дому и присоединился к мобилям, постепенно исчезающим во мраке. С тех пор его больше не видели.

1873

Поразмышляй над прочитанным

1. Что привело мальчиков на путь предательства? Какое отношение вызвали у тебя малыш Стен и долговязый парень?

2. Проследи, как показаны в рассказе переживания Стена. Наказан ли он за свой поступок?

3. В чём, по-твоему, вина маленького Стена? Поразмышляй над тем, к каким трагическим последствиям может привести необдуманный поступок.

Андрей Платонович Платонов

(1899—1951)

...В стремлении к счастью для одного себя есть что-то низменное и непрочное; лишь с подвига и исполнения своего долга перед народом, зачавшим его на свет, начинается человек, и в том состоит его высшее удовлетворение, или истинное вечное счастье, которого уже не может истребить никакое бедствие, ни горе, ни отчаяние.

А. Платонов

В самой ранней автобиографии (1922 год) писатель сообщает: «Я родился в слободе Ямской, при самом Воронеже. Уже десять лет тому назад Ямская чуть отличалась от деревни. Деревню же я до слёз любил, не видя её до 12 лет. В Ямской были плетни,

огороды, лопуховые пустыри, не дома, а хаты, куры, сапожники... Колокол “Чугунной” церкви был всею музыкой слободы, его умирительно слушали в тихие летние вечера старухи, нищие и я...

Потом наступило для меня время учёныя — отдали меня в церковно-приходскую школу... Потом я учился в городском училище. Потом началась работа. Работал я во многих местах, у многих хозяев. У нас семья была одно время в 10 человек, а я старший сын — один работник, кроме отца. Отец же, слесарь, не мог кормить такую орду.

...Кроме поля, деревни, матери и колокольного звона я любил ещё (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машину, поющий гудок и потную работу. Я уже тогда понял, что всё делается, а не само родится...

И теперь исполняется моя долгая упорная детская мечта — стать самому таким человеком, от мысли и руки которого волнуется и работает весь мир ради меня и ради всех людей, и из всех людей — я каждого знаю, с каждым спаяно моё сердце.

Теперь исполняется эта мечта. Человек каменный, еле зеленеющий мир превращает в чудо и свободу».

В том же году А. Платонов пишет жене: «Я жил и томился, потому что жизнь сразу превратила меня из ребёнка во взрослого человека, лишая юности. До революции я был мальчиком, а после неё уже некогда быть юношей, некогда расти, надо сразу нахмуриться и биться... Не доучившись в технической школе, я спешно был посажен на паровоз помогать машинисту. Фраза о том, что революция — паровоз истории, превратилась во мне в странное и хорошее чувство: вспоминая её, я очень усердно работал на паровозе. <...>

Позже слова о революции-паровозе превратили для меня паровоз в ощущение революции».

Когда А. Платонов писал эти возвышенные слова, ему не было ещё и двадцати трёх лет. Но молодой литератор имел уже немалый жизненный опыт, разносторонние знания и практические дела.

Он брался за всё. И всё у него получалось. В 1917—1918 годах работал на Воронежском паровозостроительном заводе. В годы Гражданской войны был бойцом отряда ЧОН (части особого назначения), корреспондентом газеты в Новохопёрске; работая на одном паровозе вместе с отцом, водил поезда. После гражданской войны окончил Воронежский политехникум по специальности гидрофикация и электрификация сельского хозяйства, был губернским мелиоратором, руководил строительством воронежской электростанции. Одновременно начал писать статьи и очерки, стихи и прозу. Что его волновало? Вот названия некоторых его первых статей и очерков: «Ремонт земли», «Как добыть свет», «Революция и математика», «Немые тайны морских глубин», «Об улучшении климата», «Человек и пустыня». В особенности его притягивала своей тайной, своей великой, угнетённой и возрождающейся жизнью пустыня.

(По статье В. М. Акимова
«Рабочий класс — это моя родина...»)

Поразмышляй над прочитанным

1. Какую роль в становлении Платонова-писателя сыграли раннее начало его трудовой деятельности и размышления о роли труда в жизни общества?
2. Как характеризуют Платонова его трудовые профессии и темы первых статей и очерков?

ПЕСЧАНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

1

Двадцатилетняя Мария Нарышкина родом из глухого, заброшенного песками городка Астраханской губернии. Это был молодой здоровый человек, похожий на юношу, с сильными мускулами и твёрдыми ногами.

Всем этим добром Мария Никифоровна была обязана не только родителям, но и тому, что ни война, ни революция её почти не коснулись. Её глухая пустынная родина осталась в стороне от маршевых дорог красных и белых армий, а сознание расцвело в эпоху, когда социализм уже затвердел.

Отец-учитель не разъяснял девочке событий, жалея её детство, боясь нанести глубокие незаживающие рубцы её некрепкому растущему сердцу.

Мария видела волнующиеся от легчайшего ветра песчаные степи прикаспийского края, караваны верблюдов, уходящих в Персию, загорелых купцов, охрипших от песчаной пудры, и дома в восторженном исступлении читала географические книжки отца. Пустыня была её родиной, а география — поэзией.

Шестнадцать лет отец свёз её в Астрахань на педагогические курсы, где знали и ценили отца. И Мария Никифоровна стала курсисткой...

Но всё минуло. Настал конец ученья. Собрали девушек в зал, вышел завгубоно¹ и разъяснил нетерпеливым существам великое значение их будущей терпеливой деятельности. Девушки слушали и улыбались, неясно сознавая речь. В их годы человек шумит внутри и внешний мир сильно искажается, потому что на него глядят блестящими глазами.

Марию Никифоровну назначили учительницей в дальний район — село Хошутово, на границе с мёртвой среднеазиатской пустыней.

2

Тоскливое, медленное чувство охватило путешественницу — Марию Никифоровну, когда она очутилась среди безлюдных песков на пути в Хошутово.

В тихий июльский полдень открылся перед нею пустынный ландшафт.

Солнце исходило зноем с высоты жуткого неба, и раскалённые барханы² издали казались пылающими кострами, среди которых саваном³ белела корка солонца⁴. А во время внезапной пустынной бури солнце меркло от густой желтоватой лёссовой⁵ пыли и ветер с шипением гнал потоки стонущего песка. Чем сильнее становится ветер, тем гуще дымятся верхушки барханов,

¹ Заведующий губернским отделом народного образования.

² *Бархán* — песчаный холм в степях и пустынях.

³ *Сáван* — широкое одеяние, покров из белой ткани для покойников.

⁴ *Солонéц* — почва с большим содержанием соли.

⁵ *Лёсс* — рыхлая порода светло-жёлтого цвета, на которой формируется плодородная почва.

воздух наполняется песком и становится непрозрачным. Среди дня, в безоблачном небе, нельзя определить положение солнца, а яркий день кажется мрачной лунной ночью.

Первый раз видела Мария Никифоровна настоящую бурю в глубине пустыни.

К вечеру буря кончилась. Пустыня приняла прежний вид: безбрежное море дымящихся на верхушках барханов, сухое томящее пространство, за которым чудилась влажная, молодая, неутомимая земля, наполненная звоном жизни.

В Хошутово Нарышкина приехала на третий день к вечеру.

Она увидела селение в несколько десятков дворов, каменную земскую школу и редкий кустарник — шелюгу¹ у глубоких колодцев. Колодцы на её родине были самыми драгоценными сооружениями, из них сочилась жизнь в пустыне, и на устройство их требовалось много труда и ума.

Хошутово было почти совсем занесено песком. На улицах лежали целые сугробы мельчайшего беловатого песка, надутого с плоскогорий Памира. Песок подходил к подоконникам домов, лежал буграми на дворах и точил дыхание людей. Всюду стояли лопаты, и каждый день крестьяне работали, очищая усадьбы от песчаных заносов.

Мария Никифоровна увидела тяжкий и почти ненужный труд, — потому что расчищенные места снова заваливались песком, — молчаливую бедность и смиренное отчаяние. Усталый голодный крестьянин много раз лютовал, дико работал, но силы пустыни его сломили, и он пал духом, ожидая либо чьей-то чудесной помощи, либо переселения на мокрые северные земли.

Мария Никифоровна поселилась в комнате при школе. Сторож-старик, очумевший от молчания и одиночества, обрадовался ей, как вернувшейся дочке, и хлопотал, не жалея здоровья, над устройством её жилья.

3

Оборудовав кое-как школу, выписав самое необходимое из округа, Мария Никифоровна через два месяца начала ученье.

Ребята ходили неисправно. Придут то пять человек, то все двадцать.

¹ Шелюга — вид деревьев и кустарников, похожих на иву.

Наступила ранняя зима, такая же злобная в этой пустыне, как лето. Застонали страшные снежные бураны, перемешанные с колким, жалящим песком, захлопали ставни в селе, и люди окончательно замолчали. Крестьяне заскорбели¹ от нищеты.

Ребятам не во что было ни одеться, ни обуться. Часто школа совсем пустовала. Хлеб в селе подходил к концу, и дети на глазах Марии Никифоровны худели и теряли интерес к сказкам.

К Новому году из двадцати учеников двое умерли, и их закопали в песчаные зыбкие могилы.

Крепкая, весёлая, мужественная натура Нарышкиной начала теряться и потухать.

Долгие вечера, целые эпохи пустых дней сидела Мария Никифоровна и думала, что ей делать в этом селе, обречённом на вымирание. Было ясно: нельзя учить голодных и больных детей.

Крестьяне на школу глядели равнодушно, она им была не нужна в их положении. Крестьяне пойдут куда угодно за тем, кто им поможет одолеть пески, а школа стояла в стороне от этого местного крестьянского дела.

И Мария Никифоровна догадалась: в школе надо сделать главным предметом обучение борьбе с песками, обучение искусству превращать пустыню в живую землю.

Тогда она созвала крестьян в школу и рассказала им про своё намерение. Крестьяне ей не поверили, но сказали, что дело это славное.

Мария Никифоровна написала большое заявление в окружной отдел народного образования, собрала подписи крестьян и поехала в округ.

В округе к ней отнеслись сочувственно, но кое с чем не согласились. Особого преподавателя по песчаной науке ей не дали, а дали книги и посоветовали самой преподавать песчаное дело. А за помощью следует обращаться к участковому агроному.

Мария Никифоровна рассмеялась.

Агроном жил где-то за полтораста вёрст и никогда не бывал в Хошутове.

Ей улыбнулись и пожали руку в знак конца разговора и прощания.

¹ Стали испытывать скорбь, то есть страдать.

Прошло два года. С большим трудом, к концу первого лета, удалось Марии Никифоровне убедить крестьян устраивать каждый год добровольные общественные работы — месяц весной и месяц осенью.

И уже через год Хошутова было не узнать. Шелюговые посадки защитными полосами зеленели вокруг орошаемых огородов, длинными лентами окружили Хошутово со стороны ветров пустыни и заютили неприветливые усадьбы.

Около школы Мария Никифоровна задумала устроить сосновый питомник, чтобы перейти уже к решительной борьбе с пустыней.

У неё было много друзей в селе, особенно двое — Никита Гавкин и Ермолай Кобозев, — настоящие пророки новой веры в пустыне.

Мария Никифоровна вычитала, что посевы, заключённые меж полосами сосновых насаждений, дают удвоенные и утроенные урожаи, потому что дерево бережёт снежную влагу и хранит растение от истощения горячим ветром. Даже шелюговые посадки увеличили намного урожай трав, а сосна — дерево попрочней.

Хошутово извека страдало от недостатка топлива. Топили почти одними смрадными кизяками и коровьими лепёшками. Теперь шелюга дала жителям топливо. Крестьяне не имели никакого побочного заработка и страдали от вечного безденежья. Та же шелюга дала жителям прут, из которого они научились делать корзины, ящички, а особо искусные — даже стулья, столы и прочую мебель. Это дало деревне в первую зиму две тысячи рублей приработка.

Поселенцы в Хошутове стали жить спокойнее и сытнее, а пустыня помалости зеленела и становилась приветливей.

Школа Марии Никифоровны всегда была полна не только детьми, но и взрослыми, которые слушали чтение учительницы про мудрость жить в песчаной степи.

Мария Никифоровна пополнила, несмотря на заботы, и ещё больше заневестила лицо.

На третий год жизни Марии Никифоровны в Хошутове, когда стоял август, когда вся степь выгорела и зеленели только сосновые и шелюговые посадки, случилась беда.

В Хошутове старики знали, что в этом году должны близ села пройти кочевники со своими стадами: через каждые пятнадцать лет они проходили здесь по своему кочевому кольцу в пустыне. Эти пятнадцать лет хошутовская степь паровала¹, и вот кочевники завершили свой круг и должны явиться здесь снова, чтобы подобрать то, что отдохнувшая степь вымогла из себя.

Но кочевники почему-то запоздали: они должны быть поближе к весне, когда ещё была кое-какая растительность.

— Всё равно придут, — говорили старики. — Беда будет.

Мария Никифоровна не всё понимала и ждала. Степь давно умерла — птицы улетели, черепахи спрятались в норы, мелкие животные ушли на север, к естественным водоёмам. 25 августа в Хошутово прибежал колодезник с дальней шелюговой посадки и начал обегать хаты, постукивая в ставни:

— Кочуи прискакали!..

Безветренная в этот час степь дымилась на горизонте: то скакали тысячи коней кочевников и топтались их стада.

Через трое суток ничего не осталось ни от шелюги, ни от сосны — всё обглодали, вытоптали и истребили кони и стада кочевников. Вода пропала: кочевники ночью пригоняли животных к колодцам села и выбирали воду начисто.

Хошутово замерло, поселенцы лепились друг к другу и молчали.

Мария Никифоровна заметалась от этой первой, настоящей в её жизни печали и с молодой злобой пошла к вождю кочевников.

Вождь выслушал её молча и вежливо, потом сказал:

— Травы мало, людей и скота много: нечего делать, барышня. Если в Хошутове будет больше людей, чем кочевников, они нас прогонят в степь на смерть, и это будет так же справедливо, как сейчас. Мы не злы, и вы не злы, но мало травы. Кто-нибудь умирает и ругается.

¹ Парова́ть — находиться под паром.

— Всё равно вы негодай! — сказала Нарышкина. — Мы работали три года, а вы стравили посадки в трое суток... Я буду жаловаться на вас советской власти, и вас будут судить...

— Степь наша, барышня. Зачем пришли русские? Кто голоден и ест траву родины, тот не преступник.

Мария Никифоровна втайне подумала, что вождь умён, и в ту же ночь уехала в округ с подробным докладом.

В округе её выслушал завокроно¹ и ответил:

— Знаете что, Мария Никифоровна, пожалуй, теперь в Хошутове обойдутся и без вас.

— Это как же? — изумилась Мария Никифоровна и нечаянно подумала об умном вожде кочевников, не сравнимом с этим начальником.

— А так: население уже обучилось бороться с песками и, когда уйдут кочевники, начнёт шелюгу сажать снова. А вы не согласились бы перевестись в Сафуту?

— Что это за Сафута? — спросила Мария Никифоровна.

— Сафута — тоже село, — ответил завокроно, — только там селятся не русские переселенцы, а кочевники, переходящие на оседлость. С каждым годом их становится всё больше. В Сафуте пески были задернелые и не действовали, а мы боимся вот чего — пески растопчутся, двинутся на Сафуту, население обеднеет и снова начнёт кочевать...

— А причём тут я? — спросила Нарышкина. — Что я вам, укротительница кочевников, что ли?

— Послушайте меня, Мария Никифоровна, — сказал заведующий и встал перед ней. — Если бы вы, Мария Никифоровна, поехали в Сафуту и обучили бы осевших там кочевников культуре песков, тогда Сафута привлекла бы к себе и остальных кочевников, а те, кто уже поселился там, не разбежались бы. Вы понимаете меня теперь, Мария Никифоровна?.. Посадки же русских поселенцев истреблялись бы всё реже и реже... Кстати, мы давно не можем найти кандидатку в Сафуту: глушь, даль — все отказываются. Как вы на это смотрите, Мария Никифоровна?

Мария Никифоровна задумалась.

¹ Заведующий окружным отделом народного образования.

«Неужели молодость придётся похоронить в песчаной пустыне среди диких кочевников и умереть в шелюговом кустарнике, считая это полумёртвое деревцо в пустыне лучшим для себя памятником и высшей славой жизни?»

А где же её муж и спутник?

Потом Мария Никифоровна второй раз вспомнила умного спокойного вождя кочевников, сложную и глубокую жизнь племён пустыни, поняла всю безысходную судьбу двух народов, зажатых в барханы песков, и сказала удовлетворённо:

— Ладно. Я согласна... Постараюсь приехать к вам через пятьдесят лет старушкой... Приеду не по песку, а по лесной дороге. Будьте здоровы — дожидайтесь!

Завокроно в удивленье подошёл к ней.

— Вы, Мария Никифоровна, могли бы заведовать целым народом, а не школой. Я очень рад, мне жалко как-то вас и почему-то стыдно... Но пустыня — будущий мир, бояться вам нечего, а люди будут благодарны, когда в пустыне вырастет дерево... Желаю вам всякого благополучия.

1927

Поразмышляй над прочитанным

Главы 1—3

1. С какими трудностями столкнулась Мария Никифоровна в селе Хошутово?
2. Как показан в рассказе облик пустыни, враждебный человеку? Какие художественные средства использует писатель, чтобы сделать суровую картину пустыни яркой и впечатляющей?
3. Почему Марию Никифоровну не сломили трудности?

Глава 4

1. Как через два года изменились облик села, жизнь крестьян, их отношение к школе и друг к другу?
2. Что изменилось в жизни, в душевном состоянии самой Марии Никифоровны?

Глава 5

1. Прочитайте в лицах спор Марии Никифоровны с вождём кочевников, передавая их чувства. Кто из них прав в этом споре?

2. Почему именно Марии Никифоровне предложили ехать в Сафуту? Перед каким жизненным выбором встала песчаная учительница, получив это предложение? Как характеризует её принятое решение?

3. О чём мечтала Мария Никифоровна в юности? Обманула ли жизнь её мечты и ожидания?

Как ты считаешь, можно ли назвать героиню рассказа счастливым человеком?

Приглашаем в библиотеку

Прочитай другие рассказы А. Платонова: «Корова», «На заре туманной юности», «Неизвестный цветок». Что сближает любимых героев писателя?

Пишем сочинение

Автор не выражает прямо своего отношения к героям рассказов. Он повествует об их поступках, раскрывает их переживания, передаёт размышления так, что мы начинаем сочувствовать одним героям, любить их, даже восхищаться ими, других учимся хотя бы понимать и прощать, третьих осуждаем. Но звучат на страницах платоновских рассказов и прямые оценки героев, в которых нам слышится как бы голос самого автора, мы чувствуем, что так он сам мог бы сказать о Марии Никифоровне, о Васе из рассказа «Корова».

Найди эти прямые оценки.

Перечитай эпиграф к главе об А. П. Платонове. К каким героям прочитанных платоновских рассказов можно отнести эти слова?

Напиши рассуждение на тему «Какие качества больше всего ценит А. Платонов в человеке?». Свои размышления обоснуй примерами из прочитанных рассказов.

Михаил Михайлович Пришвин

(1873—1954)

Никакой правды не бывает без выдумки! Напротив! Выдумка спасает правду, для правды только и существует выдумка.

М. М. Пришвин

Моя мать, ещё молодая, в сорок лет осталась вдовой с пятью малыми ребятами на руках. Она должна была каждый день вставать до восхода солнца. Очень рано, далеко до восхода, няня моя должна была для неё приготовить самовар и вскипятить молоко в глиняном горшочке. Сверху этот горшочек всегда покрывался румяной пенкой, и под этой пенкой наверху было необыкновенно вкусное молоко, и чай от него делался прекрасным. Я однажды случайно встал тоже до солнца, чтобы на заре расставить силки на перепёлок. Мать угостила меня этим своим чаем, и такое угощение решило мою жизнь в хорошую сторону: я начал, как мать, вставать до солнца, чтобы напиться с ней вкусного чаю.

Художник В. Верейский
Портрет
М. М. Пришвина

Мало-помалу я к этому утреннему вставанию так привык, что уже и не мог проспать восхода солнца.

После чаю мать моя садилась в дрожки¹ и уезжала в поле. Я же уходил на охоту за перепёлками, скворцами, соловьями, кузнечиками, горlinkами, бабочками. Ружья тогда у меня не было, но и теперь ружьё в моей охоте не обязательно. Моя охота была и тогда и теперь в находках: нужно было найти в природе такое, чего я ещё не видал и, может быть, никто ещё в жизни своей с этим не встречался. Перепёлку-самку надо было силками поймать такую, чтобы она лучше всех подзывала самца, а самца сетью поймать самого голосистого. Также и соловья молодого надо было кормить муравьиными яичками, чтобы он пел лучше всех.

¹ Дрѳжки — лёгкий экипаж.

А поди-ка, найди такой муравейник, поди-ка, ухитрись набить мешок этими яйцами и потом отманить муравьёв на ветки от своих драгоценных личинок. Хозяйство моё было большое, тропы бесчисленные. Но и теперь, ночью, когда не спится, чтобы заснуть, я представляю себе в закрытых глазах с точностью все тропинки, все овражки, и камешки, и канавки и хожу по ним, пока не усну.

Вспоминаю рассказы о чудесной стране в Золотых горах и на Белых водах. Сказка эта о чудесной стране рождалась в крестьянском горе. От большой нужды разведчики из крестьян — ходоки — начали в ту пору отправляться в Сибирь и потом сманивать наших бедных крестьян туда своими рассказами о чудесной стране Алтае в Золотых горах. Конечно, я расспрашивал о чудесной стране во всех подробностях, и мне выдумывали умелые рассказчики всякий вздор. Только один мужичок, маленький и очень добрый, по прозвищу Гусёк, никогда не врал о чудесной стране, а показывал мне настоящие чудеса. Это он научил меня ловить сеткой перепелов, выкармливать молодых соловьёв, учить разговору скворцов, разводить голубей-турманов и тысячам тысяч всяких чудес. Самое главное, чему я у него выучился, — это пониманию, что все птицы разные, и зайцы, и кузнечики, и все животные существа тоже, как люди, между собой отличаются, что у них тоже, как у нас, если он Иван, то так и есть Иван, Пётр — это уже другой. Так и воробьи тоже у него были все разные, и он мог видеть, и это главное, чему я у него выучился.

Гусёк был самый бедный мужичок. Он много времени отдавал всяким своим охотам, ловле перепёлок, разведению голубей, пчёл и всяким охотничьим опытам. Он был всегда радостный и не мечтал о чудесной стране в Золотых горах: его чудесная страна была его родина, тут у нас, в селе Хрущево Елецкого уезда Орловской губернии. Вот этому простому чувству родины своей я тогда ещё не мог у него научиться и тоже вместе с другими обыкновенными мужиками мечтал о чудесной стране в Золотых горах.

В девять лет я уже был такой же охотник, как и теперь, конечно, только без нынешнего опыта. Мне бы учиться ещё и учиться у Гуська пониманию природы больше и больше. Но мать

моя видела вперёд, что на этом пути моё положение в будущем будет не лучше, чем у беднейшего из крестьян Гуська. И мать увезла меня в Елец и отдала в классическую гимназию учиться латинскому языку, русскому, арифметике и географии.

Учился я старательно, только учителя меня признавали «рассеянным». Они не знали, что я не мог быть хорошим учеником потому, что и днём, и ночью во сне, и во время занятий по арифметике, и латинскому, и географии неотступно думал о том, как бы и мне вместе с мужиками убежать в чудесную страну в Золотых горах. Через год такой упорной думы я нашёл себе четырёх товарищей, и мы уехали на лодке по реке Быстрой Сосне в Тихий Дон, намереваясь так попасть в Золотые горы в Азии. Через несколько дней нас поймали, и я понял, что чудесная страна — это что самому хочется, а учиться — надо. Так я потом и учился и жил, будто раскладывая нажитое в два ящика: в один ящик я копил то, что надо, а в другой складывал на будущее то, что себе хочется.

Конечно, я не раз срывался с этого пути: когда надо было жить, как надо, я поступал, как мне хочется. Но от этого неизменно получалось несчастье, как в гимназии, когда надо мной издевались и дразнили: «Поехал в Азию, приехал в гимназию». Мало-помалу, однако, я хорошо усвоил себе, что непременно надо окончить среднее учебное заведение, а потом высшее, и практически усвоить свою специальность. Всё это я добросовестно сделал и, наконец, в один действительно прекрасный день своей жизни понял, что я всё кончил, что я готов, что я выполнил всё, что надо, и теперь могу свободно жить, как мне хочется.

Вот тогда я купил себе ружьё, удочки, котелок. Вспомнилось мне тогда, как учителя мои под амбаром рассказывали о каком-то волшебном колобке: колобок катится, а человек идёт за ним в какую-то чудесную страну, в Золотые горы. Так я и пошёл на Север за колобком в край непуганых птиц. Было это полвека тому назад. Там, на Севере, я записывал сказки, и это было то же самое, что делал я в детстве под амбаром. Только тогда я всё в себя складывал, а теперь я сам стал складывать сказки и отдавать их на пользу людям, и мне стало от этого хорошо, я до страсти полюбил своё дело.

(Из книги М. М. Пришвина «Колобок»)

Содержание нашей любой сказки — это борьба человека-героя с представителем зла (Ивана-царевича со Змеем Горынычем). И в заключение должна быть победа, и сказка в этом смысле есть выражение общечеловеческой веры в победу доброго начала над злым.

Я всегда стремился писать современные сказки без традиционных Иванов-царевичей, но с тем же оптимистическим сказочным содержанием...

Однажды в далёком прошлом я встретил, как находку, в одном учёном исследовании уподобление торфяных болот, хранящих в себе огонь и тепло, кладовой солнца... Я думал... о стихии огня, таящейся в холодной глубине торфяных болот, назвав свою сказку-быль «Кладовой солнца»... в которой, как вы знаете, маленькие герои через большие трудности приходят к своей первой победе над жестокостью жизни, и с ними участвует в этом вся природа.

(Из предисловий к книге М. М. Пришвина «Весна света»)

Поразмышляй над прочитанным

1. Что заставило М. М. Пришвина изменить привычное русло жизни?

Почему день, когда он принял решение об этом, писатель называет «действительно прекрасным»?

2. Чем дорог жанр сказки М. М. Пришвину?

Почему свои произведения он определяет как сказку-быль («Кладовая солнца»), сказку-правду («Корабельная чаша»)?

Почему знакомые тебе «Лисичкин хлеб», «Дедушкин валенок» писатель называет сказками? Что в них сказочного?

КЛАДОВАЯ СОЛНЦА

Сказка-быль

(Фрагменты)

I

В одном селе, возле Блудова болота, в районе города Переславль-Залесского, осиротели двое детей. Их мать умерла от болезни, отец погиб на Отечественной войне.

Мы жили в этом селе всего только через один дом от детей. И, конечно, мы тоже вместе с другими соседями старались помочь им, чем только могли. Они были очень милые. Настя была как золотая курочка на высоких ножках. Волосы у неё, ни тёмные, ни светлые, отливали золотом, веснушки по всему лицу были крупные, как золотые монетки, и частые, и тесно им было, и лезли они во все стороны. Только носик один был чистенький и глядел вверх попугайчиком.

Митраша был моложе сестры на два года. Ему было всего только десять лет с хвостиком. Он был коротенький, но очень плотный, лобастый, затылок широкий. Это был мальчик упрямый и сильный.

«Мужичок в мешочке», улыбаясь, называли его между собой учителя в школе.

Мужичок в мешочке, как и Настя, был весь в золотых веснушках, а носик его чистенький тоже, как у сестры, глядел вверх попугайчиком.

После родителей всё их крестьянское хозяйство досталось детям: изба пятистенная, корова Зорька, телушка Дочка, Коза-дереза, безымянные овцы, куры, золотой петух Петя и поросёнок Хрен.

Вместе с этим богатством досталась, однако, детишкам бедным и большая забота о всех этих живых существах. Но с такой ли бедой справлялись наши дети в тяжкие годы Отечественной войны! Вначале, как мы уже говорили, детям приходили помогать их дальние родственники и все мы, соседи. Но очень что-то скоро умненькие и дружные ребята сами всему научились и стали жить хорошо.

И какие это были умные детишки! Если только возможно было, они присоединялись к общественной работе. Их носики можно было видеть на колхозных полях, на лугах, на скотном дворе, на собраниях, в противотанковых рвах: носики такие задорные.

В этом селе мы, хотя и приезжие люди, знали хорошо жизнь каждого дома. И теперь можем сказать: не было ни одного дома, где бы жили и работали так дружно, как жили наши любимцы.

Точно так же, как и покойная мать, Настя вставала далеко до солнца, в предрассветный час, по трубе пастуха. С хворостиной в

руке выгоняла она своё любимое стадо и катилась обратно в избу. Не ложась уже больше спать, она растопляла печь, чистила картошку, заправляла обед и так хлопотала по хозяйству до ночи.

Митраша выучился у отца делать деревянную посуду, бочонки, шайки, лоханки. У него есть фуганок, ладило¹ длиной больше чем в два его роста. И этим ладилом он подгоняет дощечки одну к другой, складывает и обдерживает² железными или деревянными обручами.

При корове двум детям не было такой уж нужды, чтобы продавать на рынке деревянную посуду, но добрые люди просят, кому — шайку на умывальник, кому нужен под капли бочонок, кому — кадушечку солить огурцы или грибы, или даже простую посудинку с зубчиками — домашний цветок посадить.

Сделает, и потом ему тоже отплатят добром. Но, кроме бондарства, на нём лежит и всё мужское хозяйство, и общественное дело. Он бывает на всех собраниях, старается понять общественные заботы и, наверно, что-то смекает.

Очень хорошо, что Настя постарше брата на два года, а то бы он непременно зазнался, и в дружбе у них не было бы, как теперь, прекрасного равенства. Бывает, и теперь Митраша вспомнит, как отец наставлял его мать, и вздумает, подражая отцу, тоже учить свою сестру Настю. Но сестрёнка мало слушается, стоит и улыбается... Тогда «Мужичок в мешочке» начинает злиться и хорохориться и всегда говорит, задрав нос:

— Вот ещё!

— Да чего ты хорохоришься? — возражает сестра.

— Вот ещё! — сердится брат. — Ты, Настя, сама хорохоришься.

— Нет, это ты!

— Вот ещё!

Так, помучив строптивного брата, Настя оглаживает его по затылку, и, как только маленькая ручка сестры коснётся широкого затылка брата, отцовский задор покидает хозяина.

— Давай-ка вместе полоть, — скажет сестра.

¹ *Лади́ло* — бондарный инструмент. *Бо́ндарь* — мастер по изготовлению бочек и кадушек.

² *Обде́рживает* — обхватывает, связывает.

И брат тоже начинает полоть огурцы, или свёклу мотыжить, или картошку окучивать.

II

Кислая и очень полезная для здоровья ягода клюква растёт в болотах летом, а собирают её поздней осенью. Но не все знают, что самая-самая хорошая клюква, сладкая, как у нас говорят, бывает, когда она перележит зиму под снегом.

Этой весной снег в густых ельниках ещё держался и в конце апреля, но в болотах всегда бывает много теплее: там в это время снега уже не было вовсе. Узнав об этом от людей, Митраша и Настя стали собираться за клюквой. Ещё до свету Настя задала корм всем своим животным. Митраша взял отцовское дуствольное ружьё «Тулку», манки¹ на рябчиков и не забыл тоже и компас. Никогда, бывало, отец его, отправляясь в лес, не забудет этого компаса. Не раз Митраша спрашивал отца:

— Всю жизнь ты ходишь по лесу, и тебе лес известен весь, как ладонь. Зачем же тебе ещё нужна эта стрелка?

— Видишь, Дмитрий Павлович, — отвечал отец, — в лесу эта стрелка тебе добрей матери: бывает, небо закроется тучами и по солнцу в лесу ты определиться не можешь, пойдёшь наугад — ошибёшься, заблудишься, заголодаешь. Вот тогда взгляни только на стрелку — и она укажет тебе, где твой дом. Пойдёшь прямо по стрелке домой, и тебя там покормят. Стрелка эта тебе верней друга: бывает, друг твой изменит тебе, а стрелка неизменно всегда, как её ни верти, всё на север глядит.

Осмотрев чудесную вещь, Митраша запер компас, чтобы стрелка в пути не дрожала. Он хорошо, по-отцовски, обернул вокруг ног портянки, вправил в сапоги, картузик надел такой старый, что козырёк его разделился надвое: верхняя кожаная корочка задралась выше солнца, а нижняя спускалась почти до самого носика. Оделся же Митраша в отцовскую старую куртку, вернее же в воротник, соединяющий полосы когда-то хорошей домотканой материи. На животике своём мальчик связал эти полосы кушаком, и отцовская куртка села на нём, как пальто,

¹ Манки́ (манок) — свистки, издающие звуки, очень похожие на голоса птиц, которых приманивает охотник.

до самой земли. Ещё сын охотника заткнул за пояс топор, сумку с компасом повесил на правое плечо, двустольную «Тулку» — на левое и так сделался ужасно страшным для всех птиц и зверей.

Настя, начиная собираться, повесила себе через плечо на полотенце большую корзину.

— Зачем тебе полотенце? — спросил Митраша.

— А как же, — ответила Настя. — Ты разве не помнишь, как мама за грибами ходила?

— За грибами! Много ты понимаешь: грибов бывает много, так плечо режет.

— А клюквы, может быть, у нас ещё больше будет.

И только хотел сказать Митраша своё «вот ещё!», вспомнилось ему, как отец о клюкве сказал, ещё когда собирали его на войну.

— Ты это помнишь, — сказал Митраша сестре, — как отец нам говорил о клюкве, что есть палестинка¹ в лесу...

— Помню, — ответила Настя, — о клюкве говорил, что знает местечко и клюква там осыпучая, но что он о какой-то палестинке говорил, я не знаю. Ещё помню, говорил про страшное место Слепую елань².

— Вот там, возле елани, и есть палестинка, — сказал Митраша. — Отец говорил: идите на Высокую гриву и после того держите на север и, когда перевалите через Звонкую борину, держите всё прямо на север и увидите — там придёт вам палестинка, вся красная, как кровь, от одной только клюквы. На этой палестинке ещё никто не бывал.

Митраша говорил это уже в дверях. Настя во время рассказа вспомнила: у неё от вчерашнего дня остался целый, нетронутый чугунок варёной картошки. Забыв о палестинке, она тихонечко шмыгнула к загнетке³ и опрокинула в корзину весь чугунок.

«Может быть, ещё и заблудимся, — подумала она. — Хлеба у нас взято довольно, есть бутылка молока, и картошка, может быть, тоже пригодится».

¹ Палестинкой называют в народе какое-нибудь отменно приятное местечко в лесу. (Примеч. авт.)

² Елань — топкое место в болоте, всё равно что прорубь во льду. (Примеч. авт.)

³ Загнетка — углубление в русской печи, куда сгребаются горячие угли.

А брат в это время, думая, что сестра всё стоит за его спиной, рассказывал ей о чудесной палестинке и что, правда, на пути к ней Слепая елань, где много погибло и людей, и коров, и коней.

— Ну, так что это за палестинка? — спросила Настя.

— Так ты ничего не слыхала?! — схватился он.

И терпеливо повторил ей уже на ходу всё, что слышал от отца о не известной никому палестинке, где растёт сладкая клюква.

III

Блудово болото, где и мы сами не раз тоже блуждали, начиналось, как почти всегда начинается большое болото, непроходимую зарослью ивы, ольхи и других кустарников. Первый человек прошёл эту приболотицу с топором в руке и вырубил проход для других людей. Под ногами человеческими после осели кочки, и тропа стала канавкой, по которой струилась вода. Дети без особого труда перешли эту *приболотицу* в пред-рассветной темноте. И когда кустарники перестали заслонять вид впереди, при первом утреннем свете им открылось болото, как море. А впрочем, оно же и было, это Блудово болото, дном древнего моря. И как там, в настоящем море, бывают острова, как в пустынях — оазисы, так и в болотах бывают холмы. У нас в Блудовом болоте эти холмы песчаные, покрытые высоким бором, называются *боринами*. Пройдя немного болотом, дети поднялись на первую борину, известную под названием Высокая грива. Отсюда, с высокой пролысинки, в серой дымке первого рассвета чуть виднелась борина Звонкая.

Ещё не доходя до Звонкой борины, почти возле самой тропы, стали показываться отдельные кроваво-красные ягоды. Охотники за клюквой поначалу клали эти ягоды в рот. Кто не пробовал в жизни своей осеннюю клюкву и сразу бы хватил весенней, у него бы дух захватило от кислоты. Но деревенские сироты знали хорошо, что такое осенняя клюква, и оттого когда теперь ели весеннюю, то повторяли:

— Какая сладкая!

Борина Звонкая охотно раскрыла детям свою широкую просеку, покрытую и теперь, в апреле, тёмно-зелёной брусничной травой. Среди этой зелени прошлого года кое-где виднелись

Художник И. Бруни

новые цветочки белого подснежника и лиловые, мелкие, и частые, и ароматные цветочки волчьего лыка.

— Они хорошо пахнут, попробуй, сорви цветочек волчьего лыка, — сказал Митраша.

Настя попробовала надломить прутик стебелька и никак не могла.

— А почему это лыко называется волчьим? — спросила она.

— Отец говорил, — ответил брат, — волки из него себе корзинки плетут.

И засмеялся.

— А разве тут есть ещё волки?

— Ну как же! Отец говорил, тут есть страшный волк Серый помещик.

— Помню. Тот самый, что порезал перед войной наше стадо.

— Отец говорил: он живёт теперь на Сухой речке в завалах.

— Нас с тобой он не тронет?

— Пусть попробует, — ответил охотник с двойным козырьком.

Пока дети так говорили и утро подвигалось всё больше к рассвету, борина Звонкая наполнялась птичьими песнями, воем, стоном и криком зверьков. Не все они были тут, на борине, но с болота сырого, глухого все звуки собирались сюда. Борина с лесом, сосновым и звонким на суходоле, отзывалась всему.

Но бедные птички и зверушки, как мучились все они, стараясь выговорить какое-то общее всем, единое прекрасное слово! И даже дети, такие простые, как Настя с Митрашей, понимали их усилие. Им всем хотелось сказать одно только какое-то слово прекрасное.

Видно, как птица поёт на сучке, и каждое пёрышко дрожит у неё от усилия. Но всё-таки слова, как мы, они сказать не могут, и им приходится выпевать, выкрикивать, выстукивать.

— Тэк-тэк! — чуть слышно постукивает огромная птица Глухарь в тёмном лесу.

— Шварк-шварк! — Дикий Селезень в воздухе пролетел над речкой.

— Кряк-кряк! — дикая утка Кряква на озере.

— Гу-гу-гу! — красная птичка Снегирь на берёзе.

Бекас, небольшая серая птичка с носом длинным, как сплюснутая шпилька, раскатывается в воздухе диким барашком. Вроде как бы «жив, жив!» кричит кулик Кроншнеп. Тетерев там где-то бормочет и чуфыкает. Белая Куропатка, как будто ведьма, хохочет.

Мы, охотники, давно, с детства своего, слышим эти звуки, и знаем их, и различаем, и мы радуемся, и хорошо понимаем, над каким словом все они трудятся и не могут сказать. Вот почему мы, когда придём в лес на рассвете и услышим, так и скажем им, как людям, это слово:

— Здравствуйте!

И как будто они тогда тоже обрадуются, как будто тогда они тоже все подхватят чудесное слово, слетевшее с языка человеческого.

И закрякают в ответ, и зачуфыркают, и зашваркают, и затэтакают, стараясь всеми голосами этими ответить нам:

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте! <...>

И вдруг стало свежо и бодро, как будто вся земля сразу умылась, и небо засветилось, и все деревья запахли корой своей и почками. Вот тогда, как будто над всеми звуками вырвался, вылетел и всё покрыл собою торжествующий крик, похожий, как если бы все люди радостно, в стройном согласии могли закричать:

— Победа, победа!

— Что это? — спросила обрадованная Настя.

— Отец говорил, это так журавли солнце встречают. Это значит, что скоро солнце взойдёт.

Но солнце ещё не взошло, когда охотники за сладкой клюквой спустились в большое болото. Тут ещё совсем и не начиналось торжество встречи солнца. Над маленькими корявыми ёлочками и берёзками серой мглой висело ночное одеяло и глушило все чудесные звуки Звонкой борины. Только слышался тут тягостный, щемящий и нерадостный вой.

Настенька вся сжалась от холода, и в болотной сырости пахнул на неё резкий, одуряющий запах багульника. Маленькой и слабой почувствовала себя Золотая Курочка на высоких ножках перед этой какой-то неминуемой силой гибели.

— Что это, Митраша, — спросила Настенька, ёжась, — так страшно воет вдали?

— Отец говорил, — ответил Митраша, — это воют на Сухой речке волки, и, наверно, сейчас это воет волк Серый помещик. Отец говорил, что все волки на Сухой речке убиты, но Серого убить невозможно.

— Так отчего же он так страшно воет теперь?

— Отец говорил, волки воют весной оттого, что им есть теперь нечего. А Серый ещё остался один, вот и воет.

Болотная сырость, казалось, проникала сквозь тело к костям и студила их. И так не хотелось ещё ниже спускаться в сырое, топкое болото.

— Мы куда же пойдём? — спросила Настя.

Митраша вынул компас, установил север и, указывая на более слабую тропу, идущую на север, сказал:

— Мы пойдём на север по этой тропе.

— Нет, — ответила Настя, — мы пойдём вот по этой большой тропе, куда все люди идут. Отец нам рассказывал, помнишь, какое это страшное место — Слепая елань, сколько погибло в нём людей и скота. Нет, нет, Митрашенька, не пойдём туда. Все идут в эту сторону, — значит, там и клюква растёт.

— Много ты понимаешь! — оборвал её охотник. — Мы пойдём на север, как отец говорил, там есть палестинка, где ещё никто не бывал.

Настя, заметив, что брат начинает сердиться, вдруг улыбнулась и погладила его по затылку. Митраша сразу успокоился, и друзья пошли по тропе, указанной стрелкой, теперь уже не рядом, как раньше, а друг за другом, гуськом.

IV

Лет двести тому назад ветер-сеятель принёс два семечка в Блудово болото: семя сосны и семя ели. Оба семечка легли в одну ямку возле большого плоского камня... С тех пор уже лет, может быть, двести эти ель и сосна вместе растут. Их корни с малолетства сплелись, их стволы тянулись вверх рядом к свету, стараясь обогнать друг друга. Деревья разных пород ужасно боролись между собой корнями за питание, сучьями — за воздух и свет. Поднимаясь всё выше, толстая стволами, они впивались

сухими сучьями в живые стволы и местами насквозь прокололи друг друга. Злой ветер, устроив деревьям такую несчастную жизнь, прилетал сюда иногда покачать их. И тогда деревья стонали и выли на всё Блудово болото, как живые существа. До того это было похоже на стон и вой живых существ, что лисичка, свёрнутая на моховой кочке в клубочек, поднимала вверх свою острую мордочку. До того близок был живым существам этот стон и вой сосны и ели, что одичавшая собака в Блудовом болоте, услышав его, выла от тоски по человеку, а волк выл от неизбывной злобы к нему.

Сюда, к Лежащему камню, пришли дети в то самое время, когда первые лучи солнца, пролетев над низенькими корявыми болотными ёлочками и берёзками, осветили Звонкую борину, и могучие стволы соснового бора стали как зажжённые свечи великого храма природы. Оттуда сюда, к этому плоскому камню, где сели отдохнуть дети, слабо долетало пение птиц, посвящённое восходу великого солнца. <...>

Было совсем тихо в природе, и дети, озябшие, до того были тихи, что тетерев Косач не обратил на них никакого внимания. Он сел на самом верху, где сук сосны и сук ели сложились как мостик между двумя деревьями. Устроившись на этом мостике, для него довольно широком, ближе к ели, Косач как будто стал расцветать в лучах восходящего солнца. На голове его гребешок загорелся огненным цветком. Синяя в глубине чёрного грудь его стала переливать из синего на зелёное. И особенно красив стал его радужный, раскинутый лирой хвост. Завидев солнце над болотными жалкими ёлочками, он вдруг подпрыгнул на своём высоком мостике, показав своё белое, чистейшее белёе подхвостья, подкрылья, и крикнул:

— Чуф, ши!

Фото М. М. Пришвина
Ель и сосна на Блудовом
болоте

По-тетеревиному «чуф» скорее всего значило «солнце», а «ши», вероятно, было у них наше «здравствуй».

В ответ на это первое чуфыканье Косача-токовика далеко по всему болоту раздалось такое же чуфыканье с хлопаньем крыльев, и вскоре со всех сторон сюда стали прилетать и садиться вблизи Лежачего камня десятки больших птиц, как две капли воды похожих на Косача.

Затаив дыхание, сидели дети на холодном камне, дожидаясь, когда и к ним придут лучи солнца и обогреют их хоть немного. И вот первый луч, скользя по верхушкам ближайших, очень маленьких ёлочек, наконец-то заиграл на щеках у детей. <...>

Неподвижные, как изваяния¹, сидели на камне охотники за сладкой клюквой. Солнце, такое горячее и чистое, вышло против них над болотными ёлочками. Но случилось на небе в это время одно облако. Оно явилось как холодная синяя стрелка и пересекло собой пополам восходящее солнце. В то же время вдруг ветер рванул, ёлка нажала на сосну, и сосна простонала. Ветер рванул ещё раз, и тогда нажала сосна, и ель зарычала.

В это время, отдохнув на камне и согревшись в лучах солнца, Настя с Митрашей встали, чтобы продолжать дальше свой путь. Но у самого камня довольно широкая болотная тропа расходилась вилкой: одна, хорошая, плотная тропа шла направо, другая, слабенькая, — прямо.

Проверив по компасу направление троп, Митраша, указывая слабую тропу, сказал:

— Нам надо по этой на север.

— Это не тропа! — ответила Настя.

— Вот ещё! — рассердился Митраша. — Люди шли, — значит, тропа. Нам надо на север. Идём, и не разговаривай больше.

Насте было обидно подчиниться младшему Митраше.

— Кра! — крикнула в это время ворона в гнезде.

И её самец мелкими шажками перебежал ближе к Косачу на полмостика.

Вторая круто-синяя стрелка пересекла солнце, и сверху стала надвигаться серая хмарь. «Золотая Курочка» собралась с силами и попробовала уговорить своего друга.

¹ Изваяние — статуя.

— Смотри, — сказала она, — какая плотная моя тропа, тут все люди ходят. Неужели мы умней всех?

— Пусть ходят все люди, — решительно ответил упрямый «Мужичок в мешочке». — Мы должны идти по стрелке, как отец нас учил, на север, к палестинке.

— Отец нам сказки рассказывал, он шутил с нами, — сказала Настя. — И, наверно, на севере вовсе и нет никакой палестинки. Очень даже будет глупо нам по стрелке идти: как раз не на палестинку, а в самую Слепую елань угодим.

— Ну ладно, — резко повернул Митраша. — Я с тобой больше спорить не буду: ты иди по своей тропе, куда все бабы ходят за клюквой, я же пойду сам по себе, по своей тропке, на север.

И в самом деле пошёл туда, не подумав ни о корзине для клюквы, ни о пище. Насте бы надо было об этом напомнить ему, но она так сама рассердилась, что, вся красная, как кумач, плюнула вслед ему и пошла за клюквой по общей тропе.

— Кра! — закричала ворона.

И самец быстро перебежал по мостику остальной путь до Косача и со всей силой долбанул его. Как ошпаренный метнулся Косач к улетающим тетеревам, но разгневанный самец догнал его, вырвал, пустил по воздуху пучок белых и радужных пёрышек и погнал и погнал далеко.

Тогда серая хмарь плотно надвинулась и закрыла всё солнце с его живительными лучами. Злой ветер очень резко рванул. Сплетённые корнями деревья, прокалывая друг друга сучьями, на всё Блудово болото зарычали, завывали, застонали.

V

Деревья так жалобно стонали, что из полуобвалившейся картофельной ямы возле сторожки Антипыча вылезла его гончая собака Травка и точно так же, в тон деревьям, жалобно завывала. Зачем же надо было вылезать собаке так рано из тёплого, налёжанного подвала и жалобно выть, отвечая деревьям?

Среди звуков стога, рычания, ворчания, воя в это утро у деревьев иногда выходило так, будто где-то горько плакал в лесу потерянный или покинутый ребёнок.

Вот этот плач и не могла выносить Травка и, заслышав его, вылезала из ямы в ночь и в полночь. Этот плач сплетённых

навекы деревьев не могла выносить собака: деревья животному напоминали о его собственном горе.

Уже целых два года прошло, как случилось ужасное несчастье в жизни Травки: умер обожаемый ею лесник, старый охотник Антипыч.

Мы с давних лет ездили к этому Антипычу на охоту, и старик, думается, сам позабыл, сколько ему было лет, всё жил, жил в своей лесной сторожке, и казалось — он никогда не умрёт.

— Сколько тебе лет, Антипыч? — спрашивали мы. — Восемьдесят?

— Мало, — отвечал он.

— Сто?

— Много.

Думая, что он это шутит с нами, а сам хорошо знает, мы спрашивали:

— Антипыч, ну брось свои шутки, скажи нам по правде, сколько же тебе лет?

— По правде, — отвечал старик, — я вам скажу, если вы вперёд скажете мне, что есть правда, какая она, где живёт и как её найти.

Трудно было ответить нам.

— Ты, Антипыч, старше нас, — говорили мы, — и ты, наверно, сам лучше нас знаешь, где правда.

— Знаю, — усмехался Антипыч.

— Ну, скажи!

— Нет, пока жив я, сказать не могу, вы сами ищите. Ну, а как умирать буду, приезжайте, я вам тогда на ушко перешепну всю правду. Приезжайте!

— Хорошо, приедем. А вдруг не угадаем, когда надо, и ты без нас помрёшь?

Дедушка прищурился по-своему, как он всегда щурился, когда хотел посмеяться и пошутить.

— Деточки, вы, — сказал он, — не маленькие, пора бы самим знать, а вы всё спрашиваете. Ну, ладно уж, когда помирать соберусь и вас тут не будет, я Травке своей перешепну. Травка! — позвал он.

В хату вошла большая рыжая собака с чёрным ремешком по всей спине. У неё под глазами были чёрные полосы с загибом

вроде очков. И от этого глаза казались очень большими, и ими она спрашивала: «Зачем позвал меня, хозяин?»

Антипыч как-то особенно поглядел на неё, и собака сразу поняла человека: он звал её по приятельству, по дружбе, ни для чего, а просто так, пошутить, поиграть... Травка замахала хвостом, стала снижаться на ногах всё ниже, ниже и, когда подползла так к коленям старика, легла на спину и повернула вверх светлый живот с шестью парами чёрных сосков. Антипыч только руку протянул было, чтобы погладить её, она как вдруг вскочит и лапами на плечи — и чмок и чмок его: и в нос, и в щёки, и в самые губы.

— Ну, будет, будет, — сказал он, успокаивая собаку и вытирая лицо рукавом.

Погладил её по голове и сказал:

— Ну, будет, теперь ступай себе.

Травка повернулась и вышла на двор.

— То-то, ребята, — сказал Антипыч. — Вот Травка, собака гончая, с одного слова всё понимает, а вы, глупенькие, спрашиваете, где правда живёт. Ладно же, приезжайте. А упустите меня, Травке я всё перешепну.

И вот умер Антипыч. Вскоре началась Великая Отечественная война. Другого сторожа на место Антипыча не назначили, и сторожку его бросили. Очень ветхий был домик, старше много самого Антипыча, и держался уже на подпорках. Как-то раз без хозяина ветер поиграл с домиком, и он сразу

Художник И. Бруни

весь развалился, как разваливается карточный домик от одного дыхания младенца. В один год высокая трава иван-чай проросла через брёвнышки, и от всей избушки остался на лесной полянке холмик, покрытый красными цветами. А Травка переселилась в картофельную яму и стала жить в лесу, как и всякий зверь.

Только очень трудно было Травке привыкать к дикой жизни. Она гоняла зверей для Антипыча, своего великого и милостивого хозяина, но не для себя. Много раз случалось ей на гону¹ поймать зайца. Подмяв его под себя, она ложилась и ждала, когда Антипыч придёт, и, часто вовсе голодная, не позволяла себе есть зайца. Даже если Антипыч почему-нибудь не приходил, она брала зайца в зубы, высоко задирала голову, чтобы он не болтался, и тащила домой. Так она и работала на Антипыча, но не на себя: хозяин любил её, кормил и берёт от волков. А теперь, когда умер Антипыч, ей нужно было, как и всякому дикому зверю, жить для себя. Случалось, не один раз на жарком гону она забывала, что гонит зайца только для того, чтобы поймать его и съесть. До того забывалась Травка на такой охоте, что, поймав зайца, тащила его к Антипычу, и тут иногда, услышав стон деревьев, взбиралась на холм, бывший когда-то избушкой, и выла, и выла...

К этому вою давно уже прислушивается волк Серый помещик...

VI

<...> В то утро, когда дети между собой поссорились и пошли по разным тропам, Серый лежал голодный и злой. Когда ветер замутил утро и завyli деревья возле Лежачего камня, он не выдержал и вылез из своего логова. Он стал над завалом, поднял голову, подобрал и так тощий живот, поставил единственное ухо на ветер, выпрямил половинку хвоста и завыл.

Какой это жалобный вой! Но ты, прохожий человек, если услышишь и у тебя поднимется ответное чувство, не верь жалости: воет не собака, вернейший друг человека, — это волк, злейший враг его, самой злобой своей обречённый на гибель. Ты, прохожий, побереги свою жалость не для того, кто о себе воет,

¹ На гону — в погоне, в быстром беге (охотничий термин).

как волк, а для того, кто, как собака, потерявшая хозяина, воет, не зная, кому же теперь, после него, ей послужить.

<...>

VIII

Слепая елань, куда повела Митрашу стрелка компаса, было место погибельное, и тут на веках немало затянуло в болото людей и ещё больше скота. И уж, конечно, всем, кто идёт в Блудово болото, надо хорошо знать, что это такое Слепая елань.

Мы это так понимаем, что всё Блудово болото, со всеми огромными запасами горючего, торфа, есть кладовая солнца. Да, вот именно так и есть, что горячее солнце было матерью каждой травинки, каждого цветочка, каждого болотного кустика и ягодки. Всем им солнце отдавало своё тепло, и они, умирая, разлагаясь, в удобрении передавали его, как наследство, другим растениям, кустикам, ягодкам, цветам и травинкам. Но в болотах вода не даёт родителям-растениям передать всё своё добро детям. Тысячи лет это добро под водой сохраняется, болото становится кладовой солнца, и потом вся эта кладовая солнца, как торф, достаётся человеку от солнца в наследство.

Блудово болото содержит огромные запасы горючего, но слой торфа не везде одинаковой толщины. Там, где сидели дети, у Лежачего камня, растения слой за слоем ложились друг на друга тысячи лет. Тут был старейший пласт торфа, но дальше, чем ближе к Слепой елани, слой становился всё моложе и тоньше.

Мало-помалу, по мере того как Митраша продвигался вперёд по указанию стрелки и тропы, кочки под его ногами становились не просто мягкими, как раньше, а полужидкими. Ступит ногой как будто на твёрдое, а нога уходит, и становится страшно: не совсем ли в пропасть уходит нога? Попадаются какие-то вертлявые кочки, приходится выбирать место, куда ногу поставить. А потом и так пошло, что ступишь, а у тебя под ногой от этого вдруг, как в животе, заурчит и побежит куда-то под болотом.

Земля под ногой стала как гамак, подвешенный над тинистой бездной. На этой подвижной земле, на тонком слое сплетённых между собой корнями и стеблями растений, стоят редкие, маленькие, корявые и заплесневелые ёлочки. Кислая болотная почва не даёт им расти, и им, таким маленьким, лет уже по

сто, а то и побольше... Ёлочки-старушки не как деревья в бору, все одинаковые: высокие, стройные, дерево к дереву, колонна к колонне, свеча к свече. Чем старше старушка на болоте, тем кажется чуднее. То вот одна голый сук подняла, как руку, чтобы обнять тебя на ходу, а у другой палка в руке, и она ждёт тебя, чтобы хлопнуть, третья присела зачем-то, четвёртая стоя вяжет чулок, и так все: что ни ёлочка, то непременно на что-то похожа.

Слой под ногами у Митраши становился всё тоньше и тоньше, но растения, наверно, очень крепко сплелись и хорошо держали человека, и, качаясь и покачивая всё далеко вокруг, он всё шёл и шёл вперёд. Митраше оставалось только верить тому человеку, кто шёл впереди его и оставил даже тропу после себя.

Очень взволновались старушки-ёлки, пропуская между собой мальчика с длинным ружьём, в картузе с двумя козырьками. Бывает, одна вдруг поднимется, как будто хочет смельчака палкой ударить по голове, и закроет собой впереди всех других старушек. А потом опустится, и другая колдунья тянет к тропе костлявую руку. И ждёшь — вот-вот, как в сказке, полянка покажется, и на ней избушка колдуньи с мёртвыми головами на шестах.

Вдруг над головой, совсем близко, показывается головка с хохолком, и встревоженный на гнезде чибис с круглыми чёрными крыльями и белыми подкрыльями резко кричит:

— Чьи вы, чьи вы?

— Жив-жив! — как будто отвечая чибису, кричит большой кулик кроншнеп, птица серая, с большим кривым клювом.

И чёрный ворон, стерегущий своё гнездо на борине, облетая по сторожевому кругу болото, заметил маленького охотника с двойным козырьком. Весной и у ворона тоже является особенный крик, похожий на то, как если человек крикнет горлом и в нос: «Дрон-тон!» Есть непонятные и не уловимые нашим ухом оттенки в этом основном звуке, и оттого мы не можем понять разговор воронов, а только догадываемся, как глухонемые.

— Дрон-тон! — крикнул сторожевой ворон в том смысле, что какой-то маленький человек с двойным козырьком и ружьём близится к Слепой елани и что, может быть, скоро будет пожива.

— Дрон-тон! — ответила издали на гнезде ворон-самка.

И это значило у неё:

— Слышу и жду!

Сороки, состоящие с воронами в близком родстве, заметили перекличку воронов и застрекотали. И даже лисичка после неудачной охоты за мышами наострила ушки на крик ворона.

Митраша всё это слышал, но ничуть не трусил, — что ему было трусить, если под его ногами была тропа человеческая: шёл такой же человек, как и он, — значит, и он, Митраша, мог по ней смело идти. И, услышав ворона, он даже запел:

Ты не вейся, чёрный ворон,
Над моею головой.

Пение подбодрило его ещё больше, и он даже смекнул, как ему сократить трудный путь по тропе. Поглядывая себе под ноги, он заметил, что нога его, опускаясь в грязь, сейчас же собирает туда, в ямку, воду. Так и каждый человек, проходя по тропе, спускал воду из мха пониже, и оттого на осушенной бровке, рядом с ручейком тропы, по ту и другую сторону, аллейкой вырастала высокая сладкая трава белоус. По этой, не жёлтого цвета, как всюду было теперь, ранней весной, а скорее цвета белого, траве можно было далеко впереди себя понять, где проходит тропа человеческая. Вот Митраша увидел: его тропа круто завёртывается влево, и туда идёт далеко, и там совсем исчезает. Он проверил по компасу, стрелка глядела на север, тропа уходила на запад.

— Чьи вы? — закричал в это время чиби́с.

— Жив, жив! — ответил кулик.

— Дрон-тон! — ещё уверенней крикнул ворон.

И кругом в ёлочках затрепцали сороки.

Оглядев местность, Митраша увидел прямо перед собой чистую, хорошую поляну, где кочки, постепенно снижаясь, переходили в совершенно ровное место. Но самое главное: он увидел, что совсем близко по той стороне поляны змеилась высокая трава белоус — неизменный спутник тропы человеческой. Узнавая по направлению белоуса тропу, идущую не прямо на север, Митраша подумал: «Зачем же я буду повёртывать налево, на кочки, если тропа вон рукой подать виднеется там, за поляной?»

И он смело пошёл вперёд, пересекая чистую полянку.

— Эх, вы! — бывало, говорил нам Антипыч, — ходите вы, ребята, одетые и обутые.

— А то как же? — спрашивали мы.

— Ходили бы, — отвечал он, — голенькие и разутые.

— Зачем же голенькие и разутые?

А он то-то над нами покатывался.

Так мы ничего и не понимали, чему смеялся старик.

Теперь только, через много лет, приходят в голову слова Антипыча, и всё становится понятным: обращал к нам Антипыч эти слова, когда мы, ребятишки, задорно и уверенно посвистывая, говорили о том, чего ещё вовсе не испытали.

Антипыч, предлагая ходить нам голенькими и разутыми, только недоговаривал: «Не зная броду, не лезьте в воду».

Так вот и Митраша. И благоразумная Настя предупреждала его. И трава белоус показывала направление обхода елани. Нет! Не зная броду, оставил выбитую тропу человеческую и прямо полез в Слепую елань. А между тем тут-то вот именно, на этой поляне, вовсе прекращалось сплетение растений, тут была елань, то же самое, что зимой в пруду прорубь. В обыкновенной елани всегда бывает видна хоть чуть-чуть водица, прикрытая белыми прекрасными водяными лилиями, купавами. Вот за то эта елань называлась Слепою, что по виду её было невозможно узнать.

Митраша по елани шёл вначале лучше, чем даже раньше по болоту. Постепенно, однако, нога его стала утопать всё глубже и глубже, и становилось всё труднее и труднее вытаскивать её обратно. Тут лосю хорошо, у него страшная сила в длинной ноге, и, главное, он не задумывается и мчится одинаково и в лесу, и в болоте. Но Митраша, почуввав опасность, остановился и придумался над своим положением. В один миг остановки он погрузился по колено, в другой миг ему стало выше колена. Он ещё мог бы, сделав усилие, вырваться из елани обратно. И надумал было он повернуться, положить ружьё на болото и, опираясь на него, выскочить. Но тут же, совсем недалеко от себя, впереди, увидел высокую белую траву на следу человеческом.

— Перескочу, — сказал он.

И рванулся.

Но было уже поздно. Сгоряча, как раненый, — пропадать так уж пропадать! — на авось, рванулся ещё, и ещё, и ещё. И почувствовал, что он плотно схвачен со всех сторон по самую грудь. Теперь даже и сильно дыхнуть ему нельзя было: при малейшем движении его тянуло вниз, он мог сделать только одно:

положить плашмя ружьё на болото и, опираясь на него двумя руками, не шевелиться и успокоить поскорее дыхание. Так он и сделал: снял с себя ружьё, положил его перед собой, оперся на него той и другой рукой.

Внезапно порыв ветра принёс ему пронзительный Настин крик:

— Митраша!

Он ей ответил.

Но ветер был с той стороны, где Настя, и уносил его крик в другую сторону Блудова болота, на запад, где без конца были только ёлочки. Одни сороки отозвались ему и, перелетая с ёлочки на ёлочку с обычным их тревожным стрекотанием, мало-помалу, окружили всю Слепую елань и, сидя на верхних пальчиках ёлок, тонкие, носатые, длиннохвостые, стали трещать, одни вроде:

— Дри-ти-ти!

Другие:

— Дра-та-та!

— Дрон-тон! — крикнул ворон сверху.

И, мгновенно остановив шумный помах своих крыльев, резко бросил себя вниз и опять раскрыл крылья почти над самой головой человечка.

Маленький человек не решился даже показать ружьё чёрному вестнику своей гибели.

И очень умные на всякое поганое дело сороки смекнули о полном бессилии погружённого в болото маленького человека. Они соскочили с верхних пальчиков ёлок на землю и с разных сторон начали скачками-прыжками своё сорочье наступление.

Маленький человек с двойным козырьком кричать перестал. По его загорелому лицу, по щекам блестящими ручейками потекли слёзы.

Художник И. Бруни

Кто никогда не видал, как растёт клюква, тот может очень долго идти по болоту и не замечать, что он по клюкве идёт. Вот взять ягоду чернику, — та растёт, и её видишь: стебелёчек тоненький тянется вверх, по стебельку, как крылышки, в разные стороны зелёные маленькие листики, и у листиков сидят мелким горошком чернички, чёрные ягодки с синим пушком. Так же и брусника, кровяно-красная ягода, листики тёмно-зелёные, плотные, не желтеют даже под снегом, и так много бывает ягоды, что место кажется кровью полито. Ещё растёт в болоте голубика кустиком, ягода голубая, более крупная, не пройдёшь, не заметив. В глухих местах, где живёт огромная птица глухарь, встречается костяника, красно-рубиновая ягода кисточкой, и каждый рубинчик в зелёной оправе. Только у нас одна-единственная ягода клюква, особенно ранней весной, прячется в болотной кочке и почти невидима сверху. Только уж когда очень много её соберётся на одном месте, заметишь сверху и подумаешь: «Вот кто-то клюкву рассыпал». Наклонишься взять одну, попробоваться, и тянешь вместе с одной ягодиной зелёную ниточку со многими клюквинками. Захочешь — и можешь вытянуть себе из кочки целое ожерелье крупных кровяно-красных ягод. <...>

Вначале Настя срывала с плети каждую ягодку отдельно, за каждой красненькой наклонялась к земле. Но скоро из-за одной ягодки наклоняться перестала: ей больше хотелось.

Она стала уже теперь догадываться, где не одну-две ягодки можно взять, а целую горсточку, и стала наклоняться только за горсточкой. Так она сыпает горсточку за горсточкой, всё чаще и чаще, а хочется всё больше и больше.

Бывало, раньше дома часу не поработает Настенька, чтобы не вспомнился брат, чтобы не захотелось с ним перекликнуться.

А вот теперь он ушёл один неизвестно куда, она и не помнит, что ведь хлеб-то у неё, что любимый брат там где-то, в тяжёлом болоте, голодный идёт. Да она и о себе самой забыла и помнит только о клюкве, и ей хочется всё больше и больше.

Из-за чего же ведь и весь сыр-бор загорелся у неё при споре с Митрашей: именно что ей захотелось идти по набитой тропе.

А теперь, следуя ощупью за клюквой, куда клюква ведёт, туда и она, Настя незаметно сошла с набитой тропы.

Было только один раз вроде пробуждения от жадности: она вдруг поняла, что где-то сошла с тропы. Повернула туда, где, ей казалось, проходила тропа, но там тропы не было. Она бросилась было в другую сторону, где маячили два дерева сухие с голыми сучьями, — там тоже тропы не было. Тут-то бы, к случаю, и вспомнить ей про компас, как о нём говорил Митраша, и самого-то брата, своего любимого, вспомнить, что он голодный идёт, и, вспомнив, перекликнуться с ним...

И только-только бы вспомнить, как вдруг Настенька увидела такое, что не всякой клюквеннице достаётся хоть раз в жизни своей увидеть...

В споре своём, по какой тропке идти, дети одного не знали, что большая тропа и малая, огибая Слепую елань, обе сходились на Сухой речке и там, за Сухой, больше уже не расходясь, в конце концов выводили на большую Переславскую дорогу. Большим полукругом Настина тропа огибала по суходолу¹ Слепую елань. Митрашина тропа шла напрямик возле самого края елани. Не сплошай он, не упустит из виду траву белоус на тропе человеческой, он давным-давно бы уже был на том месте, куда пришла только теперь Настя. И это место, спрятанное между кустиками можжевельника, и было как раз той самой палестинкой, куда Митраша стремился по компасу.

Приди сюда Митраша голодный и без корзины, что бы ему было тут делать, на этой палестинке кроваво-красного цвета? На палестинку пришла Настя с большой корзиной, с большим запасом продовольствия, забытым и покрытым кислой ягодой.

И опять бы девочке, похожей на Золотую Курочку на высоких ногах, подумать при радостной встрече с палестинкой о брате своём и крикнуть ему:

— Милый друг, мы пришли!

Ах, ворон, ворон, вещая птица! Живёшь ты, может быть, сам триста лет, и кто породил тебя, тот в яичке своём пересказал всё, что он тоже узнал за свои триста лет жизни. И так от ворона к ворону переходила память о всём, что было в этом болоте за

¹ *Суходол* — долина без воды или низина, не заливаемая в половодье.

тысячу лет. Сколько же ты, ворон, видел и знаешь, и отчего ты хоть один раз не выйдешь из своего вороньего круга и не перенесёшь на своих могучих крыльях весточку о брате, погибающем в болоте от своей отчаянной и бессмысленной смелости, к сестре, любящей и забывающей брата от жадности.

Ты бы, ворон, сказал им...

— Дрон-тон! — крикнул ворон, пролетая над самой головой погибающего человека.

— Слышу! — тоже в таком же «дрон-тон» ответила ему на гнезде ворониха, — только успевай, урви чего-нибудь, пока его совсем не затянуло в болото.

— Дрон-тон! — крикнул второй раз ворон-самец, пролетая над девочкой, ползающей почти рядом с погибающим братом по мокрому болоту. И это «дрон-тон» у ворона значило, что от этой ползающей девочки вороновой семье, может быть, ещё больше достанется.

На самой середине палестинки не было клюквы. Тут выдался холмистой куртинкой¹ частый осинник, и в нём стоял рогатый великан лось. Посмотреть на него с одной стороны — покажется, он похож на быка, посмотреть с другой — лошадь и лошадь: и стройное тело, и стройные ноги сухие, и мурло с тонкими ноздрями. Но как выгнуто это мурло, какие глаза и какие рога! Смотришь и думаешь: а может быть, и нет ничего — ни быка, ни коня, а так складывается что-то большое, серое, в частом сером осиннике. Но как же складывается из осинника, если вот ясно видно, как толстые губы чудовища прищёпнулись к дереву и на нежной осинке остаётся узкая белая полоска: это чудовище так кормится. Да почти и на всех осинках виднеются такие загрызы. Нет, не видение в болоте эта громада. Но как понять, что на осиновой корочке и лепестках болотного трилистника может вырасти такое большое тело? Откуда же у человека при его могуществе берётся жадность даже к кислой ягоде клюкве?

Лось, обирая осинку, с высоты своей спокойно глядит на ползущую девочку, как на всякую ползущую тварь.

Ничего не видя, кроме клюквы, ползёт она и ползёт к большому чёрному пню, еле передвигая за собою корзину, вся

¹ Куртинка, куртина — здесь: островок.

мокрая и грязная, прежняя Золотая Курочка на высоких ногах.

Лось её и за человека не считает: у неё все повадки обычных зверей, на каких он смотрит равнодушно, как мы на бездушные камни.

А большой чёрный пенёк собирает в себя лучи солнца и сильно нагревается. Вот уже начинается вечереть, воздух и всё кругом охлаждается. Но пенёк, чёрный и большой, ещё сохраняет тепло. На него выползли из болота и припали к теплу шесть маленьких ящериц; четыре бабочки-лимонницы, сложив крылышки, припали усиками; большие чёрные мухи прилетели ночевать. Длинная клюквенная плеть, цепляясь за стебельки трав и неровности, оплела чёрный тёплый пенёк и, сделав на самом верху несколько оборотов, спустилась по ту сторону.

Ядовитые змеи-гадюки в это время года стерегут тепло, и одна, огромная, в полметра длиной, вползла на пенёк и свернулась колечком на клюкве.

А девочка тоже ползла по болоту, не поднимая вверх высоко головы. И так она приползла к горелому пню и дернула за ту самую плеть, где лежала змея. Гадина подняла голову и зашипела. И Настя тоже подняла голову...

Тогда-то наконец Настя очнулась, вскочила, и лось, узнав в ней человека, прыгнул из осинника и, выбрасывая вперёд сильные длинные ноги-ходули, помчался легко по вязкому болоту, как мчится по сухой тропинке заяц-русак.

Испуганная лосем, Настенька изумлённо смотрела на змею: гадюка по-прежнему лежала, свернувшись колечком, в тёплом луче солнца. Насте представилось, будто это она сама осталась там, на пне, и теперь вышла из шкуры змеиной и стоит, не понимая, где она.

Совсем недалеко стояла и смотрела на неё большая рыжая собака с чёрным ремешком на спине. Собака эта была Травка, и

Художник Е. Рачёв

Настя даже вспомнила её: Антипыч не раз приходил с ней в село. Но кличку собаки вспомнить она не могла верно и крикнула ей:

— Муравка, Муравка, я дам тебе хлеба!

И потянулась к корзине за хлебом. Доверху корзина была наполнена клюквой, и под клюквой был хлеб. Сколько же времени прошло, сколько клюквинок легло с утра до вечера, пока огромная корзина наполнилась! Где же был за это время брат, голодный, и как она забыла о нём, как она забыла сама себя и всё вокруг?

Она опять поглядела на пень, где лежала змея, и вдруг пронзительно закричала:

— Братец, Митраша!

И, рыдая, упала возле корзины, наполненной клюквой.

Вот этот пронзительный крик и долетел тогда до елани, и Митраша это слышал и ответил, но порыв ветра тогда унёс крик в другую сторону, где жили одни только сороки.

Х

Тот сильный порыв ветра, когда крикнула бедная Настя, был ещё не последним перед тишиной вечерней зари. Солнце в это время проходило вниз через толстое облако и выбросило оттуда на землю золотые ножки своего трона. И тот порыв был ещё не последним, когда в ответ на крик Насти закричал Митраша.

Последний порыв был, когда солнце погрузило как будто под землю золотые ножки своего трона и, большое, чистое, красное, нижним краешком своим коснулось земли. Тогда на суходоле запел свою милую песенку маленький певчий дрозд-белобровик. Несмело возле Лежачего камня на успокоенных деревьях затоквал Косач-токовик. И журавли прокричали три раза не как утром — «победа», а вроде как бы:

— Спите, но помните: мы вас всех скоро разбудим, разбудим, разбудим!

День кончился не порывом ветра, а последним лёгким дыханием. Тогда наступила полная тишина, и везде стало всё слышно, даже как пересвистывались рябчики в зарослях Сухой речки.

В это время, почуяв беду человеческую, Травка подошла к рыдающей Насте и лизнула её солёную от слёз щёку. Настя подняла было голову, поглядела на собаку и так, ничего не сказав ей, опустила голову обратно и положила её прямо на ягоду. Сквозь клюкву Травка явственно чуяла хлеб, и ей ужасно хотелось есть, но позволить себе покопаться лапами в клюкве она никак не могла. Вместо этого, чуя беду человеческую, она подняла высоко голову и завывала. <...>

В полной тишине, когда выла Травка, Серый сразу понял, что это было на палестинке, и скорей, скорей замахал туда напрямик.

Только очень скоро Травка выть перестала, и Серый остановился переждать, когда вой снова начнётся.

А Травка в это время сама слышала в стороне Лежачего камня знакомый тоненький и редкий голосок:

— Тяв! Тяв!

И сразу поняла, конечно, что это тьякала лисица по зайцу. <...> И то поняла, что лисице без хитрости никогда не догнать зайца и тьякает она, только чтобы он бежал и морился, а когда уморится и ляжет, тут-то она и схватит его на лёжке. <...>

Выслушав гон лисицы, Травка точно так же, как и мы, охотники, поняла круг пробега зайца: от Лежачего камня заяц бежал на Слепую елань и оттуда на Сухую речку, оттуда долго полукругом на палестинку и опять непременно к Лежачему камню. <...>

И Травка своим собачьим способом бросилась вслед зайцу и, взвизгнув заливисто, мерным, ровным, собачьим лаем наполнила всю вечернюю тишину.

Услыхав собаку, лисичка, конечно, сейчас же бросила охоту за русаком и занялась повседневной охотой на мышей. А Серый, наконец-то услышав долгожданный лай собаки, понёсся на махах в направлении Слепой елани.

XI

...Зайцу повезло в этот раз. Он понял: собака, начав делать свой круг по елани, с чем-то там встретилась, и вдруг там явственно послышался голос человека и поднялся страшный шум...

Можно догадаться, — заяц, услышав непонятный шум, сказал себе что-нибудь вроде нашего: «Подальше от греха», — и, ковыль-ковыль, тихонечко вышел на обратный след к Лежащему камню.

А Травка, разлетевшись на елани по зайцу, вдруг в десяти шагах от себя глаза в глаза увидела маленького человека и, забыв о зайце, остановилась как вкопанная.

Что думала Травка, глядя на маленького человека в елани, можно легко догадаться. Ведь это для нас все мы разные. Для Травки все люди были как два человека: один — Антипыч с разными лицами и другой человек — это враг Антипыча. И вот почему хорошая, умная собака не подходит сразу к человеку, а остановится и узнает, её это хозяин или враг его.

Так вот и стояла Травка и глядела в лицо маленького человека, освещённого последним лучом заходящего солнца.

Глаза у маленького человека были сначала тусклые, мёртвые, но вдруг в них загорелся огонёк, и вот это заметила Травка.

«Скорее всего, это Антипыч», — подумала Травка.

И чуть-чуть, еле заметно вильнула хвостом.

Мы, конечно, не можем знать, как думала Травка, узнавая своего Антипыча, но догадываться, конечно, можно.

Вы помните, бывало ли с вами так? Бывает, наклонишься в лесу к тихой заводи ручья и там, как в зеркале, увидишь — весь-то человек, большой, прекрасный, как для Травки Антипыч, из-за твоей спины наклонился и тоже смотрится в заводь, как в зеркало. И так он прекрасен там, в зеркале, со всею природой, с облаками, лесами, и солнышко там внизу тоже садится, и молодой месяц показывается, и частые звёздочки.

Так вот точно, наверно, и Травке в каждом лице человека, как в зеркале, виделся весь человек Антипыч, и к каждому стремилась она броситься на шею, но по опыту своему она знала: есть враг Антипыча с точно таким же лицом.

И она ждала.

А лапы её между тем понемногу тоже засасывало; если так дольше стоять, то и собачьи лапы так засосёт, что и не вытащишь. Ждать стало больше нельзя.

И вдруг...

Ни гром, ни молния, ни солнечный восход со всеми победными звуками, ни закат с журавлиным обещанием нового прекрасного дня — ничто, никакое чудо природы не могло быть больше того, что случилось сейчас для Травки в болоте: она услышала слово человеческое — и какое слово!

Антипыч, как большой, настоящий охотник, назвал свою собаку вначале, конечно, по-охотничьи — от слова травить, и наша Травка вначале у него называлась Затравка; но после охотничья кличка на языке оболталась, и вышло прекрасное имя Травка. В последний раз, когда приходил к нам Антипыч, собака его называлась ещё Затравка. И когда загорелся огонёк в глазах маленького человека, это значило, что Митраша вспомнил имя собаки. Потом омертвелые, синеющие губы маленького человека стали наливаться кровью, краснеть, зашевелились. Вот это движение губ Травка заметила и второй раз чуть-чуть вильнула хвостом. И тогда произошло настоящее чудо в понимании Травки. Точно так же, как старый Антипыч в старое время, новый молодой и маленький Антипыч сказал:

— Затравка!

Узнав Антипыча, Травка мгновенно легла.

— Ну! Ну! — сказал Антипыч. — Иди ко мне, умница!

И Травка в ответ на слова человека тихонечко поползла.

Но маленький человек звал её и манил сейчас не совсем прямо от чистого сердца, как думала, наверно, сама Травка. У маленького человека в словах не только дружба и радость была, как думала Травка, а тоже тайлся и хитрый план своего спасения. Если бы он мог пересказать ей понятно свой план, с какой бы радостью бросилась она его спасать! Но он не мог сделать себя для неё понятным и должен был обманывать её ласковым словом. Ему даже надо было, чтобы она его боялась, а то если бы она его не боялась, не чувствовала хорошего страха перед могуществом великого Антипыча и по-собачьи со всех ног бросилась бы ему на шею, то неминуемо болото бы затащило в свои недра и человека, и его друга — собаку. Маленький человек просто не мог быть сейчас тем великим человеком, какой мерещился Травке. Маленький человек принужден был хитрить.

— Затравушка, милая Затравушка! — ласкал он её сладким голосом.

А сам думал:

«Ну, ползи, только ползи!»

И собака, своей чистой душой подозревая что-то не совсем чистое в ясных словах Антипыча, ползла с остановками.

— Ну, голубушка, ещё, ещё!

А сам думал:

«Ползи, только ползи».

И вот понемногу она подползла. Он мог бы уже и теперь, опираясь на распластанное на болоте ружьё, наклониться немного вперёд, протянуть руку, погладить по голове. Но маленький хитрый человек знал, что от одного его малейшего прикосновения собака с визгом радости бросится на него и утопит.

И маленький человек остановил в себе большое сердце. Он замер в точном расчёте движения, как боец в определяющем исход борьбы ударе: жить ему или умереть.

Вот ещё бы маленький ползок по земле, и Травка бы бросилась на шею человеку, но в расчёте своём маленький человек не ошибся: мгновенно он выбросил свою правую руку вперёд и схватил большую, сильную собаку за левую заднюю ногу.

Так неужели же враг человека так мог обмануть?

Травка с безумной силой рванулась, и она бы вырвалась из руки маленького человека, если бы тот, уже достаточно выволоченный, не схватил другой рукой её за другую ногу. Мгновенно вслед за тем он лёг животом на ружьё, выпустил собаку и на четвереньках сам, как собака, переставляя опору-ружьё всё вперёд и вперёд, подполз к тропе, где постоянно ходил человек и где от ног его по краям росла высокая трава белоус. Тут, на тропе, он поднялся, тут он отёр последние слёзы с лица, отряхнул грязь с лохмотьев своих и, как настоящий большой человек, властно приказал:

— Иди же теперь ко мне, моя Затравка!

Услышав такой голос, такие слова, Травка бросила все свои колебания: перед ней стоял прежний, прекрасный Антипыч. С визгом радости, узнав хозяина, кинулась она ему на шею, и человек целовал своего друга и в нос, и в глаза, и в уши.

Не пора ли сказать теперь уж, как мы сами думаем о загадочных словах нашего старого лесника Антипыча, когда он обещал нам перешепнуть свою правду собаке, если мы сами его

не застанем живым? Мы думаем, Антипыч не совсем в шутку об этом сказал. Очень может быть, тот Антипыч, как Травка его понимает, или, по-нашему, весь человек в древнем прошлом его, перешепнул своему другу-собаке какую-то свою большую человеческую правду, и мы думаем: эта правда есть правда вековой суровой борьбы людей за любовь.

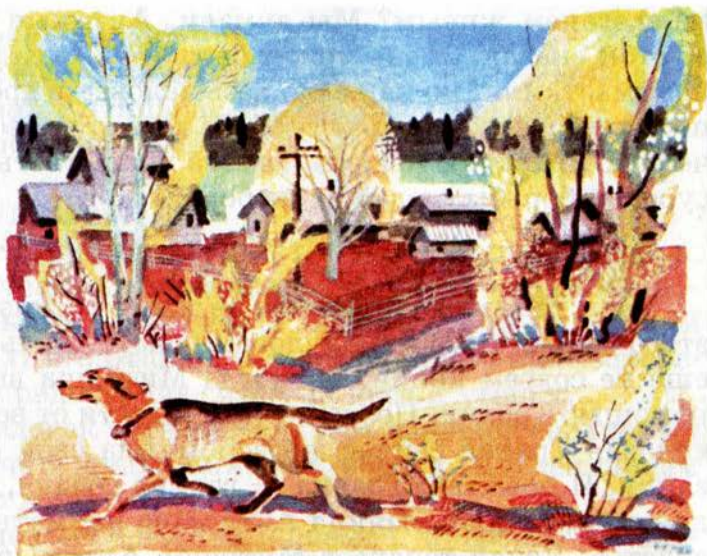
XII

Нам теперь остаётся уже не много досказать о всех событиях этого большого дня в Блудовом болоте. День, как ни долог был, ещё не совсем кончился, когда Митраша выбрался из елани с помощью Травки. После бурной радости от встречи с Антипычем деловая Травка сейчас же вспомнила свой прерванный гон по зайцу. И понятно: Травка — гончая собака, и дело её — гонять для себя, но для хозяина Антипыча поймать зайца — это всё её счастье. Узнав теперь в Митраше Антипыча, она продолжала свой прерванный круг и вскоре попала на выходной след русака и по этому свежему следу сразу пошла с голосом. Голодный Митраша, еле живой, сразу понял, что всё спасение его будет в этом зайце, что если он убьёт зайца, то огонь добудет выстрелом и, как не раз бывало при отце, испечёт зайца в горячей золе. Осмотрев ружьё, переменив подмокшие патроны, он вышел на круг и притаился в кусту можжевельника.

Ещё хорошо можно было видеть на ружье мушку, когда Травка завернула зайца от Лежачего камня на большую Настину тропу, выгнала на палестинку, направила его отсюда на куст можжевельника, где тайлся охотник. Но тут случилось, что Серый, услышав возобновлённый гон собаки, выбрал себе как раз тот самый куст можжевельника, где тайлся охотник, и два охотника, человек и злейший враг его, встретились... Увидев серую морду от себя в пяти каких-то шагах, Митраша забыл о зайце и выстрелил почти в упор.

Серый помещик окончил жизнь свою без всяких мучений.

Гон был, конечно, сбит этим выстрелом, но Травка дело своё продолжала. Самое же главное, самое счастливое было не заяц, не волк, а что Настя, услышав близкий выстрел, закричала. Митраша узнал её голос, ответил, и она вмиг к нему прибежала. После того вскоре и Травка принесла русака своему новому,

молодому Антипычу, и друзья стали греться у костра, готовить себе еду и ночлег.

Настя и Митраша жили от нас через дом, и когда утром заревела у них на дворе голодная скотина, мы первые пришли посмотреть, не случилось ли какой беды у детей. Мы сразу поняли, что дети дома не ночевали и скорее всего заблудились в болоте. Собрались мало-помалу и другие соседи, стали думать, как нам выручить детей, если только они ещё живы. И только собрались было рассыпаться по болоту во все стороны — глядим: а охотники за сладкой клюквой идут из леса гуськом, и на плечах у них шест с тяжёлой корзиной, и рядом с ними Травка, собака Антипыча.

Они рассказали нам во всех подробностях обо всём, что с ними случилось в Блудовом болоте. И всему у нас верили: неслыханный сбор клюквы был налицо. Но не все могли поверить, что мальчик на одиннадцатом году жизни мог убить старого хитрого волка. Однако несколько человек из тех, кто поверил, с верёвкой и большими санками отправились на указанное место и вскоре привезли мёртвого Серого помещика. Тогда все в селе на

время бросили свои дела и собрались, и даже не только из своего села, а даже из соседних деревень. Сколько тут было разговоров! И трудно сказать, на кого больше глядели, — на волка или на охотника в картузе с двойным козырьком. Когда переводили глаза с волка на охотника, говорили:

— А вот дразнили: «Мужичок в мешочке»! <...>

И тогда незаметно для всех прежний «Мужичок в мешочке» правда стал переменяться и за следующие два года войны вытянулся, и какой из него парень вышел — высокий, стройный. И стать бы ему непременно героем Отечественной войны, да вот только война-то кончилась.

А «Золотая Курочка» тоже всех удивила в селе. Никто её в жадности, как мы, не упрекал, напротив, все одобряли, и что она благоразумно звала брата на торную тропу, и что так много набрала клюквы. Но когда из детдома эвакуированных ленинградских¹ детей обратились в село за посильной помощью больным детям, Настя отдала им всю свою целебную ягоду. Тут-то вот мы, войдя в доверие девочки, узнали от неё, как мучилась она про себя за свою жадность.

¹ Ленинград — Санкт-Петербург.

Нам остаётся теперь сказать ещё несколько слов о себе: кто мы такие и зачем попали в Блудово болото. Мы — разведчики болотных богатств. Ещё с первых дней Отечественной войны работали над подготовкой болота для добывания в нём горючего — торфа. И мы дознались, что торфа в этом болоте хватит для работы большой фабрики лет на сто. Вот какие богатства скрыты в наших болотах! А многие до сих пор только и знают об этих великих кладовых Солнца, что в них будто бы черти живут: всё это вздор, и никаких нет в болоте чертей.

1945

Поразмышляй над прочитанным

1. Какие события в сказке-были М. М. Пришвина произвели на тебя наиболее сильное впечатление? Почему?

2. Почему Настя и Митраша вызвали у жителей села добрые чувства? Какие слова рассказчика передают его отношение к детям-сиротам? Приведи примеры из текста.

3. С какой целью в главе IV сказки-были рассказывается об истории ели и сосны? Рассмотрю иллюстрацию к этой главе.

4. Найди олицетворения в начале главы IV и в главе VIII. Какова их роль в изображении сосны, ели, чахлах берёзок и ёлочек?

5. Как возникла между ребятами конфликтная ситуация? Кто из них больше виноват в размолвке? Почему?

6. В какой момент своей жизни Настя теряет бывшее прозвище «Золотая Курочка»? За что осудила она себя и чем удивила потом всех жителей села?

7. В чём смысл пословицы, которую вспоминает рассказчик, оценивая поступки Митраши? Какие стороны характера Митраши она раскрывает?

8. С какой целью подробно рассказывается об Антипыче и его «правде», о собаке Травке и о волке Сером помещике? Чем отличается Травка от Серого помещика?

Какое отношение имеют эти истории к тому, что случилось с Настей и Митрашей?

9. В чём смысл названия сказки-были «Кладовая солнца»?

10. Перечитай эпиграф к главе о М. М. Пришвине. Как ты понимаешь его смысл?

Как ты думаешь, почему писатель назвал «Кладовую солнца» сказкой-былью?

Объясни, как «выдумка спасает правду» в этом произведении М. М. Пришвина.

11. М. М. Пришвин говорил: «Я ведь, друзья мои, пишу о природе, сам же только о людях и думаю». Как воплотились эти слова писателя в его сказке-были?

Выбери для письменной работы одну из тем:

- В чём был прав и в чём ошибался Митраша?
- «Не зная броду, не лезь в воду».
- Чем похожи и чем отличаются друг от друга по характеру и отношению к жизни Настя и Митраша?

Ты можешь написать рассказ о своём четвероногом друге (собаке, кошке...) или о каком-либо случае из жизни так, чтобы правда сочеталась с выдумкой. Озаглавь свой рассказ.

ЧИТАЯ ПРИШВИНА

Можно много писать о каждом писателе, стараясь в меру сил высказать все те мысли и ощущения, что возникают у вас при чтении его книг. Но о Пришвине писать трудно, почти невозможно. Его нужно выписывать для себя в заветные тетради, перечитывать время от времени, открывая всё новые драгоценности в каждой строке его прозы-поэзии, уходя в его книги, как мы уходим по едва заметным тропинкам в дремучий лес с его разговором родников, трепетом листьев, благоуханием трав, — погружаясь в разнообразные мысли и состояния, свойственные этому чистому разумом и сердцем человеку. <...>

Несколько раз я слышал от людей, только что отложивших прочитанную пришвинскую книгу, одни и те же слова: «Это — настоящее колдовство!» <...> Секрет его колдовства — в его зоркости. Это та зоркость, что под прискучившим иной раз покровом окружающих нас явлений видит глубокое содержание земной жизни. <...> Я хочу рассказать об одном случае, когда одна строчка Пришвина объяснила мне то явление природы, что до тех пор казалось мне случайным. И не только объяснила, но и наполнила его ясной и, я бы сказал, закономерной красотой.

Я давно заметил в обширных заливных лугах на Оке, что цветы местами как бы собраны в отдельные пышные куртины¹, а местами среди обычных трав вдруг тянется извилистая лента сплошных одинаковых цветов. Особенно хорошо это можно

¹ Куртины — цветочные грядки.

увидеть с маленького самолёта «У-2», который прилетает в луга опылять от комарья озёра, мочажины¹ и болотца.

Я годами наблюдал высокие и душистые ленты цветов, восхищался ими, но не знал, чем объяснить это явление.

И вот у Пришвина во «Временах года» я, наконец, нашёл объяснение в изумительной по ясности и прелести строке, в крошечном отрывке под названием «Реки цветов»:

«Там, где мчались весенние потоки, теперь везде потоки цветов».

Я прочёл это и сразу понял, что богатые полосы цветов вырастали именно там, где весной проносилась полая вода, оставляя после себя плодородный ил. Это была как бы цветочная карта весенних потоков.

...Пришвин занимает среди... писателей особое место. Его обширные познания в области фенологии², ботаники, зоологии, агрономии, метеорологии, истории, фольклора, орнитологии³, географии, краеведения и других наук органически вошли в книги в самом... живописном выражении...

(Из статьи К. Г. Паустовского
«Михаил Михайлович Пришвин»)

Поразмышляй над прочитанным

1. Как ты думаешь, почему произведения Пришвина К. Г. Паустовский называет прозой-поэзией?

Почему строку Пришвина, приведённую в этой статье, Паустовский считает изумительной?

2. Из произведений М. М. Пришвина выбери отрывок, в котором, на твой взгляд, наблюдательность учёного и мастерство художника слова слиты воедино.

3. Какие другие известные тебе писатели в своём творчестве чем-то близки М. М. Пришвину? В чём ты видишь эту близость?

¹ Мочажины — от слов: мочаг — непросыхающее место или мочага — потное место на земле, гладкое болотце (без кочек), от великих вод, а более от ключей, по плоской впадине, где подпочва держит воду (по словарю В. Даля).

² Фенология — наука о закономерностях и периодичности явлений в жизни животных и растений в связи со сменой времён года.

³ Орнитология — раздел биологии, изучающий птиц.

Пейзаж в художественном произведении — это *картина природы*.

Пейзаж в переводе с французского означает «вид местности» или «изображение природы». Пейзаж помогает писателю рассказать о месте и времени происходящих событий. Так, на страницах сказки-были М. М. Пришвина «Кладовая солнца» мы встречаем описания ранней весны в средней полосе России. Вот, например, одно из таких описаний: «Сюда, к Лежащему камню, пришли дети в то самое время, когда первые лучи солнца, пролетев над низенькими корявыми болотными ёлочками и берёзками, осветили Звонкую борину и могучие стволы соснового бора стали как зажжённые свечи великого храма природы».

Сравнение могучих стволов сосен, освещённых первыми лучами солнца, с зажжёнными свечами храма помогает нам увидеть величественную картину, острее воспринять восхищение писателя первозданной красотой нетронутой природы, разделить чувства детей, с нетерпением ожидающих, «когда и к ним придут лучи солнца и обогреют их хоть немного».

А теперь вспомним Владимира Дубровского. После похорон отца он забрёл в Кистенёвскую рощу: «Он шёл, не разбирая дороги; сучья поминутно задевали и царапали его, ноги его поминутно вязли в болоте, он ничего не замечал. Наконец достигнул он маленькой лощины, со всех сторон окружённой лесом; ручеёк извивался молча около деревьев, полуобнажённых осенью. Владимир остановился, сел на холодный дёрн, и мысли одна другой мрачнее стеснились в душе его...»

Читая эту страницу романа, мы почувствовали и поняли, как тяжело и одиноко Владимиру. Наше сочувствие герою усиливают картины осеннего леса, полуобнажённых деревьев, тихого течения ручья, «уносящего несколько поблёклых листьев...».

Пейзаж вызывает в душе читателя настроение, созвучное тому, которым охвачен герой.

Бывает и наоборот: описание природы служит контрастом поведению и чувствам действующих лиц. Вспомним, например, великолепные пейзажи в повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница». На фоне незабываемой по красоте божь-

ственной ночи происходят комичные происшествия с пьяным Калеником, который не может отыскать свою хату.

Зарисовки природы мы встречаем не только в литературных сказках, рассказах, повестях или романах, но и в лирических стихотворениях.

Как и в прозаических произведениях, картины природы помогают поэту выразить охватившие его чувства, своё отношение к жизни, поделиться размышлениями о ней.

Вспомни, например, стихотворения М. Ю. Лермонтова «На севере диком стоит одиноко...», «Утёс».

Таким образом, пейзаж в произведении художественной литературы помогает нам не только представить место и время происходящих событий, но и почувствовать настроение героя, чувства и мысли автора.

Поразмышляй над прочитанным

1. Что такое пейзаж и какова его роль в художественном произведении.
2. Какие картины природы в «Кладовой солнца» тебе запомнились? Какова их роль в произведении и в чём их особенность?
3. Вспомни стихотворение, где есть описание природы. Только ли о природе это стихотворение?

Приглашаем в библиотеку

Для того чтобы познакомиться с тем, как создавал свои произведения М. М. Пришвин, прочитай его книгу «Золотой луг».

«У моих собак нет ни малейшего сомнения в существовании бога: бог — это я. И всё сущее на земле... произошло от меня...» — шутливо пишет М. М. Пришвин в одном из рассказов. Юмор, наблюдательность автора, его внимание к миру, умение понять каждое живое существо увлекут тебя в рассказах «Ёж», «Изобретатель», «Пиковая дама», «Друг человека», «Вася Весёлкин», «Предательская колбаса», «Ужасная встреча», «Ярик» и во многих других рассказах.

Не менее интересен и рассказ «Анчар». Когда будешь читать его, подумай о причине проступка¹ одного из героев.

¹ Проступок — поступок, нарушающий нравственные нормы, провинность.

ДВИЖЕНИЕ ВЕСНЫ

Страницы поэзии

Художник В. Бялыницкий-Бируля. *Ранняя весна*

Долго странствовал я, пока, наконец, не понял, что каждый новый день в природе — это день, какой никогда ещё не бывал на земле. И разве это не будет тоже открытием, если я во всём бывалом буду находить нечто новое и небывалое?..

У нас, фенологов, наблюдающих смену явлений природы изо дня в день, весна начинается прибавкою света. Январь, февраль, начало марта — это всё весна света. Небесный ледоход лучше всего виден в большом городе наверху между громадами каменных домов... Да, счастлив тот, кто может застать начало весны света в городе и потом встретит у земли весну воды, травы, леса... Да, никогда новая весна не бывает, как старая, и оттого так хорошо становится жить — с волнением, с ожиданием чего-то нового...

М. М. Пришвин

Иван Алексеевич Бунин¹

(1870—1953)

* * *

Бушует полая вода,
Шумит и глухо, и протяжно.
Грачей пролётные стада
Кричат и весело и важно.

Дымятся чёрные бугры,
И утром в воздухе нагретом
Густые белые пары
Напоены теплом и светом.

А в полдень лужи под окном
Так разливаются и блещут,
Что ярким солнечным пятном
По залу «зайчики» трепещут.

Меж круглых рыхлых облаков
Невинно небо голубеет,
И солнце ласковое греет
В затишье гумен и дворов.

Весна, весна! И всё ей радо.
Как в забытии каком стоишь
И слышишь свежий запах сада
И тёплый запах талых крыш.

Кругом вода журчит, сверкает,
Крик петуха звучит порой,
А ветер, мягкий и сырой,
Глаза тихонько закрывает.

1892

¹ Иван Алексеевич Бунин родился в Воронеже, в разорившейся дворянской семье. Учился в Елецкой гимназии. Первые стихи и рассказы И. А. Бунина появились в печати в 1887 году. Вскоре он сблизился с писателями из общества «Среда» Н. Д. Телешова. После Октябрьской революции И. А. Бунин эмигрировал во Францию. Деревенское детство в небогатом поместье навсегда спаяло его сердце с Россией. Задушевные интонации стихотворений поэта донесут до тебя сокровенное и всепоглощающее чувство любви И. А. Бунина к родине, его способность подмечать каждую новую черту переменчивых картин родной природы.

Художник И. Остроухов. *Первая зелень*

* * *

Всё темней и кудрявей берёзовый лес зеленеет;
Колокольчики ландышей в чаще зелёной цветут;
На рассвете в долинах теплом и черёмухой веет,
Соловьи до рассвета поют.

Скоро Троицын день, скоро песни, венки и покосы...
Всё цветёт и поёт, молодые надежды тая...
О весенние зори и тёплые майские росы!
О далёкая юность моя!

1900

ПЕРВЫЙ СОЛОВЕЙ

Тает, сияет луна в облаках.
Яблони в белых кудрявых цветах.

Зыбь облаков и мелка и нежна.
Возле луны голубая она.

В холоде голых, прозрачных аллей
Пробует цокать, трещит соловей.

В доме, уж тёмном, в раскрытом окне,
Девочка косы плетёт при луне.

Сладок и нов ей весенний рассказ,
Миру рассказанный тысячу раз.

1916

Игорь Северянин¹

(1887—1941)

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

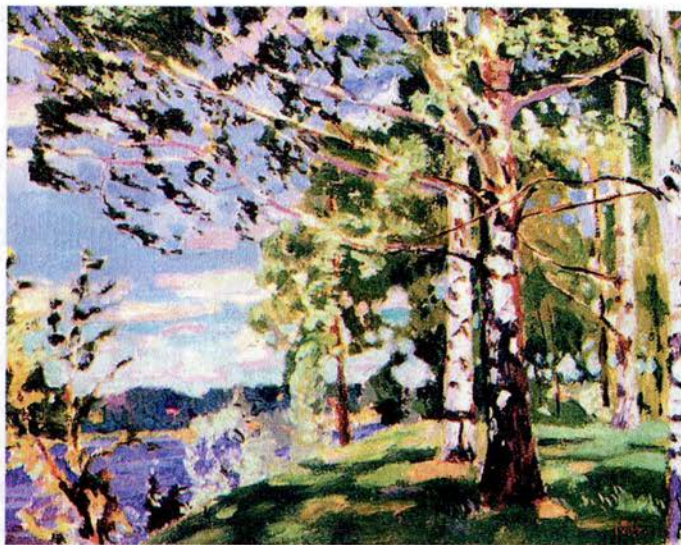
Весенний день горяч и золот, —
Весь город солнцем ослеплён!
Я снова — я: я снова молод!
Я снова весел и влюблён!

Душа поёт и рвётся в поле,
Я всех чужих зову на «ты»...
Какой простор! Какая воля!
Какие песни и цветы!

Скорей бы — в бричке по ухабам!
Скорей бы — в юные луга!
Смотреть в лицо румяным бабам,
Как друга, целовать врага!
Шумите, вешние дубравы!
Расти, трава! Цвети, сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день.

Апрель 1911

¹ Игорь Северянин (Игорь Васильевич Лотарёв) родился в Петербурге в семье офицера. Издал несколько книг стихов. В феврале 1918 года на поэтическом вечере в Москве, где он читал свои стихи, был провозглашён «королём поэтов». А в марте этого же года уехал в местечко Эст-Тойла на берегу Балтийского моря, где всегда проводил лето, и оказался отрезанным от родины, так как вскоре Эстония получила государственную независимость. В Россию И. Северянин не вернулся, хотя и тосковал по ней.

Александр Трифонович Твардовский¹

(1910—1971)

* * *

Весенний, утренний, тоненький
Ледок натянуло сеткой,
Но каплет с каждой соломинки,
С каждой ветки.

Поёт по-зимнему улица,
Но свету — что летним днём.
И, как говорится, курица
Уже напилась под окном².

И звонкую, хрупкую,
Набравшись силы в ночи,

¹ Александр Трифонович Твардовский — выдающийся русский поэт XX века — родился в крестьянской семье. Свой путь в литературу начал сельским корреспондентом. Окончил Московский институт философии, литературы, истории. В Великую Отечественную войну был корреспондентом фронтовых газет. «Новый мир», который в 1960-е годы возглавлял А. Т. Твардовский, был лучшим литературным журналом своего времени.

² Народная примета: в марте курица из лужицы напьётся.

Художник К. Юон
Конец зимы. Полдень

Чуть солнце — уже скорлупку
Проклюнули ручьи.

Весна сугробы подвинула,
Плотнее к земле примяв.
И зелень коры осиновой —
Предвестье зелени трав.

Апрельским ветром поддуло,
Запахли водой снега.
И дело своё задумала
Река, упершись в берега.

Ей грезится даль раздольная,
Её минута близка...
Грохочет крылечко школьное,
Едва дождавшись звонка.

Давай начинай, разламывай
Натоптанный лёд рябой...
А что, если снова заново,
С начала самого
Начать нам жить с тобой?..

1951

Александр Петрович Межиров¹

(1923—2009)

* * *

Летит сосулька из зимы в весну
И, перед тем как сделаться водою,
Звенит, исходит песней молодою,
И гонит сон, и клонит не ко сну.

Проулок ваш не узок, не широк,
И окна в окна смотрят не мигая,
И, по карнизу шибко пробегая,
Тревожит занавеску ветерок.

Ваш двор как перевёрнутый колодезь,
На дне колодца — небо, как вода.
В ту воду вы однажды окунётесь
И захлебнётесь ею навсегда.

Что там творится, в мире законном?!
Зима в исходе, видно по всему.
Давайте вместе слушать, как со звоном
Летит сосулька из зимы в весну.

1963

Поразмышляй над прочитанным

1. Какая тема объединяет все прочитанные тобой стихотворения из раздела «Движение весны»? На какое из стихотворений откликнулась твоя душа? Какие картины в нём показались тебе знакомыми и близкими?

Как ты думаешь, почему стихотворениям этого раздела предпослана поэтическая заметка М. М. Пришвина о движении весны?

2. Какие эпитеты в стихотворениях И. А. Бунина тебе особенно понравились? Какие новые штрихи вносят они в картину наступающей весны?

¹ Александр Петрович Межиров родился в Москве, в семье юриста. В 1941 году, восемнадцати лет, со школьной скамьи Межиров ушёл на фронт. Был сначала рядовым, потом заместителем командира роты. Участвовал в обороне Ленинграда. После демобилизации поступил на исторический факультет Московского государственного университета, выпустил первую книгу стихов. Многие стихотворения А. П. Межирова — о войне.

3. Как передано в стихотворении Игоря Северянина весеннее чувство радости?

4. Какие приметы ранней весны подметил и запечатлел в своём стихотворении А. Т. Твардовский? Какая из этих картинок-примет, на твой взгляд, особенно точна и выразительна?

С помощью каких изобразительных средств достигает этой выразительности художник слова?

5. «Летит сосулька из зимы в весну...» — в чём поэтическое открытие, заключённое в этой строке?

Почему *сравнение*, на котором построена вся третья строфа, называют развёрнутым?

Вслушайся в звучание первой и последней строф. Обрати внимание на повторение звуков *Н*, *З* и *С*. Можно ли сказать, что поэт использовал приём звукописи? Объясни свою точку зрения.

6. Какое чувство, какое настроение сближает все стихотворения в этой подборке? В каждом из стихотворений найди и выразительно прочитай строки, где это чувство выражено особенно ярко.

7. М. М. Пришвин различает *весну света*, *воды*, *травы*, *леса*. Какому моменту весны посвящается каждое стихотворение из рубрики «Движение весны»? В каких из них нарисована «весна света»? Почему ты так думаешь?

В какой последовательности можно расположить стихотворения из этой рубрики, чтобы оправдать её название?

8. Рассмотрите репродукции картин К. Ф. Юона «Конец зимы. Полдень», И. С. Остроухова «Первая зелень», В. К. Бялыницкого-Бирули «Дни юного мая», «Ранняя весна», А. А. Рылова «Буйный ветер». На форзацах: И. И. Левитан «Март», Б. М. Кустодиев «Весна».

Как передаёт каждый из художников ощущение весны на своей картине?

Найди в прочитанных стихотворениях созвучные картинам строки, вырази-тельно прочитай их.

9. Одно из стихотворений выучи наизусть и научись выразительно читать.

Попробуй сочинить рассказ

Весну света М. М. Пришвин назвал ещё и по-другому: «неодетая весна». Послушаем М. М. Пришвина: «Если в самом раннем свете поглядеть на белую берёзу, то белая кора, береста, в сравнении с белизной снега покажется чуть-чуть розовой. А белизна снега под берёзой покажется синеватой.

Бывает, бродя глазами по синему снегу, увидишь желтеющее пятно с двумя чёрными блестящими пуговками — это, оказывается, лежит под розовой берёзой на синем снегу жёлтый заяц-беляк.

Вот как тот же самый белый цвет изменяется, если сравнивать между собой разные белые существа в лесу, пока весь лес не оденется в зелёный общий цвет.

Художник
В. Бялыницкий-Бируля
Дни юного мая

И то же самое бывает с каждым деревом: не одетое весной каждое дерево отдельно от всех чем-нибудь себя выражает, и всё, что видишь в это время в лесу, кажется совершенно правдивым... Не одетой весной все тайны исчезают, всё на виду, всё “взаправду”, и в то же время всё интересно и тем увлекательно, что каждое существо, каждый куст, каждый ручей и — мало того! — каждый пенёк говорит сам за себя».

Художник Н. Ромадин
Последний луч

Неодетой весной, утверждает писатель, легче разглядеть, расслышать, ощутить неизвестное, новое в знакомом и бывалом. Отправимся и мы в мир весны за своими открытиями.

Весеннее облачко, жёлтая головка мать-и-мачехи или что-то другое, что сумеешь ты разглядеть в природе, чему сумеешь удивиться, может стать темой твоего рассказа-миниатюры для классного сборника о весне.

Или напиши небольшой рассказ, в котором будут картины природы. Вот примерные темы: «Путешественники вышли из города», «Лыжная прогулка в лесу (парке)», «В деревне (лагере) летом», «За грибами», «На рыбалке», «На берегу моря», «Вечер в лесу» (по картине Н. М. Ромадина «Последний луч»).

Михаил Михайлович Зощенко

(1894—1958)

Словно сквозь увеличительное стекло смотрел писатель на жизнь, подносил это стекло к глазам читателя, и тот видел, как уродливы все отступления от нормы, и, смеясь над этими отступлениями, над собою, постепенно пересоздавал себя в другого, прекрасного человека...

В. Акимов

«В 1917 году мне было двадцать лет... Однако я не чувствовал себя молодым и тем более юным. За плечами я уже и тогда нёс тяжёлый груз: два года войны, брошенный университет, ранение, удушливые газы», — так начинает М. Зощенко рассказ о себе. Здоровье молодого человека было подорвано на фронте Первой мировой войны во время газовой атаки. Профессии он не имел. Множество занятий перепробовал будущий писатель в поисках заработка в годы испытаний, голода, тифа и безработицы. Был контролёром поездов

на железной дороге, одно время возглавлял почту и телеграф в Петрограде, после Октябрьской революции служил пограничником, пошёл добровольцем — сначала командиром пулемётной команды, потом полковым адъютантом — в Красную Армию. Из-за болезни сердца демобилизовался и стал агентом уголовного розыска в Петрограде. Был М. Зощенко и инструктором по кролиководству и куроводству, и милиционером, и сапожником, и столяром, и помощником бухгалтера...

Знание жизни, забот и интересов простых людей, наблюдательность, удивительное чувство языка, восприимчивость к речи, которая звучала на улице, в коммунальной квартире, в трамвае, на рынке и в официальном учреждении, а также горячее желание облагородить, очеловечить обывателя¹ заставили М. Зощенко взяться за перо.

В 1920-е годы в печати появились короткие рассказы: «На живца», «Аристократка», «Баня», «Нервные люди», «Монтёр», «Качество продукции» и многие другие. Они сразу сделали имя Зощенко известным и любимым. Читатели, которые только приобщались к грамоте и культуре и для которых писал Зощенко, с нетерпением ждали его новых рассказов, чтобы посмеяться, позабавиться. А писатель признавался художнику Юрию Анненкову, что огорчён этим смехом. Он говорил, что в рассказах «помимо его воли именно трагическая или по меньшей мере печальная сторона жизни становится комической и вызывает смех вместо слёз, ужаса или отвращения».

Смешными были не только характеры персонажей, положения, в которые они попадали, но и сам язык повествователя и его героев. «Если я искажаю иногда язык, — объяснял писатель, — то условно, поскольку мне хочется передать нужный мне тип... Я только пародирую... Оттого темы моих рассказов проникнуты наивной философией, которая как раз по плечу моим читателям». Себе в заслугу М. Зощенко ставил то, что его рассказы удобно и легко читать: «Я пишу очень сжато. Фраза у меня короткая. Доступная бедным. Может быть, поэтому у меня много читателей».

¹ Обыватель — здесь: человек, лишённый общественного кругозора, живущий только мелкими личными интересами.

Писатель хотел словом изменить мир к лучшему. Он мечтал освободить жизнь не только от бытовых неудобств, но и от духовной бедности.

М. Зощенко создал и цикл рассказов для детей. Назидательность и откровенные нравоучения часто портят детские книги, вызывают отвращение у читателей. Вспоминая в рассказах своё дореволюционное гимназическое детство или повествуя о детях, переживших Великую Отечественную войну, М. Зощенко стремился учить своих маленьких читателей добру, справедливости, серьёзному отношению к жизни, вниманию, тактичности, действительному сочувствию человеку, который находится рядом. Но открытый разговор о добром не портит его рассказов, не делает их скучными. С. Я. Маршак с удивлением заметил: «Зощенко не только не прячет в своих рассказах мораль. Он со всей откровенностью говорит о ней в тексте рассказа и даже иной раз в заголовке («Не надо врать»). Но от этого рассказы не становятся дидактичными¹. Их спасает победительный, всегда неожиданный юмор и какая-то особенная, присущая автору серьёзность».

НЕ НАДО ВРАТЬ

Я учился очень давно. Тогда ещё были гимназии. И учителя тогда ставили в дневнике отметки за каждый спрошенный урок. Они ставили какой-нибудь балл — от пятёрки до единицы включительно.

А я был очень маленький, когда поступил в гимназию, в подготовительный класс. Мне было всего семь лет.

И я ничего ещё не знал, что бывает в гимназиях. И первые три месяца ходил буквально как в тумане.

И вот однажды учитель велел нам выучить наизусть стихотворение:

Весело сияет месяц над селом,
Белый снег сверкает синим огоньком...

А я этого стихотворения не выучил. И я не слышал, что сказал учитель. Я не слышал потому, что мальчишки, которые сидели позади, то шлёпали меня книгой по затылку, то мазали

¹ Дидакти́чный — здесь: наставительный, назидательный.

мне ухо чернилами, то дёргали меня за волосы и, когда я от неожиданности вскакивал, подкладывали под меня карандаш или резинку. И по этой причине я сидел в классе перепуганный и всё время прислушивался — что ещё замыслили против меня сидевшие позади мальчики.

А на другой день учитель, как назло, вызвал меня и велел прочитать наизусть заданное стихотворение.

А я не только не знал его, но даже и не подозревал, что на свете есть такие стихотворения. Но от робости я не посмел сказать учителю, что не знаю этих стихов. И совершенно ошеломлённый стоял за своей партой, не произнося ни слова.

Но тут мальчишки стали подсказывать мне эти стихи. И благодаря этому я стал лепетать то, что они мне шептали.

А в то время у меня был хронический насморк, и я плохо слышал одним ухом и поэтому с трудом разбирал то, что они мне подсказывали.

Ещё первые строчки я кое-как произнёс. Но когда дело дошло до фразы: «Крест над облаками, как свеча, горит», я сказал: «Треск под сапогами, как свеча, болит...»

Тут раздался хохот среди учеников. И учитель тоже засмеялся. Он сказал:

— А ну-ка, дай сюда свой дневник, — я тебе единицу поставлю.

И я заплакал потому, что это была моя первая единица и я ещё не знал, что за это бывает.

После уроков моя сестрёнка Лёля зашла за мной, чтоб вместе идти домой.

По дороге я достал из ранца дневник, развернул его на той странице, где была поставлена единица, и сказал Лёле:

— Лёля, погляди, что это такое? Это мне учитель поставил за стихотворение «Весело сияет месяц над селом».

Лёля поглядела и засмеялась. Она сказала:

— Минька, это плохо! Это тебе учитель влепил единицу по русскому языку. Это до того плохо, что я сомневаюсь, что папа тебе подарит фотографический аппаратик к твоим именинам, которые будут через две недели.

Я сказал:

— А что же делать?

Художник М. Скобелев

Лёля сказала:

— Одна наша ученица взяла и заклеила две страницы в своём дневнике, там, где у неё была единица. Её папа пощупал пальцы, но отклеить не мог и так и не увидел, что там было.

Я сказал:

— Лёля, это нехорошо обманывать родителей.

Лёля засмеялась и пошла домой. А я в грустном настроении зашёл в городской сад, сел там на скамейку и, развернув дневник, с ужасом глядел на единицу.

Я долго сидел в саду. Потом пошёл домой. Но когда подходил к дому, вдруг вспомнил, что оставил свой дневник на скамейке в саду. Я побежал назад. Но в саду на скамейке уже не было моего дневника. Я сначала испугался, а потом обрадовался, что теперь нет со мной дневника с этой ужасной единицей.

Я пришёл домой и сказал отцу, что потерял свой дневник. И Лёля засмеялась и подмигнула мне, когда услышала эти мои слова.

На другой день учитель, узнав, что я потерял дневник, выдал мне новый.

Я развернул этот новый дневник с надеждой, что на этот раз там ничего плохого нету, но там против русского языка снова стояла единица, ещё более жирная, чем раньше.

И тогда я почувствовал такую досаду и так рассердился, что бросил этот дневник за книжный шкаф, который стоял у нас в классе.

Через два дня учитель, узнав, что у меня нету и этого дневника, заполнил новый. И, кроме единицы по русскому языку, он там вывел мне двойку по поведению. И сказал, чтоб мой отец непременно посмотрел мой дневник.

Когда я встретился с Лёлей после урока, она мне сказала:

— Это не будет враньё, если мы временно заклеим страницу. А через неделю после твоих именин, когда ты получишь фотоаппаратик, мы отклеим её и покажем папе, что там было.

Мне очень хотелось получить фотографический аппарат, и я с Лёлей заклеил уголки злополучной страницы дневника.

Вечером папа сказал:

— Ну-ка, покажи свой дневник. Интересно знать — не хватал ли ты единиц?

Папа стал смотреть дневник, но ничего плохого там не увидел, потому что страница была заклеена.

Но когда папа рассматривал мой дневник, на лестнице кто-то позвонил.

Пришла какая-то женщина и сказала:

— На днях я гуляла в городском саду и там на скамейке нашла дневник. По фамилии я узнала адрес и вот принесла его вам, чтоб вы сказали, не потерял ли этот дневник ваш сын.

Папа посмотрел дневник и, увидев там единицу, всё понял.

Он не стал на меня кричать. Он только тихо сказал:

— Люди, которые идут на враньё и обман, — смешны и комичны, потому что рано или поздно их враньё всегда обнаружится. И не было на свете случая, чтоб что-нибудь из вранья осталось неизвестным.

Я, красный как рак, стоял перед папой, и мне было совестно от его тихих слов.

Я сказал:

— Вот что, ещё один, мой третий дневник с единицей я бросил в школе за книжный шкаф.

Вместо того чтоб на меня рассердиться ещё больше, папа улыбнулся и просиял. Он схватил меня на руки и стал меня целовать.

Он сказал:

— То, что ты в этом сознался, меня исключительно обрадовало. Ты сознался в том, что могло долгое время остаться неизвестным. И это мне даёт надежду, что ты больше не будешь врать. И вот за это я тебе подарю фотоаппаратик.

Когда Лёля услышала эти слова, она подумала, что папа свихнулся в своём уме и теперь всем дарит подарки не за пятёрки, а за единицы.

И тогда Лёля подошла к папе и сказала:

Художник
В. Колтунов

— Папочка, я тоже сегодня получила двойку по физике, потому что не выучила урока.

Но ожидания Лёли не оправдались. Папа рассердился на неё, выгнал её из своей комнаты и велел ей немедленно сесть за книги.

И вот вечером, когда мы ложились спать, неожиданно раздался звонок.

Это к папе пришёл мой учитель. И сказал ему:

— Сегодня у нас в классе была уборка, и за книжным шкафом мы нашли дневник вашего сына. Как вам нравится этот маленький вун и обманщик, бросивший свой дневник с тем, чтобы вы его не увидели?

Папа сказал:

— Об этом дневнике я уже слышал лично от моего сына. Он сам признался в этом поступке. Так что нет причин думать, что мой сын неисправимый вун и обманщик.

Учитель сказал папе:

— Ах вот что! Вы уже знаете об этом. В таком случае — это недоразумение. Извините. Покойной ночи.

И я, лежа в своей постели, услышав эти слова, горько заплакал. И дал себе слово говорить всегда правду.

И я действительно, дети, так всегда и теперь делаю.

Ах, это иногда бывает очень трудно, но зато у меня на сердце весело и спокойно.

1939

Поразмышляй над прочитанным

1. Почему говорить правду иногда бывает очень трудно?
2. Почему отец так обрадовался признанию сына?
3. Какие пословицы и поговорки о правде и лжи ты знаешь? Какие из них уместно отнести к происшествию с Минькой?
4. Какие эпизоды рассказа вызывают улыбку читателя? Для чего автор ставит героя в комическое положение?

БЕДНЫЙ ФЕДЯ

В одном детском доме находился мальчик по имени Федя.

Это был очень грустный и скучный мальчик. Он никогда не смеялся. Не шалил. И даже не играл с ребятами. Он тихонько сидел на скамейке и о чём-то думал.

И дети к нему не подходили, потому что им было неинтересно играть с таким скучным мальчиком.

И вот однажды воспитательница дала Феде книжку и сказала:

— Прочитайте вслух несколько строчек из этой книги. Я хочу узнать, хорошо ли вы читаете. Чтобы знать, в какой класс вас зачислить.

Федя покраснел и сказал:

— Я не умею читать.

И тогда все дети удивлённо на него посмотрели. А некоторые даже рассмеялись. Потому что мальчику десятый год, а он читать не умеет. Это смешно и странно.

Учительница спросила Федю:

— Неужели же вы совершенно читать не умеете? Может быть, даже не знаете букв?

И, показав на букву «А», она спросила:

— Какая это буква?

Федя снова покраснел, потом побледнел и говорит:

— Я не знаю, какая это буква.

И тогда все дети громко рассмеялись. А учительница спросила:

— Как же так случилось, что вы до сих пор букв не знаете?

Федя сказал:

— Когда мне было пять лет, фашисты угнали нас в Германию. Меня и мою маму. И там мы работали на заводе. И там фашисты не учили нас читать.

Тут все дети перестали смеяться. А учительница спросила Федю:

— А где же теперь ваша мама?

Печально вздохнув, Федя сказал:

— Она умерла в Германии. Она была очень больна. И она лежала с высокой температурой. Но фашисты подняли её штыками и заставили её работать. И вот почему она умерла.

Художник М. Скобелев

Учительница сказала Феде:

— Бедный мальчик. Ты не смущайся, что ты не умеешь читать. Мы тебя научим. И мы тебя будем любить, как родного.

И, обратившись к ребятам, она им сказала:

— Ребята, примите Федю поиграть в свои игры.

Но Федя отказался играть. И он по-прежнему сидел на скамейке скучный и бледный.

И вот в один прекрасный день учительница взяла его за руку и повела его к докторше. И сказала ей:

— Будьте добры, дайте этому мальчику какие-нибудь порошки, для того чтобы он был весёлый и здоровый. И чтоб он играл с ребятами, а не сидел бы молча на своей скамейке.

Докторша сказала:

— Нет, таких порошков у нас не имеется. Но есть одно средство, для того чтобы он был здоровый и весёлый и чтоб играл с ребятами. Это нужно, чтобы он засмеялся или хотя бы улыбнулся. И если это произойдёт, вот тогда он и будет здоровый.

И вот все дети, узнав об этом, стали развлекать и смешить Федю. Они нарочно падали перед ним, чтоб он рассмеялся. Нарочно мяукали. Прыгали. И ходили на руках. Но Федя не смеялся.

Правда, он смотрел на всё это, но улыбка не появлялась на его лице. И тогда дети стали придумывать исключительные номера, чтобы рассмешить Федю. Например, один парнишка взял палку и этой палкой нарочно ударил себя по затылку. И он так звонко себя ударил, что все ребята рассмеялись. Потому что это было неожиданно и комично, что такой звон пошёл.

Все ребята засмеялись. И только Федя не засмеялся. И этот мальчик, который сам себя ударил, он тоже не засмеялся. Он так больно себя хлопнул, что ему было не до смеха. Он прямо чуть не заплакал. И, потирая свой затылок, убежал.

И после этого неудачного номера ребята вот что придумали.

Они смяли кусок газеты и сделали небольшой такой шарик вроде мяча. И привязали этот шарик кошке за лапку. За длинную нитку.

Кошка побежала и вдруг видит — бумажный шарик бежит за ней. Конечно, кошка бросилась к этому шарiku, чтоб схватить его, но шарик, который был на нитке, ускользнул от неё. Кошка прямо с ума сходила, чтоб поймать этот шарик.

Правда, учительница запретила этот номер. Она сказала, что не следует так волновать животное. И тогда дети стали ловить эту кошку, чтоб отвязать от неё этот бумажный шарик. Но кошка решила сама отделаться от него. Она влезла на дерево, чтоб наконец не видеть его. Но, к её удивлению, бумажный шарик тоже полез за ней на дерево.

Это было очень комично. И все дети так смеялись, что некоторые даже попадали на траву.

Но Федя и тут не засмеялся. И даже не улыбнулся. И тогда дети подумали, что он никогда не будет здоровый, раз он не умеет смеяться.

И вот однажды в детдом пришла одна молодая женщина. Некто Анна Васильевна Светлова. Это была мамаша одного мальчика — Гриши Светлова. Она пришла за своим сыном Гришей, чтоб взять его домой на воскресенье.

Она пришла такая весёлая. И сыночек её тоже очень развеселился, когда её увидел. Он забегал и запрыгал вокруг неё. И с удовольствием стал одеваться, чтоб идти домой.

И они уже хотели уйти. Но тут Анна Васильевна увидела Федю, который сидел на скамейке и очень грустно на них смотрел. И он так задумчиво смотрел, что Анна Васильевна невольно подошла к нему и сказала:

— А разве ты, мальчик, не идёшь сегодня домой?

Федя тихо сказал:

— Нет, у меня нету дома.

Гриша Светлов сказал своей матери:

— У него нету дома и нету мамы благодаря фашистам.

И тогда Анна Васильевна сказала Феде:

— Если хочешь, мальчик, пойдём с нами.

Гриша закричал:

— Конечно, пойдём с нами. У нас дома весело, интересно. Будем играть.

И тут вдруг все увидели, что Федя улыбнулся. Он чуть-чуть улыбнулся, но все это заметили, захлопали в ладоши и сказали:

— Bravo. Он улыбнулся. Он теперь будет здоровый.

И тогда Гришина мама Анна Васильевна поцеловала Федю и сказала ему:

— С этих пор ты каждое воскресенье будешь ходить к нам. И если ты хочешь, я буду твоей мамой.

И тут все увидели, что Федя второй раз улыбнулся и тихо сказал:

— Да, хочу.

И тогда Анна Васильевна взяла его за руку, а другой рукой взяла за руку сына. И они втроём вышли из детдома.

И с тех пор Федя каждое воскресенье ходил к ним. Он очень подружился с Гришей. И очень переменялся к лучшему. Он стал весёлый и довольный. И часто шутил и смеялся.

И однажды докторша, увидев его таким, сказала:

— Он поправился, потому что он стал смеяться. Смех приносит людям здоровье.

1945

Поразмышляй над прочитанным

1. Объясни название рассказа. В чём причина печали Феде?
2. Как воспринимали ребята его поведение? Как они поняли совет врача?
3. Когда и почему Федя «выздоровел»? Как ты понимаешь фразу: «Смех приносит здоровье»? О каком смехе идёт речь? Какие чувства и поступки окружающих, по мнению писателя, помогают людям избавиться от переживаний?

Приглашаем в библиотеку

В сборниках произведений М. Зощенко прочитай упоминавшиеся рассказы и другие, например: «Какие у меня были профессии», «История болезни», «Гримаса НЭПа», «Прелести культуры». Подумай, в чём заключаются «трагические» или «печальные» стороны жизни, на которые хотел обратить внимание писатель. Что придаёт этим рассказам комический характер?

О юных читателях М. Зощенко говорил: «...Это умный и тонкий читатель, с большим чувством юмора...» Именно для таких читателей написаны рассказы, включённые в сборники «Лёля и Минька», «Рассказы о Минькином детстве». Прочитай их.

Юрий Маркович Нагибин

(1920—1994)

Есть масса целей, ради которых стоит жить. Человек должен проверить себя. Должен восстановить природу, сохранить рыб, животных... Надо прожить так, чтобы оставить после себя чистый воздух — и нравственный тоже.

Ю. Нагибин

Я родился в Москве, возле Чистых прудов, в семье служащего. Когда мне было восемь лет, мои родители расстались, и моя мать вышла замуж за писателя Я. С. Рыкачёва.

Я обязан матери не только прямо унаследованными чертами характера, но и основополагающими качествами своей человеческой и творческой личности, вложенными в меня в раннем детстве и укреплёнными всем последующим воспитанием. Эти качества: уметь ощущать драгоценность каждой минуты жизни, любовь к людям, животным и растениям.

В литературном обучении я всем обязан отчиму. Он научил меня читать только хорошие книги и думать о прочитанном...

И мать, и отчим надеялись, что из меня выйдет настоящий человек века: инженер или учёный в точных науках, — и усиленно пичкали меня книгами по химии, физике, популярными биографиями великих учёных. Для их собственного успокоения я завёл пробирки, колбу, какие-то химикалии, но вся моя научная деятельность сводилась к тому, что время от времени я варил гуталин ужасного качества. Я не ведал своего пути и мучился этим.

Зато всё уверенней чувствовал себя на футбольном поле. Тогдашний тренер «Локомотива» предсказывал мне большое будущее. Но моя мать не хотела смириться с мыслью, что она в муках рожала и вскармливала голодным молоком левого хавбека или правого инсайда. Видимо, под её нажимом отчим всё чаще убеждал меня что-нибудь написать. Да, вот так искусственно, не

по собственному неотвратимому позыву, а под давлением извне началась моя литературная жизнь.

Я написал рассказ о лыжной прогулке, которую мы предприняли всем классом в один из выходных дней. Отчим прочёл и грустно сказал: «Играй в футбол». Конечно, рассказ был плох, и всё же я с полным основанием считаю, что уже в первой попытке определился мой столбовой литературный путь: не придумывать, а идти напрямую от жизни — или текущей, или минувшей.

Я отлично понял отчима и не пытался оспорить уничтожающую оценку, скрывавшуюся за его хмурой шуткой. Но писание захватило меня. С глубоким удивлением обнаружил я, как от самой необходимости перенести на бумагу несложные впечатления дня и черты хорошо знакомых людей странно углубились и расширились все связанные с немудрёной прогулкой переживания и наблюдения. Я по-новому увидел моих школьных товарищей и неожиданно сложный, тонкий и запутанный узор их отношений. Оказывается, писание — это постижение жизни...

И я продолжал писать, упорно, с мрачным ожесточением, и моя футбольная звезда сразу закатилась. Отчим доводил меня до отчаяния своей требовательностью. Порой я начинал ненавидеть слова, но оторвать меня от бумаги было делом мудрёным.

Всё же, когда я закончил школу, мощная домашняя давящая сфера пришла в действие, и вместо литфака я оказался в 1-м Московском медицинском институте. Сопrotивлялся я долго, но не мог устоять перед соблазнительным примером Чехова, Вересаева, Булгакова — врачей по образованию.

Я с трудом дотянул до первой сессии, и вдруг посреди учебного года открылся приём на сценарный факультет киноинститута. Я рванул туда.

ВГИК¹ я так и не кончил. Через несколько месяцев началась война. Довольно порядочное знание немецкого языка решило мою военную судьбу. Военкомат передал меня в распоряжение Политического управления Красной Армии, и я был направлен на Волховский фронт. В ноябре 1942 года уже на Воронежском фронте мне крупно не повезло: дважды подряд меня засыпало

¹ ВГИК — Всесоюзный государственный институт кинематографии.

землѣй. Из рук эскулапов¹ я вышел с белым билетом² — путь на фронт был заказан. Мать сказала, чтобы я не оформлял инвалидности. «Попробуй жить, как здоровый человек». И я попробовал...

На моё счастье, газета «Труд» получила право держать трёх штатных военкоров³. Я работал в «Труде» до конца войны. Мне довелось побывать в Сталинграде в самые последние дни битвы, вновь под Ленинградом и в самом городе, затем при освобождении Минска, Вильнюса, Каунаса и на других участках войны. Ездил я и в тыл, видел начало восстановительных работ в Сталинграде и как там собрали первый трактор, как осушали шахты Донбасса и рубили обушком уголёк, как трудились волжские портовые грузчики и как «вкалывали», сжав зубы, ивановские ткачихи...

Помимо газетных очерков впечатления этих поездок воплотились в рассказы, составившие сборники «Большое сердце», «Две силы», «Зерно жизни».

После войны я занимался в основном журналистикой, много ездил по стране... К середине пятидесятых я разделался с журналистикой и целиком отдался чисто литературной работе. Один из ближайших моих друзей взял меня однажды на утиную охоту. С тех пор в мою жизнь прочно вошла Мещёра... Но сегодня, в пору крайнего оскудения природы, я бросил охоту. Ныне мещёрская тема, а правильное сказать, тема природы и человека, осталась у меня лишь в публицистике — не устаю надсаживать горло, взывая о снисхождении к изнемогающему миру природы.

О своём чистопрудном детстве я рассказал в циклах «Чистые пруды», «Переулки моего детства», «Лето», «Школа». Последние три цикла составили «Книгу детства».

Мои рассказы и повести — это и есть моя настоящая автобиография.

(Из автобиографии Ю. Нагибина)

¹ Эскула́п — врач (шутливое прозвище, по имени бога врачевания в древнеримской мифологии).

² Белый билет — свидетельство о негодности к военной службе по состоянию здоровья.

³ Военко́р — военный корреспондент.

1. Какие жизненные обстоятельства способствовали тому, что Ю. Нагибин стал писателем?
2. Какова роль родителей в выборе им своего жизненного пути?
3. Какие человеческие качества ценил Ю. Нагибин?
4. Объясни, почему «писание — это постижение жизни».

СТАРАЯ ЧЕРЕПАХА

Вася втянул воздух, округлив ноздри, и до самой глубины его проняло крепким, душным запахом зверя. Он поднял глаза. Над дверью висела небольшая вывеска, над ней пожухлыми от южного солнца красками было выведено: «Зоомагазин». За пыльным стеклом витрины мальчик с трудом разглядел пыльное чучело длинноногой и клювастой птицы.

Как плохо мы знаем улицы, по которым ходим изо дня в день! Сколько раз ходил Вася на пляж этой самой улицей, знал там каждый дом, фонарь, каштан, витрину, каждую выщерблину тротуара и выбоину мостовой, и вдруг обнаружилось, что самого главного на этой улице он не приметил.

Но думать об этом не стоит, скорее туда, в этот чудесный, таинственный полумрак...

Мать с привычной покорностью последовала за сыном. Тесный, тёмный магазин необитаем, но, словно покинутая берлога, хранил живой, тёплый дух недавних жильцов. На прилавке лежала горка сухого рыбьего корма, под потолком висели пустые птичьи клетки, а посреди помещения стоял подсвеченный тусклой электрической лампочкой аквариум, усталый ракушками: длинные, извилистые водоросли, слегка подрагивая, обвивали осклизлый каменный грот. Всё это подводное царство было отдано в безраздельное владение жалкому, похожему на кровеносный сосудик мотылю, который тихо извивался, приклеившись к ребристой поверхности ракушки.

Вася долго стоял у аквариума, словно надеясь, что мёртвое великолепие водяного царства вдруг оживёт, затем понуро направился в тёмную глубь магазина. И тут раздался его ликующий вопль:

— Мама, смотри!

Мать сразу всё поняла: такой же самозабвенный вскрик предшествовал появлению в доме аквариума с причудливыми рыбками, клеток с певчими птицами, коллекции бабочек, двухколёсного велосипеда, ящика со столярными инструментами...

Она подошла к сыну. В углу магазина, на дне выстланного соломой ящика, шевелились две крошечные черепашки. Они были не больше Васиного кулака, удивительно новенькие и чистенькие. Черепашки бесстрашно карабкались по стенкам ящика, оскальзывались, падали на дно и снова, проворно двигая светлыми лапками с твёрдыми коготками, лезли наверх.

— Мама! — проникновенно сказал Вася, он даже не добавил грубого слова «купи».

— Хватит нам возни с Машкой, — устало отозвалась мать.

— Мама, да ты посмотри, какие у них мордочки!..

Вася никогда ни в чём не знал отказа, ему всё давалось по шучьему велению. Это хорошо в сказке, но для Васи сказка слишком затянулась. Осенью он пойдёт в школу. Каково придётся ему, когда он откроет, что заклинание утратило всякую силу и жизнь надо брать трудом и терпением? Мать отрицательно покачала головой:

— Нет, три черепахи в доме — это слишком!

— Хорошо, — сказал Вася с вызывающей покорностью. — Если так — давай отдадим Машку, она всё равно очень старая.

— Ты же знаешь, это пустые разговоры.

Мальчик отвернулся от матери и тихо произнёс:

— Тебе просто жалко денег...

«Конечно, он маленький и неповинен ни в дурном, ни в хорошем, — думала мать, — надо только объяснить ему, что он неправ». Но вместо спокойных, мудрых слов поучения она сказала резко:

— Довольно! Сейчас же идём отсюда!

Для Васи это было странное утро. На пляже каждый камень представлялся ему маленькой золотистой черепашкой. Морские медузы и водоросли, касавшиеся его ног, когда он плавал у берега, также были черепашками, которые ластились к нему, Васе, и словно напрашивались на дружбу. В своей рассеянности мальчик даже не ощутил обычной радости купанья, равнодушно вышел из воды по первому зову матери и медленно побрёл за ней

следом. По дороге мать купила его любимый розовый виноград и протянула тяжёлую гроздь, но Вася оторвал всего одну только ягоду и ту позабыл съесть. У него не было никаких желаний и мыслей, кроме одной, неотвязной, как наваждение, и, когда пришли домой, Вася твёрдо знал, что ему делать.

Днём старая черепаха всегда хоронилась в укромных местах: под платяным шкафом, под диваном, уползала в тёмный, захламлённый чулан. Но сейчас Васе повезло: он сразу обнаружил Машку под своей кроватью.

— Машка! Машка! — позвал он её, стоя на четвереньках, но тёмный круглый булыжник долго не подавал никаких признаков жизни. Наконец в щели между щитками что-то зашевелилось, затем оттуда высунулся словно бы птичий клюв и вслед за ним вся голая, приплюснутая голова с подёрнутыми роговой плёнкой глазами мёртвой птицы. По сторонам булыжника отросли куцые лапы. И вот одна передняя лапа медленно, как будто раздумывая, поднялась, слегка вывернулась и со слабым стуком опустилась на пол. За ней, столь же медленно, раздумчиво и неуклюже заработала вторая, и минуты через три Машка выползла из-под кровати.

Вася положил на пол кусочек абрикоса. Машка вытянула далеко вперёд морщинистую, жилистую шею, обнажив тонкие, также изморщеннные перепонки, какими она прикреплялась к панцирю, по-птичьи клюнула дольку абрикоса и разом сглотнула. От второй дольки, предложенной Васей, Машка отвернулась и поползла прочь. В редкие минуты, когда Машке приходила охота двигаться, её вытаращенные глаза не замечали препятствий, сонным и упрямым шагом, мерно переваливаясь, шла она всё вперёд и вперёд, стремясь в какую-то ей одной ведомую даль.

Не было на свете более ненужного существа, чем Машка, но и она на что-то годилась: на ней можно было сидеть и даже стоять. Вася потянулся к Машке и прижал её рукой. И под его ладонью она продолжала скрести пол своими раскоряченными лапами. Её панцирь, составленный из неровных квадратиков и ромбов, весь словно распился от старости, на месте швов пролегли глубокие бороздки, и Вася почему-то раздумал на неё садиться. Он поднял Машку с полу и выглянул в окно.

Мать лежала в гамаке, её лёгкая голова даже не примяла подушки, книга, которую она читала, выпала из её опущенной

вниз руки. Мать спала. Вася спрятал Машку под рубаху и быстро вышел на улицу. Над поредевшим, полусонным от жары базаром высоко и печально звучал детский голос:

— Черепаха! Продаётся черепаха!

Васе казалось, что он стоит так уже много-много часов, прямые жестокие лучи солнца пекли его бедную неприкрытую голову, пот стекал со лба и туманил зрение, каменно-тяжёлая Машка больно оттягивала руки. Во всём теле ощущал он томительную ломящую слабость, его так и тянуло присесть на пыльную землю.

— Черепаха! Продаётся черепаха!

Вася произносил эти слова всё глуше, он словно и боялся, и хотел быть услышанным. Но люди, занятые своим делом, равнодушно проходили мимо него, они не видели ничего необычного в том, что для Васи было едва ли не самым трудным испытанием за всю его маленькую жизнь. Если бы вновь очутиться в родном, покинутом мире, где ему так хорошо жилось под верной маминой защитой!

Но едва только Вася допускал себя до этой мысли, как родной дом сразу утрачивал для него всю прелесть, становился немилым и скучным: ведь тогда пришлось бы навсегда отказаться от весёлых золотистых черепашек.

— Ого, черепаха! Вот это-то мне и надо.

Вася так углубился в себя, что вздрогнул от неожиданности и чуть не выронил Машку из рук. Перед ним стоял рослый, плечистый человек, видимо, портовый грузчик, и с каким-то детским восхищением глядел на старую черепаху.

— Продаёшь, малец?

— Да...

— Сколько просишь?

— Девять... — смущённо сказал Вася, припомнив цену, какую в зоомагазине просили за двух черепашек...

— У меня, понимаешь, сынишка завтра домой, на Тамбовщину уезжает, так охота ему что-нибудь эдакое подарить...

Грузчик порылся в карманах и достал две зелёные и одну жёлтую бумажку.

— Нет у меня с собой девяти, понимаешь, — сказал он озабоченно, — ровно семь.

Художник С. Монахов

Вася был в отчаянии, но не знал, чем помочь большому и, видимо, доброму человеку. «Никогда, никогда больше не буду я торговать».

— Пстой-ка, малец, — нашёлся вдруг грузчик, — я тут близко живу, зайдём ко мне, я тебе вынесу деньги!..

И вот они вместе зашагали с базара. Вася был очень счастлив, всё так хорошо вышло, он был горд своим первым жизненным свершением, к тому же ему нравилось шагать сейчас рядом с этим большим и мужественным человеком, как равный с равным. Справа, в прозоре улицы, открылось полуденное море, и на его сверкающем фоне Вася увидел, как железные руки кранов трудятся над маленьким судёнышком, стоявшим у причала. Огромные мягкие тюки один за другим опускались с неба на палубу, и мальчику казалось странным, что судёнышко не тонет под всем этим грузом. Он хотел было спросить своего спутника, в какие края отплывает пароход, но не успел.

— Вот и пришли, малец. Обожди тут, я мигом!

Вася стоял перед белым одноэтажным домиком, окружённым густо разросшимися кустами акации. Ему показалось странным, что такой большой человек живёт в таком маленьком домике, но он тотчас же забыл об этом и стал внимательно вглядываться в окна, расположенные по фасаду. Ему очень хотелось увидеть мальчика, которому достанется Машка.

— Эх, жаль, сынишки нет дома, — сказал, появляясь, грузчик, — а то познакомились бы. Он у меня самостоятельный, такой вот, как ты, малец. На, принимай монету! Да ты посчитай, денежки счёт любят!

— Нет, зачем же... — пробормотал Вася и протянул покупателю Машку.

Тот взял её в свои большие ладони и приложил к уху, словно часы:

— А она не пустая внутри-то?

Машка как назло не показывалась из своего каменного жилища, и Васе даже стало обидно, что она так равнодушно с ним расстаётся. А грузчик, примостив черепаху против глаз, заглядывал в щель между щитками.

— Нет, вроде что-то там трудится! Ну, бывай здоров, малец, спасибо тебе.

— Вот что, её зовут Машкой... — вдруг быстро и взволнованно заговорил Вася. — Она очень фрукты любит и молоко тоже пьёт, это только считается, что черепахи не пьют молока, а она пьёт, правда, пьёт...

— Ишь ты, — усмехнулся грузчик, — простая тварь, а туда же!

Он сунул Машку в широкий карман своей куртки и пошёл к дому. А Вася растерянно глядел ему вслед. Он хотел очень ещё многое рассказать о Машке, о её повадках, капризах и слабостях, о том, что она хорошая и добрая черепаха и что он, Вася, никогда не знал за ней ничего плохого. В носу у него странно пощипывало, но он нахмурил брови, задержал на миг дыхание, и пощипывание прекратилось. Тогда он крепко зажал в кулаке деньги и со всех ног бросился к зоомагазину.

Когда Вася принёс домой двух маленьких черепашек и в радостном возбуждении поведал матери о всех своих приключениях, она почему-то огорчилась, но не знала ни что сказать, ни как поступить в этом случае. А раз так, лучше обождать и подумать, ведь дети такие сложные и трудные люди...

— Да, да, — только и сказала она задумчиво и печально, — милые зверушки.

Вася не заметил, как прошла вторая половина дня. Малыши были на редкость забавные, смелые и любознательные. Они оползали всю комнату, двигаясь кругами навстречу друг другу, а столкнувшись, не сворачивали в сторону, а лезли друг на дружку, стучаясь панцирем о панцирь. Не в пример старой, угрюмой Машке они не стремились забиться в какой-нибудь потайной угол, а если и хоронились порой, то это выглядело, как игра в прятки. И привередами они тоже не были: чем бы ни угощал их Вася — яблоками ли, картошкой, виноградом, молоком, котлетой, огурцом, — они всё поглощали с охотой и, тараща бусинки глаз, казалось, просили ещё и ещё.

На ночь Вася уложил их в ящик с песком и поставил на виду, против изголовья своей кровати. Ложась спать, он сказал матери счастливым, усталым, полусонным голосом:

— Знаешь, мама, я так люблю этих черепашек!

— Выходит, старый-то друг не лучше новых двух... — заметила мать, накрывая сына одеялом.

Бывают слова, как будто простые и безобидные, которые, будучи сказаны ко времени, вновь и вновь возникают в памяти и не дают тебе жить. В конце концов Машка даже и не другу, Васе, а просто старая, дряхлая черепаха, и ему вовсе не хочется думать о ней. И всё-таки думается ему не о том, какой вот он молодец, сумел раздобыть этих двух весёлых малышей, с которыми так интересно будет завтра играть, а всё о той же никудышной Машке. Думается тревожно, нехорошо...

Почему не сказал он тому человеку, что на ночь Машку надо прятать в темноту? А теперь, наверное, зелёный свет месяца бьёт в её старые глаза. И ещё не сказал он, что к зиме ей надо устроить пещерку из ватного одеяла, иначе она проснётся от своей зимней спячки, как это случилось в первый год её жизни у них, и тогда она может умереть, потому что в пору спячки черепахи не принимают пищи. Он даже не объяснил толком, чем следует кормить Машку, ведь она такая разборчивая...

Конечно, он может завтра же пойти и всё сказать, но захотят ли новые хозяева столько возиться со старой Машкой? Правда, тот человек, кажется, очень добрый, утешал себя Вася, наверное, и сын у него такой же добрый. Но успокоение не приходило. Тогда он натянул одеяло на голову, чтобы поскорее уснуть, но перед ним вновь возникли голые, немигающие птичьи глаза Машки, в которых отражался беспощадный зелёный свет месяца.

Вася сбросил одеяло и сел на кровати. Он уже не испытывал ни жалости к Машке, ни раздражения против матери, отказавшейся держать в доме трёх черепах. Всё это вытеснилось в нём каким-то непонятным, болезненным чувством недовольства собой, обиды на себя. Это чувство было таким большим и незнакомым, что оно не помещалось в Васе, ему нужно было дать выход, и Вася попытался заплакать. Но ничего не получилось, это горькое, едкое чувство высушило в нём все слёзы.

Впервые Васе перестало казаться, что он самый лучший мальчик в мире, достойный иметь самую лучшую маму, самые лучшие игрушки, самые лучшие удовольствия. «Но что я такое сделал? — спрашивал он себя с тоской. — Продал старую, совершенно ненужную мне черепаху». — «Да, она тебе не нужна, — прозвучал ответ, — но ты ей нужен. Всё, что есть хорошего на свете, было для тебя, а ты для кого был?» — «Я кормлю рыб, я меняю им воду». — «Да, пока тебе с ними весело, а не будет весело, ты сделаешь с ними то же, что и с Машкой». — «А почему же нельзя так делать?..»

Вася не мог найти ответа, но ответ был в его растревоженном сердце, впервые познавшем простую, но неведомую истину: не только мир существует для тебя, но и ты для мира. И с этим новым чувством возникло в нём то новое, неотвратимое веление, название которого — долг — Вася узнает гораздо позднее. И это веление заставило Васю вскочить с кровати и быстро натянуть одежду.

Свет месяца лежал на полу двумя квадратами, перечёркнутыми каждый чёрным крестом. В тишине отчётливо тикали мамины крошечные ручные часики. Разбудить маму? Нет, сказала Васе его новое, мягкое, горячее сердце: мама устала, и ей так трудно бывает уснуть. Ты сам должен всё сделать...

Вася нащупал ящик черепашек, два гладких, тяжёлых кругляша, как будто налитых ртутью. Но этого может оказаться мало, а он должен действовать наверняка.

Сунув черепашек под рубашку, Вася отправил туда же коробку с новыми оловянными солдатиками, затем подумал, снял с гвоздя ружьё и повесил его через плечо.

Выйдя из комнаты, мальчик тихонько притворил за собой дверь. Он и раньше подозревал, что ночью в мире творятся странные дела, и сейчас с каким-то замирающим торжеством сказал себе: «Я так и знал», увидев, что яблоневый садик подкрался почти к самому крыльцу, а флигелёк, в котором жили хозяева, отвалился в чёрную, затенённую глубь двора.

По двору носились щенки старой Найны, и каждый катил перед собой тёмный клубок своей тени. Ласковые и приветливые днём, они не обратили ни малейшего внимания на Васю, занятые

своим ночным делом. Только сама Найна, втянув ноздрями Васин запах, глухо заворчала и звякнула цепью. Чувство незнакомой враждебности мира тоскливо защемило сердце мальчика.

Трудным шагом приблизился Вася к деревьям, побелённым луной. Не было ни малейшего ветерка, но все листочки на деревьях шевелились, шорох и слабый скрип стояли над ночным садом, будто деревья сговаривались о чём-то своём, ночном. И Васе вспомнилась его придумка, будто деревья по ночам ходят купаться в море. Он придумал это вполусерьёз, удивлённый тем, что за всё их пребывание в здешнем крае ни разу не выпал дождь, а ведь деревья не могут жить без влаги. Но сейчас эта придумка неприятно охледила ему спину.

Что-то пронеслось мимо его лица, задев щёку лёгким трепетанием крыльев. Летучая мышь? Нет, летучая мышь распарывает тьму с такой быстротой, что её скорее угадываешь, чем видишь. А сейчас он успел заметить за частым биением крыльев толстенное веретенообразное туловище.

«Мёртвая голова!» — догадался Вася и тотчас же увидел её: большая бабочка, сложив треугольником крылья, уселась на ствол яблоньки, освещённый как днём. На её широкой спинке отчётливо рисовался череп с чёрными пятнами глазниц и щелью рта. Неутомимый ночной летун был в его руках, отныне его коллекция пополнится новым, крупным экземпляром. Вася уже почувствовал, как забьётся, щекоча ладонь, накрытая рукой гигантская бабочка. Но полный какого-то нового, бережного отношения ко всему живому, Вася подавил в себе чувство охотника и лишь погладил мизинцем вощёную спинку бражника. Словно доверяя ему, бражник не сорвался в полёт, а сонно пошевелил усиками и переполз чуть выше. На своём коротком пути он задел спящего на том же стволе жука. Жук приподнял спинные роговицы, почесал одну о другую задние ножки и, не вступая в спор — места на всех хватит — чуть подвинулся, да только неумело: отдал ножку своей соседке, какой-то длинной сухой козявке. И вот десятки мелких существ заворошились на стволе яблоньки и снова улеглись спать.

Вася с улыбкой наблюдал их сонную кутерьму, он даже не подозревал, что их так много здесь, на этом тонком стволике. Хоронятся, таятся днём, сколько силёнок тратят, чтобы уберечься

от него, Васи, а сейчас — нате-ка! — разлеглись во всей своей незащищенности. И он мысленно пожелал им спокойной ночи, как старший собрат по жизни.

Вася вышел на улицу спокойным и уверенным шагом сильного и доброго человека, но он ещё далеко не стал хозяином ночи. Луна высоко стояла в небе. Залитая её светом, холодно и странно светилась бледная ширь улицы. А на дальнем её конце вздымалась глухая чёрная стена, рассечённая серебряной щелью. «Море!» — страшно встала догадка. Днём плоское, как вода в блюде, море стало сейчас на дыбы, грозно нависло над городом. Как будто ледяной палец пересчитал косточки Васиного хребта. Вася оглянулся на калитку. Какой же уютной и покойной показалась ему сейчас кроткая ночь сада!

— Не смей, — сказал он себе и заставил себя думать о том, куда и зачем он идёт, и думал до тех пор, пока тело его стало послушно не страху, а большой и важной мысли...

Возможно, что мать сквозь сон уловила какой-нибудь непривычный шум или почувствовала тревожную пустоту комнаты, в которой больше не было её сына. Она встала, натянула платье, нащупала босой ногой туфли и подошла к Васиной постели. Одежда лежала комком, простыня хранила маленькую вдавленность, след его тела. Мать заглянула в черепаший ящик — черепашек там не было, и она сразу всё поняла. Набросив на плечи плащ, она вышла из дому и быстро зашагала туда, где, по рассказу Васи, находился белый домик с палисадником. Вскоре она увидела впереди фигурку сына.

Вася шёл по середине улицы, обсаженной густыми каштанами. Он казался таким крошечным на пустынной мостовой, под высокими деревьями, что у неё сжалось сердце, и чтобы побороть это ненужное чувство, она стала смотреть на его длинную, будто бы взрослую тень, тень солдата с ружьём за спиной. Она шла и думала о том, что очень трудно вырастить человека, для этого надо глубоко и трудно жить, и какое счастье, если у её мальчика будет сильное и верное сердце. Мать не окликнула Васю, она решила охранять его издали, чтобы не помешать первому доброму подвигу сына.

1954

1. Почему Вася сначала с лёгкостью решил обменять старую черепаху на двух маленьких? Как показывает писатель, что живое существо для мальчика нечто вроде игрушки?

2. Когда и как переменялось душевное состояние Васи? Почему это произошло?

 3. Выразительно прочитай, как показывает писатель мучения растревоженной души Васи. Какое чувство не давало ему покоя? Что заставило Васю ночью идти к покупателю Машки?

 4. Как ты понимаешь слово «долг»? Найди его объяснение в толковых словарях, например в словаре В. И. Даля или словаре С. И. Ожегова. В каком смысле употреблено это слово в рассказе?

5. Как ты думаешь, почему Вася не разбудил мать? Почему он не тронул насекомых, за которыми охотился раньше?

 6. Поступок Васи назван в рассказе его «первым подвигом». Можно ли согласиться с таким определением?

Слово «подвиг» произошло от старославянского «подвигнутися», то есть «потрудиться», «совершить труд». По словарю С. И. Ожегова, подвиг — это героический, самоотверженный поступок. «Самоотверженный» — значит жертвующий своими интересами ради других.

7. Известно ли тебе выражение «труд души»? О труде души пишет Л. Н. Толстой в книге «Путь жизни»:

«Нам кажется, что настоящая работа только над чем-нибудь видимым: строить дом, пахать поле, кормить скот, а работа над своей душой, над чем-то невидимым — дело неважное, такое, какое можно делать, а можно и не делать, а между тем... Только одна эта работа настоящая, и все остальные работы полезны только тогда, когда делается эта главная работа жизни.

Становиться лучше и лучше — в этом всё дело жизни, а становиться лучше можно только усилиями.

Всякий знает, что без усилий в телесном труде ничего не сделаешь. Надо понимать, что и в главном деле жизни, в жизни души, тоже ничего не сделаешь без усилия».

Какие слова и поступки матери Васи, по твоему мнению, помогают ему совершать труд души, становиться хорошим человеком?

 8. Какой момент в описанной истории ты считаешь кульминационным? Объясни почему.

Кроме рассказов и повестей, Ю. Нагибин писал **сценарии** — *литературные произведения, на основе которых создаются кинофильмы*¹. Это заметно по прочитанному рассказу. Он во многом напоминает литературный сценарий.

Цвет и свет в кино играют большую роль. И писатель-сценарист учитывает это: «свет месяца лежал на полу двумя квадратами, перечёркнутыми каждый чёрным крестом», «прямые жестокие лучи солнца пекли его бедную неприкрытую голову». Он даёт множество зримых *деталей и подробностей*: «каждый катил перед собой тёмный клубок своей тени», «деревья, побелённые луной», «толстенькое веретенообразное туловище».

Найди в рассказе подобные примеры.

В сценарии как бы постоянно присутствует глаз кинокамеры. Лицо персонажа приближено к зрителю, и мы «читаем» на этом лице переживания героя — оно дано *крупным планом*. Крупным планом могут быть изображены отдельные предметы или даже части предметов, человеческого тела, например руки труженика или холёные ручки. Напротив, *общий*, или *дальний*, *план* — это показ широкого пространства, допустим вида города с какой-то высокой точки. Есть и *средний план*: человек изображается в рост или по пояс на фоне окружающей обстановки.

Определи, что в рассказе Ю. Нагибина изображено крупным и что — общим планом.

Как ты думаешь почему?

¹ По сценариям Ю. М. Нагибина снято множество замечательных фильмов, в том числе «Председатель», «Дерсу Узала» (сценарий написан по роману выдающегося учёного и писателя В. К. Арсеньева «Дерсу Узала», фильм снят японским режиссёром Акирой Курасавой), «Ночной гость». Ю. М. Нагибин — один из сценаристов фильма «Чайковский», сериала «Гардемарины, вперёд!».

Александр Яковлевич Яшин¹

(1913—1968)

КУЛИК

В болоте целый день ухлопав,
Наткнулся я на кулика.
Он из гнезда, как из окопа,
Следил за мной издалека.

Как трудно быть ему героем:
Того гляди, возьму живьём,
А он один в гнезде своём,
Как в поле воин
Перед боем
С противотанковым ружьём.

Взлететь иль нет?
А вдруг замечу,
Со всем хозяйством загублю?
А не замечу —
Искалечу,
Ногой сослэпу наступлю?

Зачем играть со смертью в прятки?
Я на него взглянул любя
И — мимо, мимо без оглядки...
Сиди, родимый,
Всё в порядке,
Я просто не видал тебя.

1966

¹ Детство А. Я. Яшина (А. Я. Попова) прошло в деревне Блудново на Вологодской земле, где сохранилась поэзия живого народного слова, без которой крестьянский мальчик не мог бы стать замечательным поэтом. С 1928 года стихи А. Яшина стали появляться в газете города Никольска, где поэт учился в педагогическом техникуме. В 1935 году поэт переезжает в Москву и поступает в Литературный институт. Когда началась Великая Отечественная война, А. Яшин добровольцем ушёл на фронт, участвовал в боях, работал во фронтовых газетах. Для признанного поэта родной уголок на Вологодчине навсегда остался самым притягательным местом.

Какая мысль сближает рассказ Ю. М. Нагибина и стихотворение А. Я. Яшина? Почему в наше время она становится особенно значимой и важной?

Валентин Григорьевич Распутин

(Родился в 1937 году)

...Любовь и ненависть, счастье и горе, совесть и долг. Каждое новое время привносит в эти понятия свои отличительные признаки, они-то и метят время, но сами эти понятия при всей их сложности и хрупкости остаются неизменными.

...Что же и есть культура, как не мера красоты и добра...

В. Распутин

Деревенское детство Валентина Григорьевича Распутина прошло на берегу Ангары, в Иркутской области. После школы он учился на историко-филологическом факультете Иркутского государственного университета, готовился быть учителем. Студентом впервые опубликовался в иркутской газете «Советская молодёжь» — и жизнь его на долгие годы оказалась связанной с журналистикой.

Газетный очерк со временем перестал удовлетворять журналиста — и родился его первый рассказ.

Спустя несколько лет появилась и первая повесть В. Г. Распутина «Деньги для Марии», принёсшая ему известность.

Распутин целиком посвятил себя писательству. Последующие произведения поставили его в ряд самых заметных современных писателей.

В. Г. Распутин
Фото А. Заболоцкого

ИЗ ИНТЕРВЬЮ¹ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

(Записала В. Помазнева)

— У Виктора Астафьева в его произведениях много автобиографичного. Каково соотношение автобиографизма и вымысла у вас?

— Прямого автобиографизма как такового очень немного. Пожалуй, только в рассказе «Уроки французского». Но я думаю, о чём бы ни говорил писатель, каких бы героев — положительных или отрицательных в общепринятом смысле — ни выводил, он во многом наполняет их своей жизнью, своими чувствами и своим опытом.

— Какой источник питает вас как писателя?

— Их, как у всякого писателя, несколько: жизнь вокруг нас, книги, великий русский язык, собственная душа и так далее. Во всём этом легко растеряться и затеряться, оказаться подавленным и сбитым с толку могуществом каждого источника в отдельности. Выручает в таких случаях та скромная и посильная задача, которую ставишь перед собой, начиная работу... Помогают люди, согласившиеся пойти за тобой, как в тёмный лес, в книгу, чтобы сказать слово, которое нашло бы отзвук²...

Я сознательно говорю «люди», а не «герои», потому что от того, как ты с самого начала смотришь на них, зависят и общее отношение к ним, мера ответственности за них, степень их жизнедеятельности и естественности, согласия с твоими взглядами.
<...>

— В чём вы видите конечный результат писательского труда?

— Хотя в малой степени способствовать правильному строительству человеческой души... Прежде всего воспитание чувств.

¹ *Интервью* — предназначенная для печати или передачи по радио, телевидению беседа журналиста с одним или несколькими лицами по каким-либо вопросам, имеющим общественное значение.

² Писатель имеет в виду людей, ставших героями его книг, как он говорит — «пошедших в книгу».

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

Анастасии Прокопьевне Копыловой

Странно: почему мы так же, как и перед родителями, всякий раз чувствуем свою вину перед учителями? И не за то вовсе, что было в школе, — нет, а за то, что случилось с нами после.

* * *

Я пошёл в пятый класс в сорок восьмом году. Правильней сказать, поехал: у нас в деревне была только начальная школа, поэтому, чтобы учиться дальше, мне пришлось снаряжаться из дому за пятьдесят километров в райцентр. За неделю раньше туда съездила мать, уговорилась со своей знакомой, что я буду квартировать у неё, а в последний день августа дядя Ваня, шофёр единственной в колхозе полуторки, выгрузил меня на улице Подкаменной, где мне предстояло жить, помог занести в дом узел с постелью, ободряюще похлопал на прощанье по плечу и укатил. Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная жизнь.

Голод в тот год ещё не отпустил, а нас у матери было трое, я самый старший. Весной, когда пришлось особенно туго, я глотал сам и заставлял глотать сестрёнку глазки проросшей картошки и зёрна овса и ржи, чтобы развести посадки в животе, — тогда не придётся всё время думать о еде. Всё лето мы старательно поливали свои семена чистой ангарской водичкой, но урожая почему-то не дождались или он был настолько мал, что мы его не почувствовали. Впрочем, я думаю, что затея эта не совсем бесполезная и человеку когда-нибудь ещё пригодится, а мы по неопытности что-то там делали неверно.

Трудно сказать, как решилась мать отпустить меня в район (райцентр у нас называли районом). Жили мы без отца, жили совсем плохо, и она, видно, рассудила, что хуже уже не будет — некуда. Учился я хорошо, в школу ходил с удовольствием и в деревне признавался за грамотея: писал за старух и читал письма, перебрал все книжки, которые оказались в нашей неказистой библиотеке, и по вечерам рассказывал из них ребятам всякие истории, больше того добавляя от себя. Но особенно в меня верили, когда дело касалось облигаций. Их за войну у людей скопилось много, таблицы выигрышей приходили часто,

и тогда облигации несли ко мне. Считалось, что у меня счастливый глаз. Выигрыши и правда случались, чаще всего мелкие, но колхозник в те годы рад был любой копейке, а тут из моих рук сваливалась и совсем нечаянная удача. Радость от неё несколько перепадала и мне. Меня выделяли из деревенской ребятни, даже подкармливали: однажды дядя Илья, в общем-то скупой, прижимистый старик, выиграв четыреста рублей, сгоряча нагрёб мне ведро картошки — под весну это было немалое богатство.

И всё потому же, что я разбирался в номерах облигаций, матери говорили:

— Башковитый у тебя парень растёт. Ты это... давай учи его. Грамота зря не пропадёт.

И мать, наперекор всем несчастьям, собрала меня, хотя до того никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первый. Да я и не понимал как следует, что мне предстоит, какие испытания ждут меня, голубчика, на новом месте.

Учился я и тут хорошо. Что мне оставалось? — затем я сюда и приехал, другого дела у меня здесь не было, а относиться спустя рукава к тому, что на меня возлагалось, я тогда ещё не умел. Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня невыученным хоть один урок, поэтому по всем предметам, кроме французского, у меня держались пятёрки.

С французским у меня не ладилось из-за произношения. Я легко запоминал слова и обороты, быстро переводил, прекрасно справлялся с трудностями правописания, но произношение с головой выдавало всё моё ангарское происхождение вплоть до последнего колена, где никто сроду не выговаривал иностранных слов, если вообще подозревал об их существовании. Я шпарил по-французски на манер наших деревенских скороговорок, половину звуков за ненадобностью проглатывая, а вторую половину выпаливая короткими лающими очередями. Лидия Михайловна, учительница французского, слушая меня, бессильно морщилась и закрывала глаза. Ничего подобного она, конечно, не слыхивала. Снова и снова она показывала, как произносятся носовые, сочетания гласных, просила повторять, — я терялся, язык у меня во рту деревенел и не двигался. Всё было впустую. Но самое страшное начиналось, когда я приходил из школы. Там я невольно отвлекался, всё время вынужден был что-то делать,

там меня тормозили ребята, вместе с ними — хочешь не хочешь — приходилось двигаться, играть, а на уроках — работать. Но едва я оставался один, сразу наваливалась тоска — тоска по дому, по деревне. Никогда раньше даже на день я не отлучался из семьи и, конечно, не был готов к тому, чтобы жить среди чужих людей. Так мне было плохо, так горько и постыло! — хуже всякой болезни. Хотелось только одного, мечталось об одном — домой и домой. Я сильно похудел: мать, приехавшая в конце сентября, испугалась за меня. При ней я крепился, не жаловался и не плакал, но, когда она стала уезжать, не выдержал и с рёвом погнался за машиной. Мать махала мне рукой из кузова, чтобы я отстал, не позорил себя и её, — я ничего не понимал. Тогда она решилась и остановила машину.

— Собирайся, — потребовала она, когда я подошёл. — Хватит, отучился, поедem домой.

Я опомнился и убежал.

Но похудел я не только из-за тоски по дому. К тому же ещё я постоянно недоедал. Осенью, пока дядя Ваня возил на своей полуторке хлеб в Заготзерно, стоявшее неподалёку от райцентра, еду мне посылали довольно часто, примерно раз в неделю. Но вся беда в том, что мне её не хватало. Ничего там не было, кроме хлеба и картошки, изредка мать набивала в баночку творогу, который у кого-то под что-то брала: корову она не держала. Привезут — кажется много,хватишься через два дня — пусто. Я очень скоро стал замечать, что добрая половина моего хлеба куда-то самым таинственным образом исчезает. Проверил — так и есть: был — нету. То же самое творилось с картошкой. Кто потаскивал — тётя Надя ли, крикливая, замотанная женщина, которая одна мыкалась с тремя ребятишками, кто-то из её старших девчонок или младший, Федька, — я не знал, я боялся даже думать об этом, не то что следить. Обидно было только, что мать ради меня отрывает последнее от своих, от сестрёнки с братишкой, а оно всё равно идёт мимо. Но я заставил себя смириться и с этим. Легче матери не станет, если она услышит правду.

Голод здесь совсем не походил на голод в деревне. Там всегда, и особенно осенью, можно было что-то перехватить, сорвать, выкопать, поднять, в Ангаре ходила рыба, в лесу летала птица.

Тут для меня всё вокруг было пусто: чужие люди, чужие огороды, чужая земля. Небольшую речушку на десять рядов процеживали бреднями. Я как-то в воскресенье просидел с удочкой весь день и поймал трёх маленьких, с чайную ложку, пескариков — от такой рыбалки тоже не раздобреешь. Больше не ходил — что зря время переводить! По вечерам околачивался у чайной, на базаре, запоминая, что почём продают, давился слюной и шёл ни с чем обратно. На плите у тети Нади стоял горячий чайник; пошвырнув гольного кипяточку и согрев желудок, ложился спать. Утром опять в школу. Так и дотягивал до того счастливого часа, когда к воротам подъезжала полупторка и в дверь стучал дядя Ваня. Наголодавшись и зная, что харч мой всё равно долго не продержится, как бы я его ни экономил, я наедался до отвала, до рези в животе, а затем, через день или два, снова подсаживал зубы на полку.

* * *

Однажды, ещё в сентябре, Федька спросил у меня:

— Ты в «чику» играть не боишься?

— В какую «чику»? — не понял я.

— Игра такая. На деньги. Если деньги есть, пойдём сыграем.

— Нету.

— И у меня нету. Пойдём так, хоть посмотрим. Увидишь, как здорово.

Федька повёл меня за огороды. Мы прошли по краю продолговатого, грядой, холма, сплошь заросшего крапивой, уже чёрной, спутанной, с отвисшими ядовитыми гроздьями семян, перебрались, прыгая по кучам, через старую свалку и в низинке, на чистой и ровной небольшой поляне, увидели ребят. Мы подошли. Ребята насторожились. Все они были примерно тех же лет, что и я, кроме одного — рослого и крепкого, заметного своей силой и властью, парня с длинной рыжей чёлкой. Я вспомнил: он ходил в седьмой класс.

— Этого ещё зачем привёл? — недовольно сказал он Федьке.

— Он свой, Вадик, свой, — стал оправдываться Федька. — Он у нас живёт.

— Играть будешь? — спросил меня Вадик.

— Денег нету.

— Гляди, не вякни кому, что мы здесь.

— Вот ещё! — обиделся я.

Больше на меня не обращали внимания, я отошёл в сторонку и стал наблюдать. Играли не все — то шестеро, то семеро, остальные только глазели, болея в основном за Вадика. Хозяйничал здесь он, это я понял сразу.

Разобраться в игре ничего не стоило. Каждый выкладывал на кон по десять копеек, стопку монет решками вверх опускали на площадку, ограниченную жирной чертой метрах в двух от кассы, а с другой стороны, от валуна, вросшего в землю и служившего упором для передней ноги, бросали круглую каменную шайбу. Бросать её надо было с тем расчётом, чтобы она как можно ближе подкатилась к черте, но не вышла за неё, — тогда ты получал право первым разбивать кассу. Били всё той же шайбой, стараясь перевернуть монеты на орла. Перевернул — твоя, бей дальше, нет — отдай это право следующему. Но важнее всего считалось ещё при броске накрыть шайбой монеты, и если хоть одна из них оказывалась на орле, вся касса без разговоров переходила в твой карман, и игра начиналась снова.

Вадик хитрил. Он шёл к валуну после всех, когда полная картина очерёдности была у него перед глазами и он видел, куда бросать, чтобы выйти вперёд. Деньги доставались первым, до последних они доходили редко. Наверное, все понимали, что Вадик хитрит, но сказать ему об этом никто не смел. Правда, и играл он хорошо. Подходя к камню, чуть приседал, прищурившись, наводил шайбу на цель и неторопливо, плавно выпрямлялся — шайба выскальзывала из его руки и летела туда, куда он метил. Быстрым движением головы он забрасывал съехавшую чёлку наверх, небрежно сплёвывал в сторону, показывая, что дело сделано, и ленивым, нарочито замедленным шагом ступал к деньгам. Если они были в куче, бил резко, со звоном, одиночные же монетки трогал шайбой осторожно, с накатиком, чтобы монетка не билась и не крутилась в воздухе, а, не поднимаясь высоко, всего лишь переваливалась на другую сторону. Никто больше так не умел. Ребята лупили наобум и доставали новые монеты, а кому нечего было доставать, переходили в зрители.

Мне казалось, что, будь у меня деньги, я бы смог играть. В деревне мы возились с бабками, но и там нужен точный глаз.

А я, кроме того, любил придумывать для себя забавы на меткость: наберу горсть камней, отыщу цель потруднее и бросаю в неё до тех пор, пока не добьюсь полного результата — десять из десяти. Бросал и сверху, из-за плеча, и снизу, навешивая камень над целью. Так что кой-какая сноровка у меня была. Не было денег.

Мать потому и отправляла мне хлеб, что денег у нас не водилось, иначе я покупал бы его и здесь. Откуда им в колхозе взяться? Всё же раза два она подкладывала мне в письмо по пятёрке — на молоко. На теперешние это пятьдесят копеек, не разживёшься, но всё равно деньги, на них на базаре можно было купить пять поллитровых баночек молока, по рублю за баночку. Молоко мне наказано пить от малокровия, у меня часто ни с того ни с сего принималась вдруг кружиться голова.

Но, получив пятёрку в третий раз, я не пошёл за молоком, а разменял её на мелочь и отправился за свалку. Место здесь было выбрано с толком, ничего не скажешь: полянка, замкнутая холмами, ниоткуда не просматривалась. В селе, на виду у взрослых, за такие игры гоняли, грозили директором и милицией. Тут нам никто не мешал. И недалеко, за десять минут добежишь.

В первый раз я спустил девяносто копеек, во второй — шестьдесят. Денег было, конечно, жалко, но я чувствовал, что приноравливаюсь к игре, рука постепенно привыкала к шайбе, училась отпускать для броска ровно столько силы, сколько требовалось, чтобы шайба пошла верно, глаза тоже учились заранее знать, куда она упадёт и сколько ещё прокатится по земле. По вечерам, когда все расходились, я снова возвращался сюда, доставал из-под камня спрятанную Вадиком шайбу, выгребал из кармана свою мелочь и бросал, пока не темнело. Я добился того, что из десяти бросков три или четыре угадывали точно на деньги.

И наконец наступил день, когда я остался в выигрыше.

Осень стояла тёплая и сухая. Ещё и в октябре пригревало так, что можно было ходить в рубашке, дожди выпадали редко и казались случайными, ненароком занесёнными откуда-то из непогоды слабым попутным ветерком. Небо синело совсем по-летнему, но стало словно бы уже, и солнце заходило рано. Над холмами в чистые часы курился воздух, разнося горьковатый, дурманящий запах сухой полыни, ясно звучали дальние голоса, кричали отлетающие птицы. Трава на нашей полянке,

пожелтевшая и сморённая, всё же осталась живой и мягкой, на ней возились свободные от игры, а лучше сказать, проигравшиеся ребята.

Теперь каждый день после школы я прибежал сюда. Ребята менялись, появлялись новички, и только Вадик не пропускал ни одной игры. Она без него и не начиналась. За Вадиком, как тень, следовал большеголовый, стриженный под машинку, коренастый парень, по прозвищу Птаха. В школе я Птаху до этого не встречал, но, забегая вперёд, скажу, что в третьей четверти он вдруг, как снег на голову, свалился на наш класс. Оказывается, остался в пятом на второй год и под каким-то предлогом устроил себе до января каникулы. Птаха тоже обычно выигрывал, хоть и не так, как Вадик, поменьше, но в убытке не оставался. Да потому, наверно, и не оставался, что был заодно с Вадиком и тот ему потихоньку помогал.

Из нашего класса на полянку иногда набегал Тишкин, суетливый, с моргающими глазёнками мальчишка, любивший на уроках поднимать руку. Знает, не знает — всё равно тянет. Вызовут — молчит.

— Что ж ты руку поднимал? — спрашивают Тишкина.

Он шлёпал своими глазёнками:

— Я помнил, а пока вставал, забыл.

Я с ним не дружил. От робости, молчаливости, излишней деревенской замкнутости, а главное — от дикой тоски по дому, не оставлявшей во мне никаких желаний, ни с кем из ребят я тогда ещё не сошёлся. Их ко мне тоже не тянуло, я оставался один, не понимая и не выделяя из горького своего положения одиночества: один — потому что здесь, а не дома, не в деревне, там у меня товарищей много.

Тишкин, казалось, и не замечал меня на полянке. Быстро проигравшись, он исчезал и появлялся снова не скоро.

А я выигрывал. Я стал выигрывать постоянно, каждый день. У меня был свой расчёт: не надо катать шайбу по площадке, добываясь права на первый удар; когда много играющих, это не просто: чем ближе тянешься к черте, тем больше опасности перевалить за неё и остаться последним. Надо накрывать кассу при броске. Так я и делал. Конечно, я рисковал, но при моей сноровке это был оправданный риск. Я мог проиграть три, че-

тыре раза подряд, зато на пятый, забрав кассу, возвращал свой проигрыш втройне. Снова проигрывал и снова возвращал. Мне редко приходилось стучать шайбой по монетам, но и тут я пользовался своим приёмом: если Вадик бил с накатом на себя, я, наоборот, тюкал от себя — так было непривычно, но так шайба придерживала монету, не давала ей вертеться и, отходя, переворачивала вслед за собой.

Теперь у меня появились деньги. Я не позволял себе чересчур увлекаться игрой и торчать на полянке до вечера, мне нужен был только рубль, каждый день по рублю. Получив его, я убегал, покупал на базаре баночку молока (тетки ворчали, глядя на мои согнутые, побитые, истерзанные монеты, но молоко наливали), обедал и садился за уроки. Досыта всё равно я не наедался, но уже одна мысль, что я пью молоко, прибавляла мне силы и смиряла голод. Мне стало казаться, что и голова теперь у меня кружится гораздо меньше.

Поначалу Вадик спокойно относился к моим выигрышам. Он и сам не оставался в накладе, а из его карманов вряд ли мне что-нибудь перепало. Иногда он даже похваливал меня: вот, мол, как надо бросать, учитесь, мазины. Однако вскоре Вадик заметил, что я слишком быстро выхожу из игры, и однажды остановил меня:

— Ты что это — загрёб кассу и драть? Ишь шустрый какой! Играй.

— Мне уроки надо, Вадик, делать, — стал отговариваться я.

— Кому надо делать уроки, тот сюда не ходит.

А Птаха подпел:

— Кто тебе сказал, что так играют на деньги? За это, хочешь знать, бьют маленько. Понял?

Больше Вадик не давал мне шайбу раньше себя и подпускал к камню только последним. Он хорошо бросал, и нередко я лез в карман за новой монетой, не прикоснувшись к шайбе. Но я бросал лучше, и если уж мне доставалась возможность бросать, шайба, как намагниченная, летела точно на деньги. Я и сам удивлялся своей меткости, мне надо бы догадаться придерживаться её, играть незаметней, а я бесхитростно и безжалостно продолжал бомбить кассу. Откуда мне было знать, что никогда и никому ещё не прощалось, если в своём деле он вырывается

вперёд? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всех ненавидит его тот, кто идёт за ним следом. Эту науку мне пришлось в ту осень постигнуть на собственной шкуре.

Я только что опять угодил в деньги и шёл собирать их, когда заметил, что Вадик наступил ногой на одну из рассыпавшихся по сторонам монет. Все остальные лежали вверх решками. В таких случаях при броске обычно кричат «в склад!», чтобы — если не окажется орла — собрать для удара деньги в одну кучу, но я, как всегда, понадеялся на удачу и не крикнул.

— Не в склад! — объявил Вадик.

Я подошёл к нему и попытался сдвинуть его ногу с монеты, но он оттолкнул меня, быстро схватил её с земли и показал мне решку. Я успел заметить, что монета была на орле, — иначе он не стал бы её закрывать.

— Ты перевернул её, — сказал я. — Она была на орле, я видел.

Он сунул мне под нос кулак.

— А этого ты не видел? Понюхай, чем пахнет.

Мне пришлось смириться. Настаивать на своём было бессмысленно; если начнётся драка, никто, ни одна душа за меня не заступится, даже Тишкин, который вертелся тут же.

Злые, прищуренные глаза Вадика смотрели на меня в упор. Я нагнулся, тихонько ударил по ближней монете, перевернул её и подвинул вторую. «Хлюзда на правду наведёт, — решил я. — Всё равно я их сейчас все заберу». Снова наставил шайбу для удара, но опустить уже не успел: кто-то вдруг сильно поддал мне сзади коленом, и я неловко, склонённой вниз головой, ткнулся в землю. Вокруг засмеялись.

За мной, ожидающе улыбаясь, стоял Птах. Я опешил:

— Чего-о ты?!

Художник Ю. Тризна

— Кто тебе сказал, что это я? — отпёрся он. — Приснилось, что ли?

— Давай сюда! — Вадик протянул руку за шайбой, но я не отдал её. Обида перехлестнула во мне страх, ничего на свете я больше не боялся. За что? За что они так со мной? Что я им сделал?

— Давай сюда! — потребовал Вадик.

— Ты перевернул ту монетку! — крикнул я ему. — Я видел, что перевернул. Видел.

— Ну-ка повтори, — надвигаясь на меня, попросил он.

— Ты перевернул её, — уже тише сказал я, хорошо зная, что за этим последует.

Первым, опять сзади, меня ударил Птах. Я полетел на Вадика, он быстро и ловко, не примериваясь, поддел меня головой в лицо, и я упал, из носу у меня брызнула кровь. Едва я вскочил, на меня снова набросился Птах. Можно было ещё вырваться и убежать, но я почему-то не подумал об этом. Я вертелся меж Вадиком и Птахой, почти не защищаясь, зажимая ладонью нос, из которого хлестала кровь, и в отчаянии, добавляя им ярости, упрямо выкрикивая одно и то же:

— Перевернул! Перевернул! Перевернул!

Они били меня по очереди, один и второй, один и второй. Кто-то третий, маленький и злобный, пинал меня по ногам, потом они почти сплошь покрылись синяками. Я старался только не упасть, ни за что больше не упасть, даже в те минуты мне казалось это позором. Но в конце концов они повалили меня на землю и остановились.

— Иди отсюда, пока живой! — скомандовал Вадик. — Быстро!

Я поднялся и, всхлипывая, швыряя омертвевшим носом, поплёлся в гору.

— Только вякни кому — убьём! — пообещал мне вслед Вадик.

Я не ответил. Всё во мне как-то затвердело и сомкнулось в обиде, у меня не было сил достать из себя слово. И только поднявшись на гору, я не утерпел и, словно сдурев, закричал что было мочи — так что слышал, наверное, весь посёлок:

— Переверну-у-ул!

За мной кинулся было Птаха, но сразу вернулся, — видно, Вадик рассудил, что с меня хватит, и остановил его. Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, заткнутой вокруг чёрной крапивой, упал на жёсткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал.

Не было в тот день и не могло быть во всё́м белом свете человека несчастнее меня.

Утром я со страхом смотрел на себя в зеркало: нос вспух и раздулся, под левым глазом синяк, а ниже его, на щеке, изгибается жирная кровавая ссадина. Как идти в школу в таком виде, я не представлял, но как-то идти надо было, пропускать по какой бы то ни было причине уроки я не решался. Допустим, носы у людей и от природы случаются почище моего, и если бы не привычное место, ни за что не догадаешься, что это нос, но ссадину и синяк ничем оправдать нельзя: сразу видно, что они красуются тут не по моей доброй воле.

Прикрывая глаз рукой, я юркнул в класс, сел за свою парту и опустил голову. Первым уроком, как назло, был французский. Лидия Михайловна, по праву классного руководителя, интересовалась нами больше других учителей, и скрыть от неё что-либо было трудно. Она входила, здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы и шутливые, но обязательные для исполнения замечания. И знаки на моём лице она, конечно, увидела сразу, хоть я, как мог, и прятал их; я понял это потому, что на меня стали оборачиваться ребята.

— Ну вот, — сказала Лидия Михайловна, открывая журнал. — Сегодня среди нас есть раненые.

Класс засмеялся, а Лидия Михайловна снова подняла на меня глаза. Они у неё косили и смотрели словно бы мимо, но мы к тому времени уже научились распознавать, куда они смотрят.

— И что случилось? — спросила она.

— Упал, — брякнул я, почему-то не догадавшись заранее придумать хоть мало-мальски приличное объяснение.

— Ой, как неудачно. Вчера упал или сегодня?

— Сегодня. Нет, вчера вечером, когда темно было.

— Хи, упал, — выкрикнул Тишкин, захлёбываясь от радости. — Это ему Вадик из седьмого класса поднёс. Они на деньги играли, а он стал спорить и заработал. Я же видел. А говорит — упал.

Я остолбенел от такого предательства. Он что — совсем ничего не понимает, или это он нарочно? За игру на деньги у нас в два счёта могли выгнать из школы. Доигрался. В голове у меня от страха всё всполошилось и загудело: пропал, теперь пропал. Ну, Тишкин. Вот Тишкин так Тишкин. Обрадовал. Внёс ясность — нечего сказать.

— Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое, — не удивляясь и не меняя спокойного, чуть безразличного тона, остановила его Лидия Михайловна. — Иди к доске, раз уж ты разговорился, и приготовься отвечать. — Она подождала, пока растерявшийся, ставший сразу несчастным, Тишкин выйдет к доске, и коротко сказала мне: — После уроков останешься.

Больше всего я боялся, что Лидия Михайловна потащит меня к директору. Это значит, что, кроме сегодняшней беседы, завтра меня выведут перед школьной линейкой и заставят рассказывать, что меня побудило заниматься этим грязным делом. Директор, Василий Андреевич, так и спрашивал провинившегося, что бы он ни натворил, — разбил окно, подрался или курил в уборной: «Что тебя побудило заниматься этим грязным делом?» Он расхаживал перед линейкой, закинув руки за спину, вынося вперёд в такт широким шагам плечи, так что казалось, будто наглухо застёгнутый, оттопыривающийся тёмный френч¹ двигается самостоятельно чуть наперёд директора, и подгонял: «Отвечай, отвечай. Мы ждём. Посмотри, вся школа ждёт, что ты нам скажешь». Ученик начинал в своё оправдание что-нибудь бормотать, но директор обрывал его: «Ты мне на вопрос отвечай, на вопрос. Как был задан вопрос?» — «Что меня побудило?» — «Вот именно: что побудило? Слушаем тебя».

Дело обычно заканчивалось слезами, лишь после этого директор успокаивался, и мы расходились на занятия. Труднее

¹ Френч — пиджак военного образца с четырьмя нашитыми снаружи большими карманами.

было со старшеклассниками, которые не хотели плакать, но и не могли ответить на вопрос Василия Андреевича.

Однажды первый урок у нас начался с опозданием на десять минут, и всё это время директор допрашивал одного девятиклассника, но, так и не добившись от него ничего вразумительного, увёл к себе в кабинет.

А что, интересно, скажу я? Лучше бы сразу выгоняли. Я мельком, чуть коснувшись этой мысли, подумал, что тогда я смогу вернуться домой, и тут же, словно обжёгшись, испугался: нет, с таким позором и домой нельзя. Другое дело — если бы я сам бросал школу... Но и тогда про меня можно сказать, что я человек ненадёжный, раз не выдержал того, что хотел, а тут и вовсе меня станет чураться каждый. Нет, только не так. Я бы ещё потерпел здесь, я бы привык, но так домой ехать нельзя.

После уроков, замирая от страха, я ждал Лидию Михайловну в коридоре. Она вышла из учительской и, кивнув, завела меня в класс. Как всегда, она села за стол, я хотел устроиться за третьей партой, подальше от неё, но Лидия Михайловна показала мне на первую, прямо перед собой.

— Это правда, что ты играешь на деньги? — сразу начала она. Она спросила слишком громко, мне казалось, что в школе об этом нужно говорить только шёпотом, и я испугался ещё больше. Но заператься никакого смысла не было, Тишкин успел продать меня с потрохами. Я проямлил:

— Правда.

— Ну и как — выигрываешь или проигрываешь?

Я замялся, не зная, что лучше.

— Давай рассказывай, как есть. Проигрываешь, наверное?

— Вы... выигрываю.

— Хорошо, хоть так. Выигрываешь, значит. И что ты делаешь с деньгами?

В первое время в школе я долго не мог привыкнуть к голосу Лидии Михайловны, он сбивал меня с толку. У нас в деревне говорили, запахивая голос глубоко в нутро, и потому звучал он вволюшку, а у Лидии Михайловны он был каким-то мелким и лёгким, так что в него приходилось вслушиваться, и не от бес-
силія вовсе — она иногда могла сказать и всласть, а словно бы

от притаённости и ненужной экономии. Я готов был свалить всё на французский язык: конечно, пока училась, пока приноравливалась к чужой речи, голос без свободы сед, ослаб, как у птички в клетке, жди теперь, когда он опять разойдётся и окрепнет. Вот и сейчас Лидия Михайловна спрашивала так, будто была в это время занята чем-то другим, более важным, но от вопросов её всё равно было не уйти.

— Ну, так что ты делаешь с деньгами, которые выигрываешь? Покупаешь конфеты? Или книги? Или копишь на что-нибудь? Ведь у тебя их, наверное, теперь много?

— Нет, не много. Я только рубль выигрываю.

— И больше не играешь?

— Нет.

— А рубль? Почему рубль? Что ты с ним делаешь?

— Покупаю молоко.

— Молоко?

Она сидела передо мной аккуратная вся, умная и красивая, красивая и в одежде, и в своей женской молодой поре, которую я смутно чувствовал, до меня доходил запах духов от неё, который я принимал за самое дыхание; к тому же она была учительницей не арифметики какой-нибудь, не истории, а загадочного французского языка, от которого тоже исходило что-то особое, сказочное, неподвластное любому-каждому, как, например, мне. Не смея поднять глаза на неё, я не посмел и обмануть её. Да и зачем, в конце концов, мне было обманывать?

Она помолчала, рассматривая меня, и я кожей почувствовал, как при взгляде её косящих внимательных глаз все мои беды и несуразности прямо-таки взбухают и наливаются своей дурной силой. Посмотреть, конечно, было на что: перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный, без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перепитых из отцовских галифе и заправленных в чирки¹ марких светло-зелёных штанах со следами вчерашней драки. Я ещё раньше заметил, с каким любопытством поглядывает Лидия Михайловна на мою обувь.

¹ Чирки — самодельные башмаки.

Из всего класса в чирках ходил только я. Лишь на следующую осень, когда я наотрез отказался ехать в них в школу, мать продала швейную машину, единственную нашу ценность, и купила мне кирзовые сапоги.

— И всё-таки на деньги играть не надо, — задумчиво сказала Лидия Михайловна. — Обошёлся бы ты как-нибудь без этого. Можно обойтись?

Не смея поверить в своё неожиданное спасение, я легко пообещал:

— Можно.

Я говорил искренне, но что поделаешь, если искренность нашу нельзя привязать верёвками.

Справедливости ради надо сказать, что в те дни мне пришлось совсем плохо. Колхоз наш по сухой осени рано рассчитался с хлебосдачей, и дядя Ваня больше не приезжал. Я знал, что дома мать места себе не находит, переживая за меня, но мне от этого было не легче. Мешок картошки, привезённый в последний раз дядей Ваней, испарился так быстро, будто ею кормили, по крайней мере, скот. Хорошо ещё, что, спохватившись, я догадался немножко припрятать в стоящей во дворе заброшенной сараюшке, и вот теперь только этой притайкой и жил. После школы, крадучись, как вор, я шмыгал в сараюшку, совал несколько картофелин в карманы и убегал за улицу, в холмы, чтобы где-нибудь в удобной и скрытой низинке развести огонь. Мне всё время хотелось есть, даже во сне я чувствовал, как по моему желудку прокатываются судорожные волны.

В надежде наткнуться на новую компанию игроков, я стал потихоньку обследовать соседние улицы, бродил по пустырям, следил за ребятами, которых заносило в холмы. Всё было напрасно, сезон кончился, подули холодные октябрьские ветры. И только на нашей полянке по-прежнему продолжали собираться ребята. Я кружил неподалёку, видел, как взблескивает на солнце шайба, как, размахивая руками, командует Вадик и склоняются над кассой знакомые фигуры.

В конце концов я не выдержал и спустился к ним. Я знал, что иду на унижение, но не меньшим унижением было раз и навсегда смириться с тем, что меня избили и выгнали. Меня зудило посмотреть, как отнесутся к моему появлению Вадик и Птаха и

как смогу держать себя я. Но больше всего подгонял голод. Мне нужен был рубль — уже не на молоко, а на хлеб. Других путей раздобыть его я не знал.

Я подошёл, и игра сама собой приостановилась, все устали на меня. Птаха был в шапке с подвёрнутыми ушами, сидящей, как и всё на нём, беззаботно и смело, в клетчатой, навыпуск рубахе с короткими рукавами; Вадик форсил в красивой толстой куртке с замком. Рядом, сваленные в одну кучу, лежали фуфайки и пальтишки, на них, сжавшись под ветром, сидел маленький, лет пяти-шести, мальчишка.

Первым встретил меня Птаха:

— Чего пришёл? Давно не били?

— Играть пришёл, — как можно спокойней ответил я, глядя на Вадика.

— Кто тебе сказал, что с тобой, — Птаха выругался, — будут тут играть?

— Никто...

— Что, Вадик, сразу будем бить или подождём немножко?

— Чего ты пристал к человеку, Птаха? — щурясь на меня, сказал Вадик. — Понял, человек играть пришёл. Может, он у нас с тобой по десять рублей хочет выиграть?

— У вас нет по десять рублей, — только чтобы не казаться себе трусом, сказал я.

— У нас есть больше, чем тебе снилось. Ставь, не разговаривай, пока Птаха не рассердился. А то он человек горячий.

— Дать ему, Вадик?

— Не надо, пусть играет. — Вадик подмигнул ребятам. — Он здорово играет, мы ему в подмётки не годимся.

Теперь я был учёный и понимал, что это такое — доброта Вадика. Ему, видно, надоела скучная, неинтересная игра, поэтому, чтобы пощекотать себе нервы и почувствовать вкус настоящей игры, он и решил допустить в неё меня. Но как только я затрону его самолюбие, мне опять не поздоровится. Он найдёт, к чему придраться, рядом с ним Птаха.

Я решил играть осторожно и не зариться на кассу. Как и все, чтобы не выделяться, я катал шайбу, боясь ненароком угодить в деньги, потом тихонько тюкал по монетам и оглядывался, не зашёл ли сзади Птаха. В первые дни я не позволял себе мечтать

о рубле; копеек двадцать — тридцать, на кусок хлеба, и то хорошо, и то давай сюда.

Но то, что должно было рано или поздно случиться, случится, случилось. На четвёртый день, когда, выиграв рубль, я собрался уйти, меня снова избили. Правда, на этот раз обошлось легче, но один след остался: у меня сильно вздулась губа. В школе приходилось её постоянно прикусывать. Но как ни прятал я её, как ни прикусывал, а Лидия Михайловна разглядела. Она нарочно вызвала меня к доске и заставила читать французский текст. Я его с десятью здоровыми губами не смог бы правильно произнести, а об одной и говорить нечего.

— Хватит, ой, хватит! — испугалась Лидия Михайловна и замахала на меня, как на нечистую силу, руками. — Да что же это такое?! Нет, придётся с тобой заниматься отдельно. Другого выхода нет.

* * *

Так начались для меня мучительные и неловкие дни. С самого утра я со страхом ждал того часа, когда мне придётся остаться наедине с Лидией Михайловной и, ломая язык, повторять вслед за ней неудобные для произношения, придуманные только для наказания слова. Ну, зачем ещё, как не для издевательства, три гласные сливать в один толстый тягучий звук, то же «о», например, в слове «beaucoup» (много), которым можно подавиться? Зачем с каким-то пристонам пускать звуки через нос, когда испокон веков он служил человеку совсем для другой надобности? Зачем? Должны же существовать границы разумного. Я покрывался потом, краснел и задыхался, а Лидия Михайловна без передышки и без жалости заставляла меня мозолить бедный мой язык. И почему меня одного? В школе сколько угодно было ребят, которые говорили по-французски ничуть не лучше, чем я, однако они гуляли на свободе, делали что хотели, а я, как проклятый, отдувался один за всех.

Оказалось, что и это ещё не самое страшное. Лидия Михайловна вдруг решила, что времени в школе у нас до второй смены остаётся в обрез, и сказала, чтобы я по вечерам приходил к ней на квартиру. Жила она рядом со школой, в учительских домах. На другой, большей половине дома Лидии Михайловны жил сам директор.

Я шёл туда как на пытку. И без того от природы робкий и стеснительный, теряющийся от любого пустяка, в этой чистенькой, аккуратной квартире учительницы я в первое время буквально каменел и боялся дышать. Мне надо было говорить, чтобы я раздевался, проходил в комнату, садился, — меня приходилось передвигать, словно вещь, и чуть ли не силой добывать из меня слова. Моим успехам во французском это никак не способствовало. Но, странное дело, мы и занимались здесь меньше, чем в школе, где нам будто бы мешала вторая смена. Больше того, Лидия Михайловна, хлопоча что-нибудь по квартире, расспрашивала меня или рассказывала о себе. Подозреваю, что она нарочно для меня придумала, будто пошла на французский факультет потому лишь, что в школе этот язык ей тоже не давался и она решила доказать себе, что может овладеть им не хуже других.

Забившись в угол, я слушал, не чая дожидаться, когда меня отпустят домой. В комнате было много книг, на тумбочке у окна стоял большой красивый радиоприёмник с проигрывателем — редкое по тем временам, а для меня и вовсе невиданное чудо. Лидия Михайловна ставила пластинки, и ловкий мужской голос опять-таки учил французскому языку. Так или иначе, от него никуда было не деться. Лидия Михайловна в простом домашнем платье, в мягких войлочных туфлях ходила по комнате, заставляя меня вздрагивать и замирать, когда она приближалась ко мне. Я никак не мог поверить, что сижу у неё в доме, всё здесь было для меня слишком неожиданным и необыкновенным, даже воздух, пропитанный лёгкими и незнакомыми запахами, иной, чем я знал, жизни. Невольно создавалось ощущение, словно я подглядываю эту жизнь со стороны, и от стыда и неловкости за себя я ещё глубже запахивался в свой кургузый пиджачишко...

Лидии Михайловне тогда было, наверное, лет двадцать пять или около того; я хорошо помню её правильное и потому не слишком живое лицо с прищуренными, чтобы скрыть в них косинку, глазами; тугую, редко раскрывающуюся до конца улыбку и совсем чёрные, коротко стриженные волосы. Но при всём этом не было видно в её лице жёсткости, которая, как я позже заметил, становится с годами чуть ли не профессиональным

признаком учителей, даже самых добрых и мягких по натуре, а было какое-то осторожное, с хитринкой, недоумение, относящееся к ней самой и словно говорившее: интересно, как я здесь очутилась и что я здесь делаю? <...>

Стыдно сейчас вспомнить, как я пугался и терялся, когда Лидия Михайловна, закончив наш урок, звала меня ужинать. Будь я тысячу раз голоден, из меня пулей тут же выскакивал всякий аппетит. Садиться за один стол с Лидией Михайловной! Нет, нет! Лучше я к завтрашнему дню наизусть выучу весь французский язык, чтобы никогда больше сюда не приходить. Кусок хлеба, наверное, и вправду застрял бы у меня в горле. Кажется, до того я не подозревал, что и Лидия Михайловна тоже, как все мы, питается самой обыкновенной едой, а не какой-нибудь манной небесной, — настолько она представлялась мне человеком необыкновенным, не похожим на всех остальных.

Я вскакивал и, бормоча, что сыт, что не хочу, пятился вдоль стенки, к выходу. Лидия Михайловна смотрела на меня с удивлением и обидой, но остановить меня никакими силами было невозможно. Я убегал. Так повторялось несколько раз, затем Лидия Михайловна, отчаявшись, перестала приглашать меня за стол. Я вздохнул свободней.

Однажды мне сказали, что внизу, в раздевалке, для меня лежит посылка, которую занёс в школу какой-то мужик. Дядя Ваня, конечно, наш шофёр, — какой ещё мужик! Наверное, дом у нас был закрыт, а ждать меня с уроков дядя Ваня не мог — вот и оставил в раздевалке. Я с трудом дотерпел до конца занятий и кинулся вниз. Тётя Вера, школьная уборщица, показала мне на стоящий в углу белый фанерный ящичек, в каких снаряжают посылки по почте. Я удивился: почему в ящичке? — мать обычно отправляла еду в обыкновенном мешке. Может быть, это и не мне вовсе? Нет,

Художник Ю. Тризна

на крышке были выведены мой класс и моя фамилия. Видно, надписал уже здесь дядя Ваня — чтобы не перепутали, для кого. Что это мать выдумала заколачивать продукты в ящик?! — Глядите, какой интеллигентной стала!

Нести посылку домой, не узнав, что в ней, я не мог: не то терпение. Ясно, что там не картошка. Для хлеба тара тоже, пожалуй, маловата, да и неудобна. К тому же хлеб мне отправляли недавно, он у меня ещё был. Тогда что там? Тут же, в школе, я забрался под лестницу, где, помнил, лежит топор, и, отыскав его, оторвал крышку. Под лестницей было темно, я вылез обратно и, воровато озираясь, поставил ящик на ближний подоконник.

Заглянув в посылку, я обомлел: сверху, прикрытые аккуратно большим белым листом бумаги, лежали макароны. Вот это да! Длинные жёлтые трубочки, уложенные одна к другой ровными рядами, вспыхнули на свету таким богатством, дорожке которого для меня ничего не существовало. Теперь понятно, почему мать собрала ящик: чтобы макароны не поломались, не крошились, прибыли ко мне в целостности и сохранности. Я осторожно вынул одну трубочку, глянул, дунул в неё и, не в состоянии больше сдерживаться, стал жадно хрумкать. Потом таким же образом взялся за вторую, за третью, размышляя, куда бы мне спрятать ящик, чтобы макароны не достались чересчур прожорливым мышам в кладовке моей хозяйки. Не для того мать их покупала, тратила последние деньги. Нет, макаронами я так просто не поущусь. Это вам не какая-нибудь картошка.

И вдруг я поперхнулся. Макароны... Действительно, где мать взяла макароны? Сроду их у нас в деревне не было, ни за какие шиши их там купить нельзя. Это что же тогда получается? Торопливо, в отчаянии и надежде, я разгрёб макароны и нашёл на дне ящичка несколько больших кусков сахара и две плитки гематогена. Гематоген подтвердил: посылку отправляла не мать. Кто же в таком случае, кто? Я ещё раз взглянул на крышку: мой класс, моя фамилия — мне. Интересно, очень интересно.

Я втиснул гвозди крышки на место и, оставив ящик на подоконнике, поднялся на второй этаж и постучал в учительскую. Лидия Михайловна уже ушла. Ничего, найдём, знаем, где живёт,

бывали. Значит, вот как: не хочешь садиться за стол — получай продукты на дом. Значит, так. Не выйдет. Больше никому. Это не мать: она бы и записку не забыла вложить, рассказала бы, откуда, с каких приисков взялось такое богатство.

Когда я бочком влез с посылкой в дверь, Лидия Михайловна приняла вид, что ничего не понимает. Она смотрела на ящик, который я поставил перед ней на пол, и удивлённо спрашивала:

— Что это? Что такое ты принёс? Зачем?

— Это вы сделали, — сказал я дрожащим, срывающимся голосом.

— Что я сделала? О чём ты?

— Вы отправили в школу эту посылку. Я знаю, вы.

Я заметил, что Лидия Михайловна покраснела и смутилась. Это был тот единственный, очевидно, случай, когда я не боялся смотреть ей прямо в глаза. Мне было наплевать, учительница она или моя троюродная тётка. Тут спрашивал я, а не она, и спрашивал не на французском, а на русском языке, без всяких артиклей. Пусть отвечает.

— Почему ты решил, что это я?

— Потому что у нас там не бывает никаких макарон. И гематогену не бывает.

— Как! Совсем не бывает?! — она изумилась так искренне, что выдала себя с головой.

— Совсем не бывает. Знать надо было.

Лидия Михайловна вдруг засмеялась и попыталась меня обнять, но я отстранился от неё.

— Действительно, надо было знать. Как же это я так?! — Она на минутку задумалась. — Но тут и догадаться трудно было — честное слово! Я же городской человек. Совсем, говоришь, не бывает? Что же у вас тогда бывает?

— Горох бывает. Редька бывает.

— Горох... редька... А у нас на Кубани яблоки бывают. Ох, сколько сейчас там яблок. Я нынче хотела поехать на Кубань, а приехала почему-то сюда. — Лидия Михайловна вздохнула и покосилась на меня. — Не злись. Я же хотела, как лучше. Кто знал, что можно попасться на макаронах? Ничего, теперь буду умнее. А макароны эти ты возьми...

— Не возьму, — перебил я её.

— Ну, зачем ты так? Я знаю, что ты голодаешь. А я живу одна, денег у меня много. Я могу покупать, что захочу, но ведь мне одной... Я и ем-то помаленьку, боюсь потолстеть.

— Я совсем не голодаю.

— Не спорь, пожалуйста, со мной, я знаю. Я говорила с твоей хозяйкой. Что плохого, если ты возьмёшь сейчас эти макароны и сварить себе сегодня хороший обед. Почему я не могу тебе помочь — единственный раз в жизни? Обещаю больше никаких посылок не подсовывать. Но эту, пожалуйста, возьми. Тебе надо обязательно есть досыта, чтобы учиться. Столько у нас в школе сытых лоботрясов, которые ни в чём ничего не соображают и никогда, наверное, не будут соображать, а ты способный мальчишка, школу тебе бросать нельзя.

Её голос начинал на меня действовать усыпляюще; я боялся, что она меня уговорит, и, сердясь на себя за то, что понимаю правоту Лидии Михайловны, и за то, что собираюсь её всё-таки не понять, я, мотая головой и бормоча что-то, выскочил за дверь.

* * *

Уроки наши на этом не прекратились, я продолжал ходить к Лидии Михайловне. Но теперь она взялась за меня по-настоящему. Она, видимо, решила: ну что ж, французский так французский. Правда, толк от этого выходил, постепенно я стал довольно сносно выговаривать французские слова, они уже не обрывались у моих ног тяжёлыми булыжниками, а, позванивая, пытались куда-то лететь.

— Хорошо, — подбадривала меня Лидия Михайловна. — В этой четверти пятёрка ещё не получится, а в следующей — обязательно.

О посылке мы не вспоминали, но я на всякий случай держался настороже. Мало ли что Лидия Михайловна возьмётся ещё придумать? Я по себе знал: когда что-то не выходит, всё сделаешь для того, чтобы вышло, так просто не отступишься. Мне казалось, что Лидия Михайловна всё время ожидающе присматривается ко мне, а присматриваясь, посмеивается над моей диковатостью, — я злился, но злость эта, как ни странно, помогала мне держаться уверенней. Я уже был не тот безответный и беспомощный мальчишка, который боялся ступить здесь шаг,

помаленьку я привыкал к Лидии Михайловне и к её квартире. Всё ещё, конечно, стеснялся, забивался в угол, пряча свои чирки под стул, но прежние скованность и угнетённость отступали, теперь я сам осмеливался задавать Лидии Михайловне вопросы и даже вступать с ней в споры.

Она сделала ещё попытку посадить меня за стол — напрасно. Тут я был непреклонен, упрямства во мне хватало на десятерых.

Наверное, уже можно было прекратить эти занятия на дому, самое главное я усвоил, язык мой отмяк и зашевелился, остальное со временем добавилось бы на школьных уроках. Впереди годы да годы. Что я потом стану делать, если от начала до конца выучу всё одним разом? Но я не решался сказать об этом Лидии Михайловне, а она, видимо, вовсе не считала нашу программу выполненной, и я продолжал тянуть свою французскую лямку. Впрочем, лямку ли? Как-то невольно и незаметно, сам того не ожидая, я почувствовал вкус к языку и в свободные минуты без всякого понукания лез в словарь, заглядывал в дальние в учебнике тексты. Наказание превращалось в удовольствие. Меня ещё подстёгивало самолюбие: не получалось — получится, и получится — не хуже, чем у самых лучших. Из другого я теста, что ли? Если бы ещё не надо было ходить к Лидии Михайловне... Я бы сам, сам...

Однажды, недели через две после истории с посылкой, Лидия Михайловна, улыбаясь, спросила:

— Ну, а на деньги ты больше не играешь? Или где-нибудь собираетесь в сторонку да поигрываете?

— Как же сейчас играть?! — удивился я, показывая взглядом за окно, где лежал снег.

— А что это была за игра? В чём она заключается?

— Зачем вам? — насторожился я.

— Интересно. Мы в детстве когда-то тоже играли. Вот и хочу знать, та это игра или нет. Расскажи, расскажи, не бойся.

— Чего мне бояться?!

Я рассказал, умолчав, конечно, про Вадика, про Птаху и о своих маленьких хитростях, которыми я пользовался в игре.

— Нет, — Лидия Михайловна покачала головой. — Мы играли в «пристенки». Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Вот смотри. — Она легко выскочила из-за стола, за которым сидела, отыскивала в сумочке монетки и отодвинула от стены стул. — Иди сюда, смотри. Я бью монетой о стену. — Лидия Михайловна легонько ударила, и монета, зазвенев, дугой отлетела на пол. — Теперь, — Лидия Михайловна сунула мне вторую монетку в руку, — бьёшь ты. Но имей в виду: бить надо так, чтобы твоя монета оказалась как можно ближе к моей. Чтобы их можно было замерить, достать пальцами одной руки. По-другому игра называется: «замеряшки». Достанешь, — значит, выиграл. Бей.

Я ударил — моя монета, попав на ребро, покатилась в угол.

— О-о, — махнула рукой Лидия Михайловна. — Далеко. Сейчас ты начинаешь. Учти: если моя монета заденет твою, хоть чуточку, краешком, — я выигрываю вдвойне. Понимаешь?

— Чего тут непонятного?

— Сыграем?

Я не поверил своим ушам:

— Как же я с вами буду играть?

— А что такое?

— Вы же учительница!

— Ну и что? Учительница — так другой человек, что ли? Иногда надоедает быть только учительницей, учить и учить без конца. Постоянно одёргивать себя: то нельзя, это нельзя. — Лидия Михайловна больше обычного прищурила глаза и задумчиво, отстранённо смотрела в окно. — Иной раз полезно забыть, что ты учительница, — не то такой сделаешься бякой и букой, что живым людям скучно с тобой станет. Для учителя, может быть, самое важное — не принимать себя всерьёз, понимать, что он может научить совсем немногому. — Она встряхнулась и сразу повеселела. — А я в детстве была отчаянной девчонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь ещё часто хочется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я тут, бывает, прыгаю, скачу. Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестаёт быть ребёнком. Я бы с удовольствием каждый день прыгала, да за стенкой живёт Василий Андреевич. Он очень серьёзный человек. Ни в коем случае нельзя, чтобы он узнал, что мы играем в «замеряшки».

— Но мы не играем ни в какие «замеряшки». Вы только мне показали.

— Мы можем сыграть так просто, как говорят, понарошке. Но ты всё равно не выдавай меня Василию Андреевичу.

Господи, что творится на белом свете! Давно ли я до смерти боялся, что Лидия Михайловна за игру на деньги потащит меня к директору, а теперь она просит, чтобы я не выдавал её. Светопредставление — не иначе. Я озирался, неизвестно чего пугаясь, и растерянно хлопал глазами.

— Ну, что — попробуем? Не понравится — бросим.

— Давайте, — нерешительно согласился я.

— Начинай.

Мы взялись за монеты. Видно было, что Лидия Михайловна когда-то действительно играла, а я только-только примеривался к игре, я ещё не выяснил для себя, как бить монетой о стену — ребром ли, или плашмя, на какой высоте и с какой силой когда лучше бросать. Мои удары шли вслепую; если бы мы вели счёт, я бы на первых же минутах проиграл довольно много, хотя ничего хитрого в этих «замеряшках» не было. Больше всего меня, разумеется, стесняло и угнетало, не давало мне освоиться то, что я играю с Лидией Михайловной. Ни в одном сне не могло такое присниться, ни в одной дурной мысли подуматься. Я опомнился не сразу и не легко, а когда опомнился и стал понемножку присматриваться к игре, Лидия Михайловна взяла и остановила её.

— Нет, так неинтересно, — сказала она, выпрямляясь и убирая съехавшие на глаза волосы. — Играть — так по-настоящему, а то что мы с тобой как трёхлетние малыши.

— Но тогда это будет игра на деньги, — несмело напомнил я.

— Конечно. А что мы с тобой в руках держим? Игру на деньги ничем другим подменить нельзя. Этим она хороша и плоха одновременно. Мы можем договориться о совсем маленькой ставке, а всё равно появится интерес.

Я молчал, не зная, что делать и как быть.

— Неужели боишься? — подзадорила меня Лидия Михайловна.

— Вот ещё! Ничего я не боюсь.

У меня была с собой кой-какая мелочишка. Я отдал монету Лидии Михайловне и достал из кармана свою. Что ж, давайте

играть по-настоящему, Лидия Михайловна, если хотите. Мне-то что — не я первый начал. Вадик по первости на меня тоже ноль внимания, а потом опомнился, полез с кулаками. Научился там, научусь и здесь. Это не французский язык, а я и французский скоро к зубам приберу.

Мне пришлось принять одно условие: поскольку рука у Лидии Михайловны больше и пальцы длиннее, она станет замерять большим и средним пальцами, а я, как и положено, большим и мизинцем. Это было справедливо, и я согласился.

Игра началась заново. Мы перебрались из комнаты в прихожую, где было свободнее, и били о ровную дощатую заборку. Били, опускались на колени, ползали по полу, задевая друг друга, растягивали пальцы, замеряя монеты, затем опять поднимались на ноги, и Лидия Михайловна объявляла счёт. Играла она шумно: вскрикивала, хлопала в ладоши, поддразнивала меня — одним словом, вела себя как обыкновенная девчонка, а не учительница, мне даже хотелось порой на неё прикрикнуть. Но выигрывала тем не менее она, а я проигрывал. Я не успел опомниться, как на меня набежало восемьдесят копеек, с большим трудом мне удалось скостить этот долг до тридцати, но Лидия Михайловна издала пошла своей монетой на мою, и счёт сразу подскочил до пятидесяти. Я начал волноваться. Мы договорились расплачиваться по окончании игры, но, если дело и дальше так пойдёт, моих денег уже очень скоро не хватит, их у меня чуть больше рубля. Значит, за рубль переваливать нельзя — не то позор и стыд на всю жизнь.

И тут я неожиданно заметил, что Лидия Михайловна и не старается вовсе у меня выигрывать. При замерах её пальцы горбились, не выстилаясь во всю длину, — там, где она якобы не могла дотянуться до монеты, я дотягивался без всякой натуги. Это меня обидело, и я поднялся.

— Нет, — заявил я, — так я не играю. Зачем вы мне подыгрываете? Это нечестно.

— Но я действительно не могу их достать, — стала отказываться она. — У меня пальцы какие-то деревянные.

— Можете.

— Хорошо, хорошо, я буду стараться.

Не знаю, как в математике, а в жизни самое лучшее доказательство — от противного. Когда на следующий день я увидел,

что Лидия Михайловна, чтобы коснуться монеты, исподтишка подталкивает её к пальцу, я обомлел. Взглядывая на меня и почему-то не замечая, что я прекрасно вижу её чистой воды мошенничество, она как ни в чём не бывало продолжала двигать монету.

— Что вы делаете? — возмутился я.

— Я? А что я делаю?

— Зачем вы её подвинули?

— Да нет же, она тут и лежала, — самым бессовестным образом, с какой-то даже радостью отперлась Лидия Михайловна, ничуть не хуже Вадика или Птахи.

Вот это да! Учительница, называется! Я своими собственными глазами на расстоянии двадцати сантиметров видел, что она трогала монету, а она уверяет меня, что не трогала, да ещё и смеётся надо мной. За слепого, что ли, она меня принимает? За маленького? Французский язык преподаёт, называется. Я тут же напрочь забыл, что всего вчера Лидия Михайловна пыталась подыграть мне, и следил только за тем, чтобы она меня не обманула. Ну и ну! Лидия Михайловна, называется.

В этот день мы занимались французским минут пятнадцать — двадцать, а затем и того меньше. У нас появился другой интерес. Лидия Михайловна заставляла меня прочесть отрывок, делала замечания, по замечаниям выслушивала ещё раз, и мы, не мешкая, переходили к игре. После двух небольших проигрышей я стал выигрывать. Я быстро приловчился к «замеряшкам», разобрался во всех секретах, знал, как и куда бить, что делать в роли разыгрывающего, чтобы не подставить свою монету под замер.

И опять у меня появились деньги. Опять я бегал на базар и покупал молоко — теперь уже в мороженных кружках. Я осторожно срезал с кружка наплыв сливок, совал рассыпающиеся ледяные ломтики в рот и, ощущая во всём теле их сытую сладость, закрывал от удовольствия глаза. Затем переворачивал кружок вверх дном и долбил ножом сладковатый молочный отстой. Остаткам позволял растаять и выпивал их, заедая куском чёрного хлеба.

Ничего, жить можно было, а в скором будущем, как залечим раны войны, для всех обещали счастливое время.

Конечно, принимая деньги от Лидии Михайловны, я чувствовал себя неловко, но всякий раз успокаивался тем, что это честный выигрыш. Я никогда не напрашивался на игру, Лидия Михайловна предлагала её сама. Отказаться я не смел. Мне казалось, что игра доставляет ей удовольствие, она веселела, смеялась, тормошила меня.

Знать бы нам, чем это всё кончится...

...Стоя друг против друга на коленях, мы заспорили о счёте. Перед тем тоже, кажется, о чём-то спорили.

— Пойми ты, голова садовая, — наползая на меня и размахивая руками, доказывала Лидия Михайловна, — зачем мне тебя обманывать? Я веду счёт, а не ты, я лучше знаю. Я трижды подряд проиграла, а перед тем была «чика».

— «Чика» несчитово.

— Почему это несчитово?

— У вас тоже была «чика».

Мы кричали, перебивая друг друга, когда до нас донёсся удивлённый, если не сказать, поражённый, но твёрдый, звенящий голос:

— Лидия Михайловна!

Мы замерли. В дверях стоял Василий Андреевич.

— Лидия Михайловна, что с вами? Что здесь происходит?

Лидия Михайловна медленно, очень медленно поднялась с колен, покрасневшая и взлохмаченная, и, пригладив волосы, сказала:

— Я, Василий Андреевич, надеялась, что вы постучите, прежде чем входить сюда.

— Я стучал. Мне никто не ответил. Что здесь происходит? Объясните, пожалуйста. Я имею право знать как директор...

— Играем в «пристенок», — спокойно ответила Лидия Михайловна.

— Вы играете на деньги с этим?.. — Василий Андреевич ткнул в меня пальцем, и я со страху пополз за перегородку, чтобы укрыться в комнате. — Играете с учеником?! Я правильно вас понял?

— Правильно.

— Ну, знаете... — Директор задыхался, ему не хватало воздуха. — Я теряюсь сразу назвать ваш поступок. Это преступление.

Растление. Сокращение. И ещё, ещё... Я двадцать лет работаю в школе, выдвигал всякое, но такое...

И он воздел над головой руки.

* * *

Через три дня Лидия Михайловна уехала. Накануне она встретила меня после школы и проводила до дома.

— Поеду к себе на Кубань, — сказала она, прощаясь. — А ты учишься спокойно, никто тебя за этот дурацкий случай не тронет. Тут виновата я. Учись, — она потрепала меня по голове и ушла. И больше я её никогда не видел.

Среди зимы, уже после январских каникул, мне пришла на школу по почте посылка. Когда я открыл её, достав опять топор из-под лестницы, — аккуратными, плотными рядами в ней лежали трубочки макарон. А внизу в толстой ватной обёртке я нашёл три красных яблока.

Раньше я видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они.

1973

Поразмышляй над прочитанным

1. От чьего имени ведётся повествование в рассказе? Что тебе стало известно о рассказчике и о годах его послевоенного детства?

2. Какие эпизоды показывают, что рассказчик думает о последствиях своих поступков, чувствует ответственность за них?

Можно ли говорить о том, что он сам воспитывает себя?

Свои рассуждения подтверди примерами.

Какие качества характера проявляет рассказчик, вступая в суровую самостоятельную жизнь?

3. Почему в райцентре мальчик не находит друзей?

Можно ли отношения Вадика и Птахи назвать дружбой? Что связывает этих мальчиков?

4. Чем различается отношение к ученикам Лидии Михайловны и Василия Андреевича?

 Подготовься выразительно читать два эпизода: «Лидия Михайловна на уроке», «Василий Андреевич на линейке».

5. Почему Лидия Михайловна не стала наказывать мальчика за игру на деньги? Почему на дополнительные уроки французского она пригласила именно его?

Какой урок преподавала Лидия Михайловна своему ученику? Почему этот урок запомнился ему на всю жизнь?

В. РАСПУТИН О РАССКАЗЕ «УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО»

Этот рассказ, когда он впервые появился в книжке, помог мне разыскать мою учительницу Лидию Михайловну. Она купила мою книжку, узнала в авторе меня, а в героине рассказа себя и написала мне.

Удивительно, но Лидия Михайловна, оказывается, не помнит, что она похожим же, как в рассказе, образом отправляла мне посылку с макаронами. Я это прекрасно помню и ошибиться не могу: было. Меня сначала поразило: как же так — не помнит?! Как можно такое забыть?! Но, поразмыслив, я понял, что удивительного тут, в сущности, нет ничего: истинное добро со стороны того, кто творит его, имеет меньшую память, чем со стороны того, кто его принимает. Так и должно быть. На то оно и добро, чтобы не искать прямой отдачи (я помог тебе — изволь и ты мне помогать), а быть бескорыстным и уверенным в своей тихой чудодейственной силе. И если, уйдя от человека, добро возвращается к нему через много лет совсем с другой стороны, тем больше оно обошло людей и тем шире был круг его действия.

Вы уже догадались, очевидно, что это в немалой степени автобиографический рассказ, то есть такой, где автор описывает события из своей жизни. Для чего он это делает? Вовсе не из-за недостатка воображения, как может показаться, и не из тщеславного желания, пользуясь своим положением писателя, непременно рассказать обо всём, что он пережил. Есть такие понятия: духовная память и духовный опыт человека, которые должны присутствовать в каждом из нас, независимо от нашего возраста. Это то главное и как бы высшее, дающее нам нравственное направление наперёд, что мы выносим из событий своей жизни и что представляет интерес не только для нас одних. Когда такое происходит и когда моральное извлечение из внешних событий¹ представляется нам важным, мы, естественно, хотим поделиться им с другими людьми.

¹ То есть нравственный вывод, который делает человек из событий.

Вот так и случилось, что спустя более чем двадцать лет я сел за стол и стал вспоминать, что было когда-то со мной, пятиклассником, мальчишкой из глухой сибирской деревни. Вернее, стал записывать то, что никогда и не забывалось, что постоянно просилось во мне на люди. Я написал этот рассказ в надежде, что преподанные мне в своё время уроки лягут на душу как маленького, так и взрослого человека.

Поразмышляй над прочитанным

1. В. Распутин как бы приоткрыл нам свою творческую лабораторию. Соотнеси слова В. Распутина из интервью с тем, как высказались о творчестве Н. В. Гоголь и К. Г. Паустовский:

«Всё извлечённое из внешнего мира художник сперва заключает в душу, а уж оттуда, из душевного родника, устремляет его одной согласной торжествующей песней».

Н. В. Гоголь

«Писателем может быть только тот, у кого есть что сказать людям нового, значительного и интересного, тот человек, который видит многое, чего остальные не замечают».

К. Г. Паустовский

Можешь ли ты ответить на вопрос, как рождается художественное произведение?

Почему говорят, что писатель пишет «кровью сердца»?

Попробуй выразить всё, что ты думаешь об этом, в устном рассказе.

2. Какой, по мнению В. Распутина, должна быть хорошая книга? В чём он видит назначение литературы?

Приглашаем в библиотеку

Прочитай по выбору другие рассказы об учителях: «Ещё мама» А. Платонова, «Тринадцатый подвиг Геракла», «Защита Чика» Ф. Искандера, «Простите нас!» Ю. Бондарева, «Фотография, на которой меня нет» В. П. Астафьева, повести К. Г. Паустовского «Далёкие годы», Л. А. Кассиля «Конduit и Швамбрания», К. И. Чуковского «Серебряный герб».

Объясни смысл названий прочитанных произведений.

Николай Михайлович Рубцов

(1936—1971)

«Я считаю, что моя позиция, то есть мои привязанности, моя любовь, должны быть поняты по моим стихам, которые я пишу искренне...»

(Из письма Н. Рубцова)

Николай Михайлович Рубцов родился в 1936 году в Архангельской области. Ему было пять лет, когда началась самая страшная в мировой истории война. Отец его отправился на фронт. Мать умерла после тяжёлой болезни. В октябре 1943 года семилетний Николай Рубцов оказался в детском доме села Никольское Тотемского района Вологодской области. Но этому предшествовали совсем не детские испытания. Какое-то время ребёнок оставался один в опустевшем жилье. Первый детский дом, в который он попал, разбомби-

ла вражеская авиация. Чтобы добраться до Никольского, Коля Рубцов вместе с другими детьми прошёл под осенним дождём по лесной дороге двадцать пять километров.

В Никольском, ставшем для поэта родиной, тоже было нелегко. Зимой, прежде чем учить детей писать, преподавателям приходилось растирать их замёрзшие пальцы; писали на старых газетах и книгах; карандаши разрезали на части — их не хватало на всех. Одноклассница Николая Рубцова вспоминает, что только за праздничным столом в дни рождения детей угощали конфетами, горошинками драже. Как на чудо смотрели они на эти цветные шарики. Впоследствии поэт вспоминал об этом времени:

ДЕТСТВО

Мать умерла.

Отец ушёл на фронт.

Соседка злая не даёт проходу.

Я смутно помню
Утро похорон
И за окошком
Скудную природу.

Откуда только —
Как из-под земли! —
Взялись в жильё
И сумерки, и сырость...
Но вот однажды
Всё переменилось,
За мной пришли,
Куда-то повезли.

Я смутно помню
Позднюю реку,
Огни на ней,
И скрип, и плеск парома,
И крик «Скорей!»,
Потом раскаты грома
И дождь... Потом
Детдом на берегу.

Вот говорят,
Что скуден был паёк,
Что были ночи
С холодом, с тоскою, —
Я лучше помню
Ивы над рекою
И запоздалый в поле огонёк.

До слёз теперь
Любимые места!..

1967

Николай Рубцов и после войны остался одиноким. Его отец, обзаведясь новой семьёй, не вспоминал о сыне. В Никольском прошли самые важные для становления характера будущего поэта годы — от семи до четырнадцати лет. Здесь он успешно окончил семилетнюю школу. Потом были лесотехнический

техникум в г. Тотьма, двухлетняя работа кочегаром на рыболовецком судне (Николай всегда мечтал о море), четыре года службы матросом на эсминце Северного флота, работа слесарем на знаменитом Кировском заводе в Ленинграде, учёба в Московском литературном институте. «Постоянного адреса всё это время не имел, — вспоминал поэт. — Снимал “углы”, ночевал у товарищей и знакомых, иногда выезжал в Москву — на период экзаменационных сессий». С 1964 года Николай Рубцов жил в своём Никольском, а позже в Вологде, где погиб в январе 1971 года.

Лучшие стихи поэта связаны с родными местами. В заметке «Коротко о себе» он писал: «Давно уже в сельской жизни происходят крупные изменения, но до меня всё же докатились последние волны старинной русской самобытности, в которой было много прекрасного, поэтического. Всё, что было в детстве, я лучше помню, чем то, что было день назад... Стихи пытался писать ещё в детстве. Особенно люблю темы родины и скитаний, жизни и смерти, любви и удали».

ИЗ ПИСЕМ НИКОЛАЯ РУБЦОВА ДРУЗЬЯМ-ПОЭТАМ

«Удивительно хорошо в деревне! В любую погоду. Самая ненастная погода никогда не портит мне здесь настроение. Наоборот, она мне особенно нравится, я слушаю её, как могучую печальную музыку».

«О себе писать нечего. Могу только сказать, что очень полюбил топить печку по вечерам в тёмной комнате. Ну, а слушать завывание деревенского ветра осенью и зимой — то же, что слушать классическую музыку, например Чайковского, к которому я ни разу не мог остаться равнодушным».

«А ещё есть удовольствие для меня в ожидании первых сильных заморозков, первых сильных метелей, когда особенно уютной и милой кажется бедная избушка и радостно на душе даже от одного сознания, что ты в эту непогодную грустную пору всё-таки не бездомный».

ДАЛЁКОЕ

В краю, где по дебрям, по рекам
Метелица свищет кругом,
Стоял запорошенный снегом
Бревенчатый низенький дом.

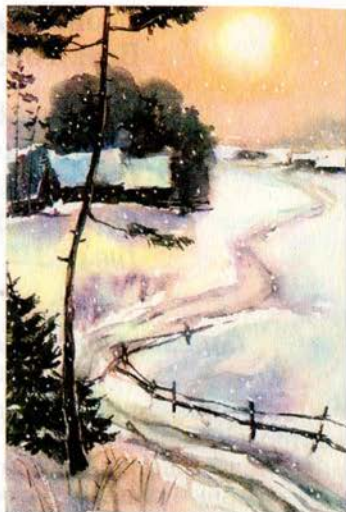
Я помню, как звёзды светили,
Скрипел за окошком плетень,
И стаями волки бродили
Ночами вблизи деревень...

Как всё это кончилось быстро!
Как странно ушло навсегда!
Как шумно — с надеждой и свистом —
Промчались мои поезда!

И всё же, глаза закрывая,
Я вижу: над крышами хат,
В морозном тумане мерцая,
Таинственно звёзды дрожат.

А вьюга по сумрачным рекам,
По дебрям гуляет кругом,
И весь запорошенный снегом
Стоит у околицы дом...

1968

Художник А. Помазков

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,

Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

1964

Поразмышляй над прочитанным

1. Перечитай стихотворение «Далёкое». Почему оно так называется? Каким настроением проникнуто?

Подготовься к выразительному чтению стихотворения (определи его стихотворный размер, интонацию, с которой будешь читать стихи).

2. Считают, что «Далёкое» написано под впечатлением «Детства» И. З. Сурикова. Как ты думаешь, на чём основывается это мнение? В чём ты видишь своеобразие стихотворения Н. Рубцова?

3. Что сближает стихотворения «Звезда полей» и «Далёкое»?

4. Почему звезда и поля слились для поэта в одну картину? Какими словами он передаёт мысль о связи своей «малой родины» (места, где он родился и живёт) с «большой родиной» (страной) и миром?

5. Как ты понимаешь слова о том, что в «минуты потрясений» поэт вспоминал «звезду полей»? Почему в его сознании возникала эта картина?

6. Поэзию Н. Рубцова называют «тихой лирикой». Как ты думаешь почему? Чтобы ответить на этот вопрос, прочитай и другие стихотворения поэта.

ИЗБРАННЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ

СТАРЫЙ КОНЬ

Я долго ехал волоком¹.
И долго лес ночной
Всё слушал медный колокол,
Звеневший под дугой.

Звени, звени легонечко,
Мой колокол, трезвонь!

¹ *Вóлок* — участок между двумя судоходными реками, через который в старину перетаскивали судно для продолжения пути.

Шагай, шагай тихонечко,
Мой бедный старый конь!

Хоть волки есть на волоке
И волок тот полог,
Едва он сани к Вологде
По волоку волок...

Звени, звени легонечко,
Мой колокол, трезвонь,
Шагай, шагай тихонечко,
Мой добрый старый конь!

И вдруг заржал он молодо,
Гордясь без похвалы,
Когда увидел Вологду
Сквозь заволоку мглы...

1960

ЛЕВИТАН

(По мотивам картины «Вечерний звон»)

В глаза бревенчатым лачугам
Глядит алеющая мгла,
Над колокольчиковым лугом
Собор звонит в колокола!

Художник И. Левитан
Вечерний звон
Фрагмент

Звон закольный и окольный,
У окон, около колонн, —
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон.

И колокольцем каждым в душу
До новых радостей и сил
Твои дуга звонят не глуше
Колоколов твоей Руси...

1960

* * *

Сапоги мои — скрип да скрип
Под берёзою,
Сапоги мои — скрип да скрип
Под осиною,
И под каждой берёзой — гриб,
Подберёзовик,
И под каждой осиною — гриб,
Подосиновик!
Знаешь, ведьмы в такой глуши
Плачут жалобно.
И чаруют они, кружа,
Детским пением,
Чтоб такой красотой в тиши
Всё дышало бы,
Будто видит твоя душа
Сновидение.
И закружат твои глаза
Тучи плавные
Да брусничных глухих трясин
Лапы, лапушки...
Таковы на Руси леса
Достославные,
Таковы на лесной Руси
Сказки бабушки.
Эх, не ведьмы меня свели
С ума-разума

Песней сладкою —

Закружило меня от села вдали
Плодоносное время
Краткое...
Сапоги мои — скрип да скрип
Под берёзою.
Сапоги мои — скрип да скрип
Под осиною.
И под каждой берёзой — гриб,
Подберёзовик,
И под каждой осиною — гриб,
Подосиновик...

1964

ВОРОБЕЙ

Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.
Как заметит подводу с поклажей,
Из-под крыши бросается к ней!
И дрожит он над зёрнышком бедным,
И летит к чердаку своему.
А гляди, не становится вредным
Оттого, что так трудно ему...

Поразмышляй над прочитанным

1. Перечитай эпиграф к теме. Каким представляется тебе поэт Н. Рубцов по прочитанным стихам? Как связаны эти стихотворения с биографией поэта?
2. Прочитай вслух стихотворение «Старый конь» так, чтобы повторяющиеся звуки, звуко сочетания были отчётливо слышны. Для чего, по-твоему, поэт прибегает к звукописи?
3. Перечитай стихотворение «Левитан». Что слышит поэт, вглядываясь в картину «Вечерний звон», как передаёт в стихотворении эти звуки?
4. Полюбившееся стихотворение Н. Рубцова выучи наизусть.

Джеймс Олдридж

(Родился в 1918 году)

Я всегда восхищался людьми, хорошо делающими своё дело, и считаю, что в жизни очень важно всё делать хорошо, о чём бы ни шла речь: от умения завязать узел до управления такой сложной машиной, как самолёт. Последний дюйм — вот что решает.

Джеймс Олдридж

Английский писатель Джеймс Олдридж родился в семье редактора провинциальной газеты маленького городка Уайт-Хиллс на юге Австралии.

В 1930-е годы — годы экономического кризиса — семья Олдриджа испытывает большие денежные затруднения, терпит невзгоды. К этому времени Олдриджи уже перебрались в крупный город Мельбурн на юго-востоке Австралии. Шестнадцатилетний Джеймс ночами работает в одной из мельбурнских газет, чтобы иметь возможность платить за учение в школе.

Вспоминая эти годы, Олдридж писал: «Когда я оглядываюсь на своё детство и юность, мне особенно привлекательным кажется дар наблюдательности, которым я тогда обладал, сам того не подозревая. Думаю, что все юные наделены этим даром. Он — основа их восприимчивости, и здесь часто нужно искать причину их недовольства старшими, которые уже успели растерять это качество».

В 1938 году Д. Олдридж уезжает в Англию. Он посещает лекции в университете, учится в лётной школе, сотрудничает в лондонских газетах, с сочувствием следит за борьбой испанского народа против фашизма.

В годы Второй мировой войны Олдридж в качестве военного корреспондента побывал на многих фронтах, некоторое время жил в нашей стране.

Писатель сталкивает своих героев со сложными проблемами, ставит их в необычные, исключительные положения, в которых

необходимо проявить мужество, волю, упорство, преодолеть собственные слабости. Таков рассказ «Последний дюйм¹», написанный в 1959 году. Д. Олдриджу самому приходилось подниматься в небо на лёгком самолёте, спускаться в морские глубины и даже сталкиваться с хищными акулами. Потому-то описания подводного мира, полёта на «Остере» — маленьком самолёте — достоверны, как реальна, правдоподобна история оставшегося без работы немолодого лётчика, вынужденного рискованным способом зарабатывать на жизнь.

ПОСЛЕДНИЙ ДЮЙМ²

(Фрагменты)

Хорошо, если, налетав за двадцать лет не одну тысячу миль, ты и к сорока годам всё ещё испытываешь удовольствие от полёта; хорошо, если ещё можешь радоваться тому, как артистически точно посадил машину: чуть-чуть отожмёшь ручку, поднимешь лёгкое облачко пыли и плавно отвоюешь последний дюйм над землёй. <...>

Но всё это было в прошлом. Компания Тексегишто отказалась от дорогостоящих попыток найти большое нефтяное месторождение, которое давало бы такие же прибыли, какие получала Арамко в Саудовской Аравии, а «Фейрчайльд» превратился в жалкую развалину и стоял в одном из египетских ангаров, покрытый толстым слоем разноцветной пыли, весь иссеченный снизу узкими, длинными надрезами, с потёртыми тросами, с каким-то подобием мотора и приборами, годными разве что на свалку. <...>

Так он и остался ни с чем, если не считать равнодушной жены, которой он не был нужен, да десятилетнего сына, родившегося слишком поздно и, как понимал в глубине души Бен, чужого им обоим — одинокого, неприкаянного ребёнка, который в десять лет чувствовал, что мать им не интересуется, а отец — посторонний человек, резкий и немногословный, не знающий, о чём с ним говорить в те редкие минуты, когда они бывали вместе.

¹ Дюйм — английская мера длины: около 2,5 см.

² Перевод с английского Е. Голышевой, Б. Изакова.

Вот и сейчас было не лучше, чем всегда. Бен взял с собой мальчика на «Остер», который бешено мотало на высоте в две тысячи футов¹ над побережьем Красного моря, и ждал, что мальчишку вот-вот укачает.

— Если тебя стошнит, — сказал Бен, — пригнись пониже к полу, чтобы не запачкать всю кабину.

— Хорошо. — У мальчика был очень несчастный вид.

— Боишься?

Маленький «Остер» безжалостно швыряло в накалённом воздухе из стороны в сторону, но перепуганный мальчишка всё же не терялся и, с ожесточением посасывая леденец, разглядывал приборы, компас, прыгающий авиагоризонт.

— Немножко, — ответил мальчик тихим и застенчивым голосом, непохожим на грубоватые голоса американских ребят. — А от этих толчков самолёт не сломается?

Бен не умел утешать сына, он сказал правду:

— Если за машиной не следить и не проверять её всё время, она непременно сломается.

— А эта... — начал было мальчик, но его сильно тошнило, и он не мог продолжать.

— Эта в порядке, — с раздражением сказал отец. — Вполне годный самолёт.

Мальчик опустил голову и тихонько заплакал.

Бен пожалел, что взял с собой сына. У них в семье великодушные порывы всегда кончались неудачей: оба они были такие — сухая, плаксивая, провинциальная мать и резкий, вспыльчивый отец. Во время одного из редких приступов великодушия Бен как-то попробовал поучить мальчика управлять самолётом, и хотя сын оказался очень понятливым и довольно быстро усвоил основные правила, каждый окрик отца доводил его до слёз...

— Не плачь! — приказал ему теперь Бен. — Нечего тебе плакать! Подыми голову, слышишь, Дэви! Подыми сейчас же!

Но Дэви сидел опустив голову, а Бен всё больше и больше жалел, что взял его с собой, и уныло поглядывал на расстилав-

¹ *Фут* — английская мера длины, равная 12 дюймам, то есть приблизительно 30 см.

шееся под крылом самолёта бесплодное пустынное побережье Красного моря — непрерывную полосу в тысячу миль, отделяющую неясно размытые краски суши от блеклой зелени воды. Всё было недвижимо и мертво. Солнце выжигало здесь всякую жизнь, а весной на тысячах квадратных миль ветры вздымали на воздух массы песка и относили его на ту сторону Индийского океана, где он и оставался навеки на дне морском.

— Сядь прямо, — сказал он Дэви, — если хочешь научиться, как идти на посадку.

Бен знал, что тон у него резкий, и всегда удивлялся сам, почему он не умеет разговаривать с мальчиком. Дэви поднял голову. Он ухватился за доску управления и нагнулся вперёд. Бен убрал газ и, подождав, пока не сбавится скорость, с силой потянул рукоятку триммера¹, которая была очень неудобно расположена на этих маленьких английских самолётах — наверху слева, почти над головой. Внезапный толчок мотнул голову мальчика вниз, но он её сразу же поднял и стал глядеть поверх опустившегося носа машины на узкую полосу белого песка у залива, похожего на лепёшку, кинутую на этот пустынный берег. Отец вёл самолёт прямо туда.

— А почём ты знаешь, откуда дует ветер? — спросил мальчик.

— По волнам, по облачку, чутьём! — крикнул ему Бен.

Но он уже и сам не знал, чем руководствуется, когда управляет самолётом. Не думая, он знал с точностью до одного фута, где посадит машину. Ему приходилось быть точным: голая полоска песка не давала ни одной лишней пяди, и опуститься на неё мог только очень маленький самолёт. Отсюда до ближайшей туземной деревни было сто миль, и вокруг — мёртвая пустыня.

— Всё дело в том, чтобы правильно рассчитать, — сказал Бен. — Когда выравниваешь самолёт, надо, чтобы расстояние до земли было шесть дюймов. Не фут и не три, а ровно шесть дюймов! Если взять выше, то стукнешься при посадке и повредишь самолёт. Слишком низко — попадёшь на кочку и перевернёшься. Всё дело в последнем дюйме. <...> Когда он начинает снижать-

¹ Триммер — подвижная часть управления креном самолёта.

ся, я беру ручку на себя. На себя. Вот! — сказал он, и самолёт коснулся земли мягко, как снежинка.

Последний дюйм! Бен сразу же выключил мотор и нажал на ножные тормоза — нос самолёта задрался кверху, и машина остановилась у самой воды — до неё оставалось шесть или семь футов.

Два лётчика воздушной линии, которые открыли эту бухту, называли её Акулей — не из-за формы, а из-за её населения. В ней постоянно водилось множество крупных акул, которые заплывали из Красного моря, гоняясь за косяками сельди и кефали, искавшими здесь убежища. Бен и прилетел сюда из-за акул, а теперь, когда попал в бухту, совсем забыл о мальчике и время от времени только давал ему распоряжения: помочь при разгрузке, закопать мешок с продуктами в мокрый песок, смачивать песок, поливая его морской водой, подавать инструменты и всякие мелочи, необходимые для акваланга и камер.

— А сюда кто-нибудь когда-нибудь заходит? — спросил его Дэви.

Бен был слишком занят, чтобы обращать внимание на то, что говорит мальчик, но всё же, услышав вопрос, покачал головой:

— Никто! Никто не может сюда попасть иначе, как на лёгком самолёте. Принеси мне два зелёных мешка, которые стоят в машине, и покрывай голову. Не хватало ещё, чтобы ты получил солнечный удар!

Больше вопросов Дэви не задавал. Когда он о чём-нибудь спрашивал отца, голос у него сразу становился угрюмым, он заранее ожидал резкого ответа. Мальчик и не пытался продолжать разговор и молча выполнял, что ему приказывали. Он внимательно наблюдал, как отец готовит акваланг и киноаппарат для подводных съёмок, собираясь снимать в прозрачной воде акул.

— Смотри не подходи к воде! — приказал отец.

Дэви ничего не ответил.

— Акулы непременно постараются отхватить от тебя кусок, особенно если подымутся на поверхность, — не смей даже ступать в воду!

Дэви кивнул головой...

— Затяни этот ремень у меня между ногами, — сказал он Дэви.

На спине у него был тяжёлый акваланг. Два баллона со сжатым воздухом весом в двадцать килограммов позволят ему пробыть больше часа на глубине в тридцать футов. Глубже опускаться и незачем. Акулы этого не делают.

— И не кидай в воду камни, — сказал отец, поднимая цилиндрический, водонепроницаемый футляр киноаппарата и стирая песок с рукоятки. — Не то всех рыб поблизости распугаешь. Даже акул. Дай мне маску.

Дэви передал ему маску с защитным стеклом.

— Я пробуду под водой минут двадцать. Потом поднимусь, и мы позавтракаем, потому что солнце уже высоко. Ты пока что обложи камнями оба колеса и посиди под крылом в тени. Понял?

— Да, — сказал Дэви.

Бен вдруг почувствовал, что разговаривает с мальчиком так, как разговаривал с женой, чьё равнодушие всегда вызывало его на резкий, повелительный тон. Ничего удивительного, что бедный парнишка сторонится их обоих.

— И обо мне не беспокойся! — приказал он мальчику, входя в воду. Взяв в рот трубку, он скрылся под водой, опустив киноаппарат, чтобы груз тянул его на дно.

Дэви смотрел на море, которое поглотило его отца, словно мог что-нибудь разглядеть. Но ничего не было видно — только изредка на поверхности появлялись пузырьки воздуха.

Ничего не было видно ни на море, которое далеко вдали сливалось с горизонтом, ни на бескрайних просторах выжженного солнцем побережья. А когда Дэви вскарабкался на раскалённый песчаный холм у самого высокого края бухты, он не увидел позади себя ничего, кроме пустыни, то ровной, то слегка волнистой. Она уходила, сверкая, вдаль, к таявшим в знойном мареве красноватым холмам, таким же голым, как и всё вокруг.

Под ним был только самолёт, маленький серебряный «Остер», — мотор, остывая, всё ещё потрескивал. Дэви чувствовал свободу. Кругом на целых сто миль не было ни души, и он мог посидеть в самолёте и как следует всё разглядеть. Но запах бензина снова вызвал у него дурноту, он вылез и облил водой

песок, где лежала еда, а потом уселся у берега и стал глядеть, не покажутся ли акулы, которых снимает отец. Под водой ничего не было видно, и в раскалённой тишине, в одиночестве, о котором он не жалел, хотя вдруг его остро почувствовал, мальчик раздумывал, что же с ним будет, если отец так никогда и не выплывет из морской глубины.

Бен, прижавшись спиной к кораллу, мучился с клапаном, регулирующим подачу воздуха. Он опустился неглубоко, не больше чем на двадцать футов, но клапан работал неравномерно, и ему приходилось с усилием втягивать воздух. А это было изнурительно и небезопасно.

Акул было много, но они держались на расстоянии. Они никогда не приближались настолько, чтобы можно было как следует поймать их в кадр. Придётся приманивать их поближе после обеда. Для этого Бен взял в самолёт половину лошадиной ноги; он обернул её в целлофан и закопал в песок.

— На этот раз, — сказал он себе, шумно выпуская пузырьки воздуха, — я уж наснимаю их не меньше чем на три тысячи долларов.

Телевизионная компания платила ему по тысяче долларов за каждые пятьсот метров фильма об акулах и тысячу долларов отдельно за съёмку рыбы-молота. Но здесь рыба-молот не водится. Были тут три безвредные акулы-великаны и довольно крупная пятнистая акула-кошка, она бродила у самого серебристого дна, подальше от кораллового берега. Бен знал, что сейчас он слишком деятелен, чтобы привлечь к себе акул, но его интересовал большой орляк, который жил под выступом кораллового рифа: за него тоже платили пятьсот долларов. Им нужен был кадр с орляком на подходящем фоне. Кишащий тысячами рыб, подводный коралловый риф был хорошим фоном, а сам орляк лежал в своей коралловой пещере.

— Ага, ты ещё здесь! — сказал Бен тихонько.

Длиною рыба была в четыре фута, а весила один Бог знает сколько; она поглядывала на него из своего убежища, как и в прошлый раз — неделю назад. <...> Пока он снимал орляка, акулы зашли к нему в тыл.

— Убирайтесь к чертям! — заорал он, выпуская огромные пузыри воздуха.

Они уплыли: громкое бульканье спугнуло их. Песчаные акулы пошли на дно, а «кошка» поплыла на уровне его глаз, внимательно наблюдая за человеком. Такую криком не запугаешь. Бен прижался спиной к рифу и вдруг почувствовал, как острый выступ коралла впился в руку. Но он не спускал глаз с «кошки», пока не поднялся на поверхность. Даже теперь он держал голову под водой, чтобы следить за «кошкой», которая постепенно к нему приближалась. Бен неуклюже попытался на узкий, поднимающийся из моря выступ рифа, перевернулся и преодолел последний дюйм до безопасного места.

— Мне эта дрянь совсем не нравится! — сказал он вслух, выплюнув сначала воду. И только тут заметил, что над ним стоит мальчик. Он совсем забыл о его существовании и не потрудился объяснить, к кому относятся эти слова.

— Доставай из песка завтрак и приготовь его на брезенте под крылом, где тень. Кинь-ка мне большое полотенце...

Пока они молча ели, Бен перемотал плёнку французского киноаппарата и починил клапан акваланга. Откупоривая бутылку пива, он снова вспомнил о мальчике.

— У тебя есть что-нибудь попить?

— Нет, — неохотно ответил Дэви. — Воды нет...

Бен и тут не подумал о сыне. Как всегда, он прихватил с собой из Каира дюжину бутылок пива: оно было чище и безопаснее для желудка, чем вода. Но надо было взять что-нибудь и для мальчика.

— Придётся тебе выпить пива. Открой бутылку и попробуй, но не пей слишком много.

Ему претила мысль о том, что десятилетний ребёнок будет пить пиво, но делать было нечего. Дэви откупорил бутылку, быстро отпил немножко прохладной горькой жидкости, но проглотил её с трудом. Покачав головой, он вернул бутылку отцу.

— Не хочется пить, — сказал он.

— Открой банку персиков.

Банка персиков не может утолить жажду в полуденный зной, но выбора не было. Поев, Бен аккуратно прикрыл аппаратуру влажным полотенцем и прилёг. Мельком взглянув на Дэви и удостоверившись, что он не болен и сидит в тени, Бен быстро заснул.

— А кто-нибудь знает, что мы здесь? — спросил Дэви вспотевшего во время сна отца, когда тот снова собирался опуститься под воду.

— Почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. Просто так.

— Никто не знает, что мы здесь, — сказал Бен. — Мы получили от египтян разрешение лететь в Хургаду; они не знают, что мы залетели так далеко. И не должны знать. Ты это запомни.

— А нас могут найти?

Бен подумал, что мальчик боится, как бы их не изобличили в чём-нибудь недозволительном. Ребятишки всегда боятся, что их поймут с поличным.

— Нет, пограничники нас не найдут. С самолёта они вряд ли заметят нашу машину. А по суше никто сюда попасть не может, даже на «виллисе». — Он показал на море. — И оттуда никто не придёт, там рифы...

— Неужели никто-никто о нас и не знает? — тревожно спросил мальчик.

— Я же говорю, что нет! — с раздражением ответил отец. Но вдруг понял, хотя и поздно, что Дэви беспокоит не возможность попасться, он просто боится остаться один.

— Ты не бойся, — проговорил он грубовато. — Ничего с тобой не случится.

— Поднимается ветер, — сказал Дэви как всегда тихо и слишком серьёзно.

— Знаю. Я пробуду под водой всего полчаса. Потом поднимусь, заряджу новую плёнку и опущусь ещё минут на десять. Найди, чем бы тебе покуда заняться. Напрасно ты не взял с собой удочки.

«Надо было мне ему об этом напомнить, — подумал Бен, погружаясь в воду вместе с приманкой из конины. Приманку он положил на хорошо освещённую коралловую ветку, а камеру установил на выступе. Потом он крепко привязал телефонным проводом мясо к кораллу, чтобы акулам было труднее его оторвать.

Покончив с этим, Бен отступил в небольшую выемку, всего в десяти футах от приманки, чтобы обезопасить себя с тыла. Он знал, что ждать акул придётся недолго.

В серебристом пространстве, там, где кораллы сменялись песком, их было уже пятеро. Он был прав. Акулы пришли сразу же, учуяв запах крови. Бен замер, а когда выдыхал воздух, то прижимал клапан к кораллу за своей спиной, чтобы пузырьки воздуха лопались и не спугнули акул.

— Подходите! Поближе! — тихонько подзадоривал он рыб. Но им и не требовалось приглашения.

Они кинулись прямо на кусок конины. Впереди шла знакомая пятнистая «кошка», а за ней две или три акулы той же породы, но поменьше. Они не плыли и даже не двигали плавниками, они неслись вперёд, как серые струящиеся ракеты. Приблизившись к мясу, акулы слегка свернули в сторону, на ходу отрывая куски.

Он заснял на плёнку всё: приближение акул к цели; какую-то деревянную манеру разевать пасть, словно у них болели зубы; жадный, пакостный укус — самое отвратительное зрелище, какое он видел в жизни.

— Ах вы гады! — сказал он, не разжимая губ.

Как и всякий подводник, он их ненавидел и очень боялся, но не мог ими не любоваться.

Они пришли снова, хотя плёнка была уже почти вся отснята. Значит, ему придётся подняться на сушу, перезарядить кинокамеру и поскорее вернуться назад. Бен взглянул на камеру и убедился, что плёнка кончилась. Подняв глаза, он увидел, что враждебно насторожённая акула-кошка плывёт прямо на него.

— Пошла! Пошла! Пошла! — заорал Бен в трубку.

«Кошка» на ходу слегка повернулась на бок, и Бен понял, что сейчас она бросится в атаку. Только в это мгновение он заметил, что руки и грудь у него измазаны кровью от куска конины. Бен проклял свою глупость. Но ни времени, ни смысла упрекать себя уже не было, и он стал отбиваться от акул киноаппаратом. У «кошки» был выигрыш во времени, и камера её едва задела. Боковые резцы с размаху схватили правую руку Бена, чуть было не задели грудь и прошли сквозь другую его руку, как бритва. От страха и боли он стал размахивать руками; кровь его сразу же замутила воду, но он уже ничего не видел и только чувствовал, что акула сейчас нападёт слева. Отбиваясь ногами и пятясь назад,

Бен почувствовал, как его резануло по ногам: делая судорожные движения, он запутался в ветвистых коралловых зарослях. Бен держал дыхательную трубку правой рукой, боясь её выронить. И в тот миг, когда он увидел, что на него кинулась одна из акул помельче, он ударил её ногами и перекувырнулся назад.

Бен стукнулся спиной о надводный край рифа, кое-как выкатился из воды и, обливаясь кровью, рухнул на песок.

Когда Бен пришёл в себя, он сразу вспомнил, что с ним случилось, хотя и не понимал, долго ли был без сознания и что произошло потом, — всё теперь, казалось, было уже не в его власти.

— Дэви! — кричал он.

Откуда-то сверху послышался приглушённый голос сына, но глаза Бена застилала мгла — он знал, что шок ещё не прошёл. Но вот он увидел ребёнка, его полное ужаса, склонённое над ним лицо и понял, что был без сознания всего несколько мгновений. Он едва мог шевельнуться.

— Что мне делать? — кричал Дэви. — Видишь, что с тобой случилось!

Бен закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями. Он знал, что не сможет больше вести самолёт; руки горели, как в огне, и были тяжёлые, как свинец, ноги не двигались, и всё плыло, как в тумане.

— Дэви, — еле выговорил Бен, не открывая глаз. — Что у меня с ногами?

— У тебя руки... — услышал он невнятный голос Дэви, — руки все изрезаны, просто ужас!

— Знаю, — зло сказал Бен, не разжимая зубов. — А что у меня с ногами?

— Все в крови, изрезаны тоже...

— Сильно?

— Да, но не так, как руки. Что мне делать?

Тогда Бен поглядел на руки и увидел, что правая почти оторвана совсем; он увидел мускулы, сухожилия, крови почти не было. Левая была похожа на кусок жеваного мяса и сильно кровоточила; он согнул её, подтянул кисть к плечу, чтобы остановить кровь, и застонал от боли.

Он знал, что дела его совсем плохи.

Но тут же понял, что надо что-то сделать: если он умрёт, мальчик останется один, а об этом страшно даже подумать. Это ещё хуже, чем его собственное состояние. Мальчика не найдут вовремя в этом выжженном начисто краю, если его вообще найдут.

— Дэви, — сказал он настойчиво, с трудом пытаясь сосредоточиться, — послушай... Возьми мою рубашку, разорви её и перевяжи мне правую руку. Слышишь?

— Да.

— Крепко перевяжи мне левую руку над ранами, чтобы остановить кровь. Потом как-нибудь привяжи кисть к плечу. Так крепко, как сможешь. Понял? Перевяжи мне обе руки.

— Понял.

— Перевяжи крепко-накрепко. Сначала правую руку и закрой рану. Понял? Ты понял...

Бен не слышал ответа, потому что снова потерял сознание; на этот раз беспамятство продолжалось дольше, и он пришёл в себя, когда мальчик возился с его левой рукой; напряжённое, бледное лицо сына было искажено ужасом, но он с мужеством отчаяния старался выполнить свою задачу.

— Это ты, Дэви? — спросил Бен и услышал сам, как неразборчиво произносит слова. — Послушай, мальчик, — продолжал он с усилием. — Я тебе должен сказать, всё сразу, на случай, если опять потеряю сознание. Перебинтуй мне руки, чтобы я не потерял слишком много крови. Приведи в порядок ноги и стащи с меня акваланг. Он меня душит.

— Я старался его стащить, — сказал Дэви упавшим голосом. — Да не могу, не знаю как.

— Надо стащить, ясно? — прикрикнул Бен, как обычно, но тут же понял, что единственная надежда спастись и мальчику и ему — это заставить Дэви самостоятельно думать, уверенно делать то, что он должен сделать. Надо как-то внушить это мальчику.

— Я тебе скажу, сынок, а ты постарайся понять. Слышишь? — Бен едва слышал себя сам и на секунду даже забыл о боли. — Тебе, бедняга, придётся всё делать самому, так уж получилось. Не расстраивайся, если я на тебя закричу. Тут уже не до обид. Не надо обращать на это внимание, понял?

— Да. — Дэви перевязывал левую руку и не слушал его.

— Молодчина! — Бену хотелось подбодрить ребёнка, но ему это не слишком-то удалось. Он ещё не знал, как найти подход к мальчику, но понимал, что это необходимо. Десятилетнему ребёнку предстояло выполнить дело нечеловеческой трудности. Если он хочет выжить. Но всё должно идти по порядку...

— Достань у меня из-за пояса нож, — сказал Бен, — и перережь все ремешки акваланга. — Сам он не успел пустить в ход нож. — Пользуйся тонкой пилкой, так будет быстрее. Не порежься.

— Хорошо, — сказал Дэви, вставая. Он поглядел на свои вымазанные в крови руки и позеленел. — Если ты сможешь хоть немножко поднять голову, я стащу один из ремней, я его расстегнул.

— Ладно. Постараюсь.

Бен приподнял голову и удивился, как трудно ему даже шевельнуться. Попытка двинуть шеей снова довела его до обморока; на этот раз он провалился в чёрную бездну мучительной боли, которая, казалось, никогда не кончится. Он медленно пришёл в себя и почувствовал какое-то облегчение.

— Это ты, Дэви?.. — спросил он откуда-то издалика.

— Я снял с тебя акваланг, — услышал он дрожащий голос мальчика. — Но у тебя по ногам всё ещё течёт кровь.

— Не обращай внимания на ноги, — сказал Бен, открывая глаза. Он приподнялся, чтобы взглянуть, в каком он виде, но побоялся снова потерять сознание. Он знал, что не сможет сесть, а тем более встать на ноги, и теперь, когда мальчик перевязал ему руки, верхняя часть туловища тоже была скована. Худшее было впереди, и ему надо было всё обдумать.

Единственной надеждой спасти мальчика был самолёт, и Дэви придётся его вести. Не было ни другой надежды, ни другого выхода. Но прежде надо обо всём как следует поразмыслить. Мальчика нельзя пугать. Если Дэви сказать, что ему придётся вести самолёт, он придёт в ужас. Надо хорошенько подумать, как сказать об этом мальчику, как внушить ему эту мысль и убедить всё выполнить, пусть даже безотчётно. Надо было ощупью найти дорогу к объятому страхом, незрелому сознанию ребёнка.

Он пристально посмотрел на сына и вспомнил, что уже давно как следует на него не глядел.

«Он, кажется, парень развитой», — подумал Бен, удивляясь странному ходу своих мыслей. Этот мальчик с серьёзным лицом был чем-то похож на него самого: за детскими чертами скрывался, быть может, жёсткий и даже необузданный характер. Но бледное, немного скуластое лицо выглядело сейчас несчастным, а когда Дэви заметил пристальный взгляд отца, он отвернулся и заплакал.

— Ничего, малыш, — произнёс Бен с трудом. — Теперь уже ничего!

— Ты умрёшь? — спросил Дэви.

— Разве я уж так плох? — спросил Бен, не подумав.

— Да, — ответил Дэви сквозь слёзы.

Бен понял, что сделал ошибку, нужно говорить с мальчиком, обдумывая каждое слово.

— Я шучу, — сказал он. — Это ничего, что из меня хлещет кровь. Твой старик не раз бывал в таких переделках. Ты разве не помнишь, как я попал в больницу в Саскатуне?

Дэви кивнул.

— Помню, но тогда ты был в больнице...

— Конечно, конечно. Верно. — Он упорно думал о своём, силясь не потерять снова сознание. — Знаешь, что мы с тобой сделаем? Возьми большое полотенце и расстели его возле меня, я перевалюсь на него, и мы кое-как доберёмся до самолёта. Идёт?

— Я не смогу втащить тебя в машину, — сказал мальчик. В голосе его звучало уныние.

— Эх! — сказал Бен, стараясь говорить как можно мягче, хотя это было для него пыткой. — Никогда не знаешь, на что ты способен, пока не попробуешь. Тебе, наверно, пить хочется, а воды-то и нет, а?

— Нет, я не хочу пить...

Дэви пошёл за полотенцем, а Бен сказал ему всё тем же тоном:

— В следующий раз мы захватим дюжину кока-колы. И лёд.

Дэви расстелил возле него полотенце; Бен дёрнулся на бок, ему показалось, что у него разорвались на части руки, и грудь,

и ноги, но ему удалось лечь на полотенце спиной, упершись пятками в песок, и сознания он не потерял.

— Теперь тащи меня к самолёту, — едва слышно проговорил Бен. — Ты тяни, а я буду отталкиваться пятками. На толчки не обращай внимания, главное — поскорее добраться!

— Как же ты поведёшь самолёт? — спросил его сверху Дэви.

Бен закрыл глаза: он хотел представить себе, что переживает сейчас сын. «Мальчик не должен знать, что машину придётся вести ему, — он перепугается насмерть».

— Этот маленький «Остер» летает сам, — сказал он. — Стоит только положить его на курс, а это нетрудно.

— Но ты же не можешь двинуть рукой. Да и глаз совсем не открываешь.

— А ты об этом не думай. Я могу лететь вслепую, а управлять коленями. Давай двигаться. Ну, тащи.

Он поглядел на небо и заметил, что становится поздно и поднимается ветер; это поможет самолёту взлететь, если, конечно, они сумеют вырулить против ветра. Но ветер будет встречный до самого Каира, а горючего в обрез. Он надеялся, надеялся всей душой, что не задует хамсин, слепящий песчаный ветер пустыни. Ему следовало быть предусмотрительнее — запастьсь долговременным прогнозом погоды. Вот что выходит, когда становишься воздушным извозчиком. Либо ты слишком осторожен, либо действуешь без оглядки. На этот раз — что случилось с ним часто — он был неосторожен с самого начала и до конца.

Долго взбирались они по склону; Дэви тащил, а Бен отталкивался пятками, поминутно теряя сознание и медленно приходя в себя. Два раза он срывался вниз, но наконец они добрались до самолёта; ему даже удалось сесть, прислонившись к хвостовой части машины, и оглядеться. Но сидеть было сущим адом, а обмороки всё учащались. Всё его тело, казалось теперь, раздирали на дыбе.

— Как дела? — спросил он мальчика. Тот задыхался, изнемогая от напряжения. — Ты, видно, совсем измучился.

— Нет! — крикнул Дэви с яростью. — Я не устал.

Тон его удивил Бена: он никогда не слышал в голосе мальчика ни протеста, ни тем более ярости. Оказывается, лицо сына

могло скрывать эти чувства. Неужели можно годами жить с сыном и не разглядеть его лица? Но сейчас он не мог позволить себе раздумывать об этом. Сейчас он был в полном сознании, но от приступов боли захватывало дух. <...>

— Теперь, — сказал он, с трудом ворочая пересохшим языком, — надо навалить камней у дверцы самолёта. — Передохнув, он продолжал: — Если навалить их повыше, ты как-нибудь сумеешь втолкнуть меня в кабину. Возьми камни из-под колёс.

Дэви сразу принялся за дело, он стал складывать обломки кораллов у левой дверцы — со стороны сиденья пилота.

— Не у этой дверцы, — осторожно сказал Бен. — У другой. Если я полезу с этой стороны, мне помешает рулевое управление.

Мальчик кинул на него подозрительный взгляд и с ожесточением снова принялся за работу. Когда он пытался поднять слишком тяжёлую глыбу, Бен говорил ему, чтобы он не перенапрягался.

— В жизни можно сделать всё что угодно, Дэви, — произнёс он слабым голосом, — если только не надорвёшься. Не надрывайся...

Он не помнил, чтобы давал раньше сыну такие советы.

— Но ведь скоро стемнеет, — сказал Дэви, кончив складывать камни.

— Стемнеет? — открыл глаза Бен. Было непонятно, то ли он задремал, то ли опять потерял сознание. — Это не сумерки. Это дует хамсин.

— Мы не можем лететь, — сказал мальчик. — Ты не сможешь вести самолёт. Лучше и не пытаться.

— Ах! — сказал Бен с той нарочитой мягкостью, от которой ему становилось ещё грустнее. — Ветер сам отнесёт нас домой.

Ветер мог отнести их куда угодно, только не домой, а если он задует слишком сильно, они не увидят под собой ни посадочных знаков, ни аэродромов — ничего. <...>

— Обвяжи мне грудь полотенцем, лезь в самолёт и тащи, а я буду отталкиваться ногами.

Эх, если бы он мог двигать ногами! Верно, что-нибудь случилось с позвоночником; он уже почти не сомневался, что в конце концов всё-таки умрёт. Важно было протянуть до Каира и

показать мальчику, как посадить самолёт. Этого будет достаточно. На это он ставил единственную свою ставку, это был самый дальний его прицел.

И эта надежда помогла ему забраться в самолёт; он вполз в машину, согнувшись пополам, теряя сознание. Потом он попытался сказать мальчику, что надо делать, но не смог произнести ни слова. Мальчика охватил страх. <...>

Бен не помнил, когда он плакал, но теперь вдруг почувствовал на глазах беспричинные слёзы. Нет, он не намерен сдаваться. Ни за что!..

— Расклеился твой старик, а? — сказал Бэн и даже почувствовал лёгкое удовлетворение от такой откровенности. Дело шло на лад. Он нащупывал путь к сердцу мальчика. — Теперь слушай...

Он снова ушёл далеко, далеко, а потом вернулся.

— Придётся тебе взяться за дело самому, Дэви. Ничего не поделаешь. Слушай. Колёса свободны?

— Да, я убрал все камни.

Дэви сидел, стиснув зубы.

— Что это нас потряхивает?

— Ветер.

О ветре он совсем забыл.

— Вот что надо сделать, Дэви, — сказал он медленно. — Передвинь рычаг газа на дюйм, не больше. Сразу. Сейчас. Поставь всю ступню на педаль. Хорошо. Молодец! Теперь поверни чёрный выключатель около меня. Отлично. Теперь нажми вон ту кнопку, а когда мотор заработает, подвинь рычаг газа ещё немного. Стой! Поставь ногу на левую педаль. Когда мотор заработает, дай полный газ и развернись против ветра. Слышишь?

— Это я могу, — сказал мальчик, и Бену показалось, что он услышал в голосе сына резкую нотку нетерпения, чем-то напоминавшую его собственный голос.

— Здорово дует ветер, — добавил мальчик. — Слишком сильно, мне это не нравится.

— Когда будешь выруливать против ветра, отдай вперёд ручку. Начинай! Запускай мотор.

Он почувствовал, что Дэви перегнулся через него и включил стартёр, и услышал, как чихнул мотор. Только бы он не слыш-

ком резко передвинул ручку, пока мотор не заработает! «Сделал! Ей-богу, сделал!» — подумал Бен, когда мотор заработал. Он кивнул, и от напряжения ему сразу же стало плохо. Бен понял, что мальчик даёт газ и пытается развернуть самолёт. А потом его всего словно поглотил какой-то мучительный шум; он почувствовал толчки, попробовал поднять руки, но не смог и пришёл в себя от слишком сильного рёва мотора.

— Сбавь газ! — закричал он как можно громче.

— Ладно! Но ветер не даёт мне развернуться.

— Мы встали против ветра? Ты повернул против ветра?

— Да, но ветер нас опрокинет.

Он чувствовал, как самолёт раскачивается во все стороны, попытался выглянуть, но поле его зрения было так мало, что ему приходилось целиком полагаться на мальчика.

— Отпусти тормоз, — сказал Бен. Об этом он забыл.

— Готово! — откликнулся Дэви. — Я его отпустил.

— Ну да, отпустил! Разве я не вижу? Старый дурак... — выругал себя Бен.

Тут он вспомнил, что из-за шума мотора его не слышно и надо кричать.

— Слушай дальше! Это совсем просто. Тяни ручку на себя и держи её посередине. Если машина будет подскакивать, ничего. Понял? Замедли ход. И держи прямо. Держи её против ветра, не бери ручку на себя, пока я не скажу. Действуй. Не бойся ветра... <...>

Он пришёл в себя — они только что оторвались от земли. Мальчик послушно держал ручку и не дёргал её к себе; они с трудом перевалили через дюны, и Бен понял, что от мальчика потребовалось немало мужества, чтобы от страха не рвануть ручку. Резкий порыв ветра уверенно подхватил самолёт, но затем он провалился в яму, и Бену стало мучительно плохо. <...>

— Куда лететь? — спросил Дэви.

— Сперва поднимись повыше. Выше! — кричал Бен, боясь, что болтанка снова напугает мальчика. По звуку мотора можно было догадаться, что он работает с перегрузкой и что нос самолёта слегка задран; но ветер их поддержит, и этого хватит на несколько минут; глядя на спидометр и пытаясь на нём сосредоточиться, он снова погрузился в темноту, полную боли.

Его привели в себя перебои мотора. Было тихо, ветра больше не было, он остался где-то внизу, но Бен слышал, как тяжело дышит и вот-вот сдаст мотор.

— Что-то случилось! — кричал Дэви. — Слушай, очнись! Что случилось?

— Подними рычаг смеси.

Дэви не понял, что нужно сделать, а Бен не сумел ему этого вовремя показать. Он неуклюже повернул голову, поддел щекой и подбородком рукоятку и приподнял её на дюйм. Он услышал, как мотор чихнул, дал выхлоп и снова заработал.

— Куда лететь? — снова спросил Дэви. — Почему ты мне не говоришь, куда лететь?!

При таком неверном ветре не могло быть прямого курса, несмотря на то, что тут, наверху, было относительно спокойно. Оставалось держаться берега до самого Суэца.

— Иди вдоль берега. Держись от него справа. Ты его видишь?

— Вижу. А это верный путь?

— По компасу курс должен быть около трёхсот двадцати! — крикнул он; казалось, голос его был слишком слаб, чтобы Дэви мог услышать, но он услышал.

«Хороший парень! — подумал Бен. — Он всё слышит».

— По компасу триста сорок! — закричал Дэви. <...>

Итак, Дэви всё-таки запомнил, что нужно выровнять самолёт, держать нужные обороты мотора и скорость! Он это запомнил. Славный парень! Он долетит. Он справится! Бен видел резко очерченный профиль Дэви, его бледное лицо с тёмными глазами, в которых ему трудно было что-либо прочесть. Отец снова взгляделся в это лицо. «Никто даже не позаботился сводить его к зубному врачу», — сказал себе Бен, заметив слегка торчащие вперёд зубы Дэви, — тот болезненно оскалился, надрываясь от напряжения. «Но он справится», — устало и примирительно подумал Бен. <...>

Оставшись один на высоте в три тысячи футов, Дэви решил, что уже никогда больше не сможет плакать. У него на всю жизнь высохли слёзы.

Только однажды за свои десять лет он похвастался, что отец его лётчик. Но он помнил всё, что отец рассказывал ему об

этом самолёте, и догадывался о многом, чего отец не говорил.
<...>

Он боялся отца. Правда, не сейчас. Сейчас он просто не мог на него смотреть: тот спал с открытым ртом, полуголый, весь залитый кровью. Он не хотел, чтобы отец умер; он не хотел, чтобы умерла мать, но ничего не поделаешь: это бывает. Люди всегда умирают.

Ему не нравилось, что самолёт летит так высоко. От этого замирало сердце, да и самолёт шёл слишком медленно. Но Дэви боялся снизиться и снова попасть в ветер, когда дойдёт до посадки. Он не знал, как ему быть. Нет, ему не хотелось снижаться в такой ветер, не хотелось, чтобы самолёт опять болтало во все стороны! Самолёт не будет тогда его слушаться. Он не сможет вести его по прямой и выровнять у земли.

Может быть, отец уже умер? Он оглянулся и увидел, что тот дышит порывисто и редко. <...>

— Мы почти прилетели, — сказал Дэви. — Но ветер поднялся выше и уже темнеет.

Бен закрыл глаза, чтобы осознать, что же произошло, но так ничего и не понял: ему казалось, что он уже приходил в себя, указывал курс мальчику, а потом снова терял сознание. Пытка качкой продолжалась и усиливалась боль.

— Что ты видишь? — закричал он.

— Аэродромы и здания Каира. Вон большой аэродром, куда приходят пассажирские самолёты.

Качка и толчки оборвали слова мальчика. <...>

— Самолёт не хочет идти вниз, — сказал Дэви; глаза его расширились и, казалось, занимали теперь всё лицо.

— Выключи мотор.

— Выключал, но ничего не получается. Не могу опустить ручку.

— Потяни рукоятку триммера, — сказал Бен, подняв голову вверх, где была рукоятка. Он вспомнил и о щитках, но мальчику ни за что не удастся их выпустить, придётся обойтись без них.

Дэви пришлось привстать, чтобы дотянуться до рукоятки на колесе и сдвинуть её вперёд. Нос самолёта опустился, и машина перешла в пике.

— Выключи мотор! — крикнул Бен.

Дэви убрал газ, и ветер стал с силой подбрасывать планирующий самолёт вверх и вниз.

— Следи за аэродромом, делай над ним круг, — сказал Бен и стал собирать все силы для того последнего усилия, которое ему предстояло.

Теперь ему надо сесть, выпрямиться и наблюдать через ветровое стекло за приближением земли. Наступала решающая минута. Поднять самолёт в воздух и вести его не так трудно, посадить же на землю — вот задача!

— Там большие самолёты, — кричал Дэви. — Один, кажется, стартует...

— Берегись, сверни в сторону! — крикнул Бен.

Это был довольно никчёмный совет, но зато дюйм за дюймом Бен приподнимался; ему помогало то, что нос самолёта был опущен. Привалившись к дрожащей дверце и упираясь в неё плечом и головой, он упорно, из последних сил, карабкался вверх. Наконец голова его очутилась так высоко, что он смог упереться ею в доску с приборами. Он приподнял насколько смог голову и увидел, как приближается земля.

— Молодец! — закричал он сыну.

Бен дрожал и обливался потом, он чувствовал, что из всего его тела осталась в живых только голова. Рук и ног больше не было.

— Левей! — кричал он. — Давай вперёд ручку! Нагни её влево! Гни больше влево! Гни ещё! Хорошо! Всё в порядке, Дэви. Ты справишься. Влево! Жми ручку вниз...

— Я врежусь в самолёт.

Бену был виден большой самолёт. До самолёта было не больше пятисот футов, и они шли прямо на него, но «ДС-4» шёл с такой скоростью, что они должны были разминуться. Да, они разминутся. Бен чувствовал, что Дэви в ужасе потянул ручку на себя.

— Нельзя! — крикнул он. — Гни её вниз...

Нос самолёта задрался, и они потеряли скорость. Если потерять скорость на такой высоте, да ещё при этом ветре, их разнесет в щепы.

— Ветер! — кричал мальчик; его личико застыло и превратилось в трагическую маску. Бен знал, что приближается последний дюйм и всё в руках у мальчика...

Оставалась минута до посадки.

— Шесть дюймов! — кричал он Дэви; язык его словно распух от напряжения и боли, а из глаз текли горячие слёзы. — Шесть дюймов, Дэви!.. Стой! ещё рано. Ещё рано... — плакал он.

На последнем дюйме, отделявшем их от земли, он всё-таки потерял самообладание; им завладел страх, им завладела смерть, и он не мог больше ни говорить, ни кричать, ни плакать; он привалился к доске; в глазах его был страх за себя, страх перед этим последним головокружительным падением на землю, когда чёрная взлётная дорожка надвигается на тебя в облаке пыли. Он силился крикнуть: «Пора! Пора! Пора!» — но страх был слишком велик; в последний, смертный миг, который снова вернул его в забытье, он ощутил, как слегка приподнялся нос самолёта, услышал громкий рёв ещё не заглухшего мотора, почувствовал, как, ударившись о землю колёсами, самолёт мягко подскочил в воздух, и настало томительное ожидание. Но вот хвост и колёса коснулись земли — это был последний дюйм. Ветер закружил самолёт, он забуксовал и описал на земле круг, а потом замер, и наступила тишина.

Ах, какая тишина и какой покой! Он слышал их, чувствовал всем своим существом; он вдруг понял, что выживет, — он так боялся умереть и совсем не хотел сдаваться.

В жизни не раз наступают решающие минуты и остаются решающие дюймы, а в истерзанном теле лётчика нашлись решающие всё дело кости и кровеносные сосуды, о которых люди и не подозревали. Когда кажется, что всё уже кончено, они берут своё. Египетские врачи с удивлением обнаружили, что у Бена их неисчерпаемый запас, а способность восстанавливать разорванные ткани, казалось, была дана лётчику самой природой.

Всё это потребовало времени, но что значило время для жизни, висевшей на волоске?.. Бен всё равно ничего не сознавал, кроме приливов и отливов боли и редких просветов сознания.

— Всё дело в адреналине, — раскатисто хохотал кудрявый врач-египтянин, — а вы его вырабатываете, как атомную энергию!

Казалось, всё было хорошо, но Бен все-таки потерял левую руку. («Странно, — думал он, — я бы мог поклясться, что больше

досталось правой руке».) Пришлось справиться и с параличом, который курчавый исцелитель упорно называл «небольшим нервным шоком». Потрясение превратило Бена в неподвижный и очень хрупкий обломок — поправка не могла идти быстро. Но всё-таки всё шло на лад. Всё, кроме левой руки Бена, которая отправилась в мусоросжигалку, но и это было бы ничего, если бы вслед за ней не отправилась туда же и его профессия лётчика.

Однако помимо всего был ещё мальчик.

— Он жив и здоров, — сказал врач. — Не получил даже шока. — Кудрявый египтянин отпускал весёлые шутки на прекрасном английском языке. — Он куда подвижней вас.

Значит, с парнишкой всё в порядке. Даже самолёт уцелел. Всё обстояло как нельзя лучше, но решала дело встреча с мальчиком: тут либо всё начнётся, либо снова кончится. И, может быть, навсегда.

Когда привели Дэви, Бен увидел, что это был тот же самый ребёнок, с тем же самым лицом, которое он так недавно впервые разглядел. Но дело было совсем не в том, что разглядел Бен: важно было узнать, сумел ли мальчик что-нибудь увидеть в своём отце.

— Ну как, Дэви? — робко сказал он сыну. — Здорово было, а?

Дэви кивнул. Бен знал: мальчуган вовсе не думает, что было здорово, но придёт время, и он поймёт. Когда-нибудь мальчик поймёт, как было здорово. К этому стоило приложить руки.

— Расклеился твой старик, правда? — спросил он.

Дэви кивнул. Лицо его было по-прежнему серьёзно.

Бен улыбнулся. Да что уж греха таить, старик и в самом деле расклеился. Им обоим нужно время. Ему, Бену, теперь понадобится вся жизнь, вся жизнь, которую подарил ему мальчик. Но, глядя в эти тёмные глаза, на слегка выдающиеся вперёд зубы, на это лицо, столь необычное для американца, Бен решил, что игра стоит свеч. Этому стоит отдать время. Он уж доберётся до самого сердца мальчишки! Рано или поздно, но он до него доберётся. Последний дюйм, который разделяет всех и вся, нелегко преодолеть, если не быть мастером своего дела. Но быть мастером своего дела — обязанность лётчика, а ведь Бен был когда-то совсем неплохим лётчиком.

1959

Поразмышляй над прочитанным

1. Как показывает автор отчуждённость Бена и Дэви? Обрати внимание на пояснения автора к словам героев. Как говорит, как держится каждый из них? Почему?

2. Почему возникло отчуждение между отцом и сыном? Кто из них вызывает твоё сочувствие?

3. С какого момента и как меняются отношения Бена и Дэви? Почему?

Выдели в тексте или выпиши слова, словосочетания, отдельные фразы, которые позволяют охарактеризовать прежнее и новое отношение отца к сыну. Отвечая на вопрос, используй свою запись.

4. Какие качества героев помогли им справиться с критической ситуацией и выжить?

 Как показывает автор проявление этих качеств, рисуя *портрет*, передавая *размышления*, *речь* героя (что и особенно как он говорит)?

Какое значение имеет *пейзаж* в рассказе?

 5. Когда страшное испытание было уже позади и стало ясно, что Бен поправится, появилась новая проблема. Какая? «Ну как, Дэви? — робко сказал он сыну. — Здорово было, а?» Какой смысл вкладывает Бен в эти слова? Почему он произносит их *робко*?

6. Что изменило в отношениях отца и сына пережитое ими происшествие? Можно ли считать эту перемену обоюдной?

Как, по-твоему, сложатся в дальнейшем взаимоотношения между отцом и сыном?

 7. Что тебя занимает больше — события или взаимоотношения героев? Почему?

8. Почему название рассказа можно считать многозначным?

Размышляя над ответом, перечитай эпиграф к теме. Подумай и над таким высказыванием автора рассказа: «Взаимопонимание отца и сына — вещь не простая, и, чтобы достигнуть его, требуется немало усилий с обеих сторон. В “Последнем дюйме” этому помогает не критическая ситуация, а то взаимное уважение, которое в мужчине и в ребёнке рождает проявленные в этой ситуации мужество и способность хорошо делать то, что делаешь... На этом отец в конце концов вернул себе сына, а сын в конце концов понял отца».

Приглашаем в библиотеку

Впечатления детства, природа Австралии, люди-труженики, среди которых жил Дж. Олдридж, оживают на страницах его рассказов «Папина сорока», «Мальчик с лесного берега», «Победа мальчика с лесного берега». В них тебя привлекут не только юмор, стремление к доброму и человеческому в мире, но и настоя-

щий драматизм — напряжённость событий, острота положений, в которые попадает герой. Детство Эдгара — сына бедного дровосека, мальчика с лесного берега — полно всяческих проблем. Он пытается защитить своё достоинство и достоинство своей семьи, по-детски замышляет отомстить обидчикам, утвердить своё превосходство в силе и ловкости над сыном богача зазнайкой Томом Вудли. В эпизодах охоты, рыбной ловли не только ярко нарисована природа Австралии, но и переданы ребяческий азарт Эдгара, его страстное желание по-настоящему овладеть искусством охотника и рыболова.

Попробуй сочинить рассказ

1. Какие рассказы или очерки о мужестве, стойкости, человечности тебе знакомы? Перескажи сюжет одного из них.

Выразительно прочитай отрывок, в котором содержится кульминация повествования.

Поразмышляй над следующими вопросами:

Какое решение принимает герой, оказавшись в ситуации выбора? Какие усилия прилагает он, чтобы достичь цели? Как это его характеризует?

2. Или напиши рассказ об одном таком случае. Можно назвать его словами из «Последнего дюйма»: «В жизни не раз наступают решающие минуты...»

3. Напиши сочинение на одну из тем: «Верный друг», «Друзья познаются в беде», «Голос совести». Темы можно раскрыть на основе жизненного случая, собственных переживаний или опираясь на изученные произведения.

Проекты по разделу

«Человек в ситуациях нравственного выбора.

Пора взросления»

Подготовь компьютерную презентацию одной из тем:

- Подростки — герои современной литературы.
- Мой любимый писатель.

ЗАВЕРШАЯ ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В 6 КЛАССЕ

1. Назови произведения литературы, с которыми вы познакомились на уроках, а также прочитанные тобой самостоятельно. Какое из них и почему понравилось тебе больше других?

2. На долю какого героя из произведений изученных писателей выпали самые тяжёлые испытания? Почему ты так считаешь? Какие качества характера помогли герою с честью выйти из этих испытаний?

3. Кто из героев прочитанных произведений живёт в согласии с совестью? Почему ты так думаешь?

 4. Какие стихотворения дополнили твою звучащую антологию в этом учебном году? Какое из них и почему нравится тебе больше других? Прочитай это стихотворение наизусть.

 5. Определи поэтический размер этого стихотворения и особенности построения строфы.

6. Какие из авторов изученных в этом году произведений заинтересовали тебя или даже стали любимыми? Почему? Какие произведения этих авторов тебе хотелось бы прочитать в скором времени?

 7. Что запомнилось тебе из рассказов писателей об их пути в литературу, о том, как они создают свои произведения? Кто из них утверждал, что не придумывает, а берёт сюжеты и характеры из жизни? А кому принадлежат слова о том, что «никакой правды не бывает без выдумки»?

Приглашаем в библиотеку

К уроку внеклассного чтения

ЧУДО ОТКРЫТИЯ КНИГИ

Случается иногда такой счастливый день, когда в твою жизнь входит книга, с которой ты уже больше не расстанешься. И этот день живёт в памяти самым дорогим воспоминанием, как у писателя Б. К. Зайцева:

«Вечер. Столовая в барском доме в деревне. Висячая лампа над обеденным столом, сейчас ещё не накрытым. В узком конце его отец, весёлый, причёсанный на боковой пробор, читает детям вслух. По временам, когда очень смешно (ему), останавливается, вытирает платком негорькие слёзы, увеселяющие, читает, читает дальше. Мы, дети, тоже хохочем. Из-за чего, собственно? Но весёлый ток идёт от книги и от отца. Написал всё это какой-то Диккенс. В допотопном рыдване (у нас тоже есть в этом роде) неведомый мистер Пиквик с товарищами-учениками — разные Томпаны, Снодграсы, — куда-то едут, чего-то ищут. Собственно,

трудно понять, почему это так забавляет нас (милый, смешной и забавный мир приоткрывается)... А Жюль Верн? Капитана Немо ("Таинственный остров") ждёшь, как подарка, каждую субботу (приложение к "Задушевному слову" — какое название!). Бежишь встречать почтальона со всех четырёх ног. Это власть. Над ребёнком, но и над взрослыми не остыть ей, только в иные края литературы перемещается она».

Были ли в твоей жизни такие книги? Можешь ли ты поделиться своими читательскими переживаниями? Если их пока не было, не расстраивайся. По правде говоря, тебе можно только позавидовать — чудо открытия книги у тебя ещё впереди. Как же встретить такую книгу?

Известный знаток книг и читателей Н. А. Рубакин пишет: «Подходящей книгой называется такая, которая в наибольшей степени соответствует всем твоим качествам и свойствам, например запасу твоих знаний, складу твоего ума, твоим желаниям и стремлениям, вообще всем твоим душевным качествам, интересам». Но тут есть и другая сторона. Тот же Рубакин утверждает: «Скажи мне, какие книги тебе нравятся, — и я скажу, каков ты сам».

«А детская книга, — подчёркивает известный детский писатель Лев Кассиль, — ко всему ещё служит чем-то вроде отметинки на стене, где меряют рост ребят. Вот погляжу я, какую книжку читает девчурка или мальчонка, и понимаю, до какой зарубочки-отметинки доросло понимание этого читателя или читательницы, на каком уровне их интересы».

Как же встретить «свою» книгу? Надо искать её среди хороших, отобранных временем книг. Как неповторим каждый писатель, так и каждый читатель проходит свой путь, накапливает свой неповторимый читательский опыт. И на этом пути бывает полезно прислушаться к голосу другого умного читателя. О себе как читателе рассказывает поэт Евгений Винокуров.

ЧТЕНИЕ КНИГ

Читатель — это особое, трудное дарование.

Я развиваю в себе эту способность — эта способность развивается, культивируется.

Есть большая категория читателей, у которых как бы нет зубов, — они едят только то, что не требует жевания и что съедобно.

С одной стороны, она не будет есть несъедобное, но отвернётся и от «витаминной пищи», которая требует усилия, работы...

Я — читатель и люблю остаться с книгой один на один... Я хочу подумать над книгой, выписать кое-что, перечитать. Я за самостоятельное чтение...

Я не столько читаю, сколько перечитываю. Читаю медленно — каждый абзац должен заставлять меня думать, так что хочется отложить книгу и переварить прочитанное, усвоить, пережить. Иногда после того или иного абзаца хочется самому взяться за перо...

Мне нужна та книга, которая хоть на один миллиметр продвинет моё понимание мира, хоть на четверть оборота повернёт во мне хоть одно «колёсико». Если книга — это шестерёнка, то зубцы моей мыслительной шестерёнки должны быть вставлены в её зубцы, чтобы производилась работа, а не вращались бы эти шестерёнки вхолостую.

И книга помогает. Постепенно, думая и читая, читая и думая, — начинаешь всё более и более прояснять то одну, то другую сторону мира...

Я время от времени ощущаю потребность то в том, то в другом чтении. Объяснить то или иное влечение часто трудно, да и, видимо, не надо пытаться это сделать. Одно время я читал только исторические книги. История была материалом для раздумия...

Книга должна открывать шлюзы воображения, фантазии у читателя, а не закупоривать их...

Любите вы книги?

Я не знаю, что ответить на подобный вопрос. Видите ли, говорю я, одни книги я обожаю, другие ненавижу. Я не библиофил, я не «книголюб». Как можно любить вообще — книгу? Хорошую — да. Плохую — нет.

Е. М. Винокуров

Поразмышляй над прочитанным

1. Что для тебя чтение — удовольствие или обязанность? Почему?
 2. Расскажи, как ты выбираешь книги для чтения. Чей совет важен для тебя в этом выборе?
 - 3. Узнай, какие библиографические указатели есть в библиотеке, которой ты пользуешься. Выпиши на библиографические карточки названия тех указателей, которые заинтересовали тебя или могут, по твоему мнению, оказаться полезными тебе.
 4. Окружающие тебя книги всегда должны быть такими, чтобы, обратившись к книжным полкам, можно было бы сказать: «Друзья мои — книги». Много ли книг в твоей личной домашней библиотеке? Как она собиралась? Нравится ли тебе подбор книг в ней? Какие книги и почему ты мечтаешь приобрести?
 5. Назови журналы, которые ты просматриваешь и читаешь. Объясни свой выбор.
 6. Почему каждое произведение до его изучения в классе надо постараться прочитать самостоятельно, заранее?
 7. В чём состоит искусство чтения, талант читателя? Какие читательские качества и как ты стараешься развить в себе? Каких успехов на этом пути тебе удалось достичь?
- Что ты можешь пожелать самому себе, читателю, на будущее? Запиши эти пожелания в свой читательский дневник.

Пишем сочинение

Скоро каникулы. Появится много времени для чтения. Хочется прочитать самые интересные, захватывающие книги. Выбрать их помогут тебе товарищи по классу. Ты тоже можешь посоветовать им прочитать книгу, которая произвела на тебя большое впечатление, полюбилась, которую хочется перечитывать, — одним словом, книгу, которая стала твоим другом. Урок, посвящённый читательским открытиям, так и назовём: «Книга — друг». Как же подготовиться к нему?

Напиши *отзыв о полюбившейся книге*. Начать можно с того, как попала эта книга в твои руки, чем привлекла она тебя при первом знакомстве-просмотре. Подробно пересказывать содержание вовсе ни к чему. Твоя задача — увлечь, заинтересовать этой книгой так, чтобы её захотелось прочесть. Расскажи, чем она тебя затронула, почему именно эта книга стала дорога тебе, почему именно её ты рекомендуешь прочитать друзьям. Раскрой смысл её названия. Важно, чтобы рассказ о книге был проник-

нут твоими мыслями и чувствами. Ведь отзыв — это не только «портрет» книги, это и твой читательский портрет.

Отзыв красочно оформи для выставки: нарисуй обложку к своей любимой книге, укажи автора и название.

Как интересно будет на заключительном уроке не только услышать выступления одноклассников, но и познакомиться с такой выставкой отзывов!

Или выполни другую письменную творческую работу: если ты письменно ответишь на вопросы к статьям «Чудо открытия книги» и «Чтение книг», то получится сочинение или страница в читательский дневник на тему «Мой читательский портрет». Попробуй написать такое сочинение. Подумай, какие дополнительные штрихи можно было бы внести в этот портрет.

КАКИЕ КНИГИ ВЫБРАТЬ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ЛЕТОМ

Конечно, самые хорошие, и чтобы читались они с неослабевающим интересом.

Это фантастика и детективы, приключенческие и исторические романы, книги о жизненном поиске, о сложном мире человеческих чувств и взаимоотношений, книги о жизни и творчестве писателей, о литературе, о «братьях наших меньших». Весёлые и серьёзные, они не дадут тебе скучать. Расскажут о событиях обыденных и невероятных, перенесут в далёкое прошлое или неизвестное будущее. С ними ты преодолеешь не только время, но и пространство, путешествуя по всему миру и даже за пределами Земли. Они заставят смеяться и размышлять, радоваться и грустить, сочувствовать и с волнением следить за напряжённым ходом захватывающих событий. Они познакомят тебя с яркими, сильными, мужественными людьми и сделают мудрее, зорче, опытнее, богаче. Среди множества этих книг ты, несомненно, найдёшь такие, которые увлекут именно тебя.

XIX век

- А. С. Пушкин. «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»;
- Н. В. Гоголь. «Миргород»;
- Н. С. Лесков. «Тупейный художник», «Левша»;
- А. К. Толстой. «Князь Серебряный»;
- А. Л. Слонимский. «Детство Пушкина»;

Вс. Рождественский. «Читая Пушкина»;
Сборник воспоминаний «Из школьных лет Антона Чехова» / Сост. *Н. Роскина*;

Ж. Верн. «Дети капитана Гранта», «Двадцать тысяч лье под водой», «Таинственный остров»;

Ч. Диккенс. «Дэвид Копперфильд»;

Р. Джованьоли. «Спартак»;

Ш. де Костер. «Легенда о Тиле Уленшпигеле...»;

Ф. Купер. «Зверобой», «Следопыт», «Последний из могикан»;

М. Рид. «Оцеола, вождь семинолов», «Всадник без головы»;

Р. Сабатини. «Одиссея капитана Блада»;

В. Скотт. «Айвенго», «Квентин Дорвард»;

Г. Р. Хаггарт. «Копи царя Соломона», «Дочь Монтесумы».

XX век

А. Р. Беляев. «Над бездной», «Продавец воздуха», «Ариэль»;

В. П. Беляев. «Старая крепость»;

В. К. Железников. «Чучело»;

М. В. Исаковский. «На Ельнинской земле. Автобиографические страницы»;

В. А. Каверин. «Два капитана»;

Л. А. Кассиль. «Кондуит и Швамбрания»;

В. П. Крапивин. «Дети синего фламинго»;

Л. Пантелеев, Г. Белых. «Республика Шкид»;

А. Н. Толстой. «Гиперболоид инженера Гарина»;

Г. Н. Троепольский. «Белый Бим Чёрное Ухо».

Р. Брэдли. «Всё лето в один день», «Лёд и пламя» и другие рассказы;

О. Генри. «Вождь краснокожих», «Трест, который лопнул», «Короли и капуста»;

Д. Лондон. «Сердца трёх», «Посёлок Тру-ля-ля», «Мексиканец»;

А. Маршалл. «Я умею прыгать через лужи»;

Э. Колдуэлл. «Мальчик из Джорджии»;

А. Кристи. «Потерянный ключ», «Шутка старых дядюшек»;

Ж. Сименон. «Трубка Мегрэ»;

Г. Уэллс. «Человек-невидимка».

- Аллего́рия** (от греч. *allos* — иной и *agoreuō* — говорю) — иносказательное изображение отвлечённого понятия или явления через обрисовку конкретного персонажа или события.
- Амфибра́хий** — трёхсложный размер стиха с ударением на втором слоге стопы.
- Ана́пест** — трёхсложный размер стиха с ударением на третьем слоге стопы.
- Балла́да** — один из жанров лиро-эпической поэзии. Романтические баллады — сюжетное стихотворение, повествующее о необычайном случае, историческом, трагическом или фантастическом, таинственном событии. Балладе присущ напряжённый, драматичный характер.
- Ба́сня** — краткое иносказательное нравоучительное стихотворение или рассказ, высмеивающие человеческие пороки и недостатки общественной жизни.
- Были́на (ста́рина)** — фольклорная героическая песня-сказание о богатырях, об их подвигах. Отражение исторической действительности в былине обогащено фантастическим вымыслом.
- Гипе́рбола** (от греч. — перевес, преувеличение) — чрезмерное преувеличение тех или иных свойств изображаемого предмета или явления.
- Да́ктиль** — трёхсложный размер стиха с ударением на первом слоге стопы.
- Де́йствие (акт)** — законченная часть драматического произведения.
- Диало́г** — в литературно-художественном произведении разговор двух или нескольких персонажей.
- Дра́ма** (драматическое произведение) — род литературы, сюжетное художественное произведение в диалогической форме, предназначенное для постановки на сцене.
- Жа́нр** (от франц. *genre* — род, вид) — определённый вид художественного произведения.
- Завя́зка** — момент возникновения или обнаружения конфликта в художественном произведении, событие, с которого начинает развиваться действие.

- Зага́дка** — поэтическое замысловатое иносказательное описание какого-либо предмета или явления, сделанное с целью испытать сообразительность человека.
- Зачи́н** — часть фольклорного произведения (сказки, былины), которая предшествует экспозиции и представляет собой постоянную формулу, то есть устойчивое словесное выражение.
- Иде́я** — основной смысл художественного произведения, его обобщающая мысль.
- Интерье́р** (от франц. intérieur — внутренний) — в художественном произведении описание внутреннего пространства и убранства помещения, характеризующее время, место происходящих событий, социальное положение, характеры и вкусы литературных героев.
- Интона́ция** (от лат. intonare — громко произносить) — тон речи, её ритмико-мелодическая сторона; тон и манера произношения слов, выражающие чувство, отношение говорящего к предмету речи.
- Иро́ния** (от греч. eirōneia) — тонкая, скрытая насмешка; речевой оборот, притворно утверждающий противоположное тому, что мыслится о предмете.
- Киносценáрий** — кинопьеса, литературное произведение, на основе которого создаётся кинокартина.
- Коме́дия** — драматическое произведение, в котором изображаются жизненные положения и характеры, вызывающие смех.
- Коми́ческое** (от греч. komikos — смешной, весёлый) — смешное в жизни и изображение смешного в искусстве.
- Конфли́кт** (от лат. conflictus — столкновение) — противоборство, разногласие, спор; в художественном произведении — противоречия между персонажами (*внешний конфликт*) или во внутреннем мире героя (*внутренний конфликт*). Конфликтом обусловлены поступки персонажей и соответственно развитие сюжета произведения.
- Концо́вка (фина́л)** (от лат. finalis — конечный) — заключительная часть художественного произведения; в фольклоре — устойчивое словесное выражение.
- Кульмина́ция** (от лат. culmen — вершина) — высшая точка напряжения, переломный момент в развитии действия.

- Летопись** — жанр древнерусской литературы, форма исторических сочинений, в которых записи о событиях распределены по годам (летам).
- Литература художественная** — совокупность художественных произведений, один из основных видов искусства, изображающий при помощи слова какие-либо стороны действительности и внутренний мир человека с точки зрения автора.
- Миф** (от греч. *mythos* — слово, речь) — древнее сказание, повествующее о богах и легендарных героях. Миф отражает верования древних народов, объясняет с их точки зрения устройство мира, явления природы, смысл и причины происходящих событий.
- Монолог** (от греч. *monos* — один и *logos* — речь) — 1) речь действующего лица, главным образом в драматическом произведении; 2) речь, обращенная к самому себе (внутренний монолог).
- Олицетворение** — изобразительно-выразительное средство художественной речи: изображение неодушевленного предмета как одушевленного.
- Очерк** — небольшое прозаическое литературное произведение, изображающее действительные факты, события, особенности природы какой-либо местности; автор очерка открыто выражает своё отношение к изображённым картинам.
- Пейзаж** (от франц. *payage*, от *pay* — страна, местность) — вид какой-либо местности; в художественном произведении описание природы, помогающее представить место событий и понять переживания героя.
- Персонаж** (от лат. *persona* — личность, лицо) — действующее лицо художественного произведения, литературный герой. По степени участия в ходе событий различают персонажей *главных*, играющих ведущую роль в развитии сюжета, *второстепенных* — менее значимых и *эпизодических* — появляющихся в одном-двух эпизодах.
- Песнь** (и *песня* в значении *песнь*) — название части (главы) поэмы с историко-героическим, мифологическим или сказочным сюжетом.
- Песня** — небольшое стихотворное произведение, предназначенное или используемое для пения. В фольклоре текст песни

возникает одновременно с мелодией; литературная песня создаётся как стихотворение, которое может быть положено на музыку.

Пирри́хий — два смежных безударных слога в ямбическом или хореическом стихе.

По́весть — художественное произведение, превышающее рассказ по объёму, по числу эпизодов и действующих лиц. Более сложный, чем в рассказе, сюжет повести связан с событиями из жизни её главных героев.

Погово́рка — краткое народное устойчивое выражение. В отличие от пословицы поговорка не содержит законченной мысли, представляет собой только часть суждения. Поговорки украшают нашу речь, ярко выражают отношение к тому, о чём говорится, но лишены назидательного смысла.

Портре́т — изображение внешности персонажа (лица, фигуры, одежды, мимики, жестов, манеры держаться).

Посло́вица — жанр (вид) устного народного творчества; меткое суждение, имеющее поучительный смысл, прямое и переносное значение.

Поэ́ма — большое стихотворное произведение с историко-героическим, мифологическим или сказочным сюжетом, изображающее картины жизни, людей с возвышенными характерами, их мысли, чувства и душевное состояние, открыто выражающее авторское отношение к персонажам.

Предание́ — переходящий от поколения к поколению рассказ о былом: о событии, связанном с каким-то городом или селением, или с жизнью исторического лица, незаурядного человека.

Проло́г (от греч. prologos < pro перед + logos слово) — в литературно-художественном произведении вступительная часть, изображающая события, предшествующие тем, о которых рассказывается в основной части; настраивает читателей на восприятие данного произведения.

Пье́са — произведение, предназначенное для постановки на сцене.

Разви́тие де́йствия — часть сюжета, ряд эпизодов, изображающих события, обусловленные развитием конфликта.

- Развязка** — заключительный момент в развитии сюжета, когда конфликт тем или иным способом разрешается.
- Размёр стихотворный** — строение стиха (стихотворной строки), которое определяется числом повторяющихся двусложных или трёхсложных стоп.
- Рассказ** — небольшое художественное прозаическое произведение, в котором события из жизни одного или немногих героев связаны одной сюжетной линией.
- Рема́рка** (от франц. *remarque* — замечание, примечание) — авторское пояснение в драматическом произведении, уточняющее место действия, внешний облик или внутреннее состояние персонажа.
- Рэ́плика** (от лат. *replica* — возражаю) — в диалоге ответная фраза персонажа на слова персонажа-собеседника. *Реплика «в сторону»* — условный приём, когда персонаж на сцене адресует свои слова не партнёру по сцене, а зрителям.
- Ритм стихотворный** — соразмерное чередование ударных и безударных слогов в стихотворной строке.
- Ри́фма** — созвучие окончаний стихотворных строк, отмечающее их границы и связывающее стихи между собой. Различают рифмы *кольцевые (охватные)*, *парные (смежные)* и *перекрёстные*.
- Рома́н** — большое по объёму произведение, в котором развивается несколько сюжетных линий. Роман охватывает обширный круг жизненных явлений и судьбы целого ряда персонажей.
- Сати́ра** — беспощадное осмеяние человеческих и общественных пороков; изобличение того или иного явления с целью его искоренить.
- Сказ** — сюжетное произведение, в котором повествование ведётся от лица подставного рассказчика — человека определённого социального положения, национальности, жизненного уклада, обладающего своеобразной собственной речевой манерой. В сказе нередко сочетаются быль и вымысел, реальные и фантастические, сказочные события.
- Ска́зка литерату́рная** — сказка, написанная автором; зародилась как переработка сказки народной; различают сказки пове-

ствовательные и стихотворные, сказочные поэмы, сказочные повести, сказки-пьесы, сказочные киносценарии, фэнтези. Темы, сюжеты, персонажи многих литературных сказок тесно связаны с народными сказками.

Ска́зка наро́дная — произведение устного народного творчества, повествующее о событиях приключенческого или бытового характера преимущественно с участием волшебных, фантастических сил. Различают сказки *о животных*, *волшебные* и *бытовые*.

Сравне́ние — изобразительно-выразительное средство художественной речи: сопоставление изображаемого предмета или явления с другим.

Стих (от греч. *stichos* — ряд) — отдельная строка стихотворения.

Стихотворе́ние — небольшое произведение в стихотворной форме.

Стопа́ — сочетание ударного слога с одним или двумя безударными.

Строфа́ — группа стихотворных строк, объединённых содержанием и связанных между собою рифмой, ритмом, интонацией.

Сюже́т — система взаимосвязанных событий в художественном произведении, раскрывающих конфликт, характеры действующих лиц и отношение писателя к изображаемым жизненным явлениям.

Тема́ — то, о чём рассказывает, что изображает писатель: события, факты, явления жизни.

Трило́гия — литературное произведение, состоящее из трёх самостоятельных произведений, объединённых в одно целое общим замыслом, событиями и героями.

Фанта́стика — художественное произведение, изображающее причудливый, неправдоподобный мир, созданный фантазией, воображением писателя.

Фольклóр (от англ. *folk* — народ и *lore* — знание, мудрость) —

- 1) все виды народного творчества: словесное искусство, песня, музыка, танец, игра, декоративно-прикладное искусство;
- 2) *устное народное творчество*: сказки, пословицы, поговорки, загадки, потешки, небылицы, скороговорки, **былины**, баллады, легенды и предания.

- Хорей** — двусложный размер стиха с ударением на первом, нечётном, слоге каждой стопы | _ ' _ |, хотя очень часто встречаются пропуски ударений на положенном месте — пиррихии.
- Цита́та** — дословная выдержка из какого-то текста, подтверждающая, иллюстрирующая или раскрывающая смысл высказывания.
- Эзо́пов язы́к** — иносказательная художественная речь, маскирующая насмешку, обличение. Выражение произошло от имени древнегреческого поэта Эзопа (VI век до н. э.) — сочинителя басен.
- Экраниза́ция** — фильм, созданный на основе художественного произведения.
- Экспози́ция** (от лат. *exposition* — объяснение) — часть литературного произведения, в которой описываются персонажи, место, время, обстановка, предшествующие началу событий.
- Эпи́граф** — цитата или другое краткое и ёмкое по смыслу высказывание, помещаемое перед текстом произведения, указывающее на его тему или идею.
- Эпизо́д** — относительно законченная часть художественного произведения, изображающая отдельное событие.
- Эпило́г** (от греч. *epi* — после и *logos* — слово, речь) — заключительное сообщение о событиях, которые произошли в жизни персонажей после происшествий, изображённых в произведении.
- Эпи́тет** — изобразительно-выразительное средство художественной речи: определение, помогающее ярче представить особенности изображаемого предмета или явления и воспринять чувства автора по отношению к нему; **постоянный эпитет** — в фольклоре устойчивое художественное определение предмета или явления, выраженное, как правило, прилагательным.
- Юмор** — вид *комического*, добродушный, весёлый смех.
- Явле́ние** — часть *действия (акта)*, определяемая кругом занятых в ней действующих лиц, их приходом на сцену и уходом.
- Ямб** — двусложный размер стиха с ударением на втором, чётном, слоге каждой стопы | _ ' _ |, хотя очень часто встречаются пропуски ударений на положенном месте — пиррихии.

СОДЕРЖАНИЕ

Антон Павлович ЧЕХОВ	3
Толстый и тонкий.....	6
О смешном в художественном произведении.....	9
Смерть чиновника	11
Пересолил	15
Приглашаем в библиотеку	20
Проекты по разделу «Человек в окружающем мире. Внутренний мир человека»	21

ЧЕЛОВЕК В СИТУАЦИЯХ НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА

Владимир Галактионович КОРОЛЕНКО	23
Из воспоминаний В. Г. Короленко об отце в «Истории моего современника»	25
В дурном обществе (Фрагменты)	27
Автор и рассказчик в повести	74
Портрет литературного героя.....	75
Приглашаем в библиотеку	78
Николай Дмитриевич ТЕЛЕШОВ	78
Домой	80
Обстоятельства и поступки	94
Приглашаем в библиотеку	95
Альфонс ДОДЕ	96
Маленький шпион	97
Андрей Платонович ПЛАТОНОВ	104
Песчаная учительница.....	106
Приглашаем в библиотеку	114
Михаил Михайлович ПРИШВИН	115
Кладовая солнца. Сказка-быль (Фрагменты)	118
Читая Пришвина.....	151
О пейзаже.....	153
Приглашаем в библиотеку	154

ДВИЖЕНИЕ ВЕСНЫ

Иван Алексеевич Бунин	
«Бушует полая вода...»	156
«Всё темней и кудрявей берёзовый лес зеленеет...»	157
Первый соловей	157
Игорь Северянин	
Весенний день	158

Александр Трифонович Твардовский	
«Весенний, утренний, тоненький...»	159
Александр Петрович Межиров	
«Летит сосулька из зимы в весну...»	161
Михаил Михайлович ЗОЩЕНКО	164
Не надо врать	166
Бедный Федя	171
Приглашаем в библиотеку	174
Юрий Маркович НАГИБИН	175
Старая черепаха	178
Литература и кино	189
На близкую тему	190
Александр Яковлевич Яшин	
Кулик	190
Валентин Григорьевич РАСПУТИН	191
Из интервью Валентина Распутина	192
Уроки французского	193
В. Распутин о рассказе «Уроки французского»	222
Приглашаем в библиотеку	223
Николай Михайлович РУБЦОВ	224
Детство	224
Из писем Николая Рубцова друзьям-поэтам	226
Далёкое	227
Звезда полей	227
Избранные поэтические страницы	228
Старый конь	228
Левитан	229
«Сапоги мои — скрип да скрип...»	230
Воробей	231
Джеймс ОЛДРИДЖ	232
Последний дюйм (Фрагменты)	233
Приглашаем в библиотеку	255
Проекты по разделу «Человек в ситуациях нравственного выбора»	256
Завершая изучение литературы в 6 классе	257
Приглашаем в библиотеку	257
Чудо открытия книги	257
Чтение книг	258
Какие книги выбрать для чтения летом	261
СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ	263

Учебное издание

ЛИТЕРАТУРА

6 класс

УЧЕБНИК-ХРЕСТОМАТИЯ
для общеобразовательных учреждений

В двух частях

Часть 2

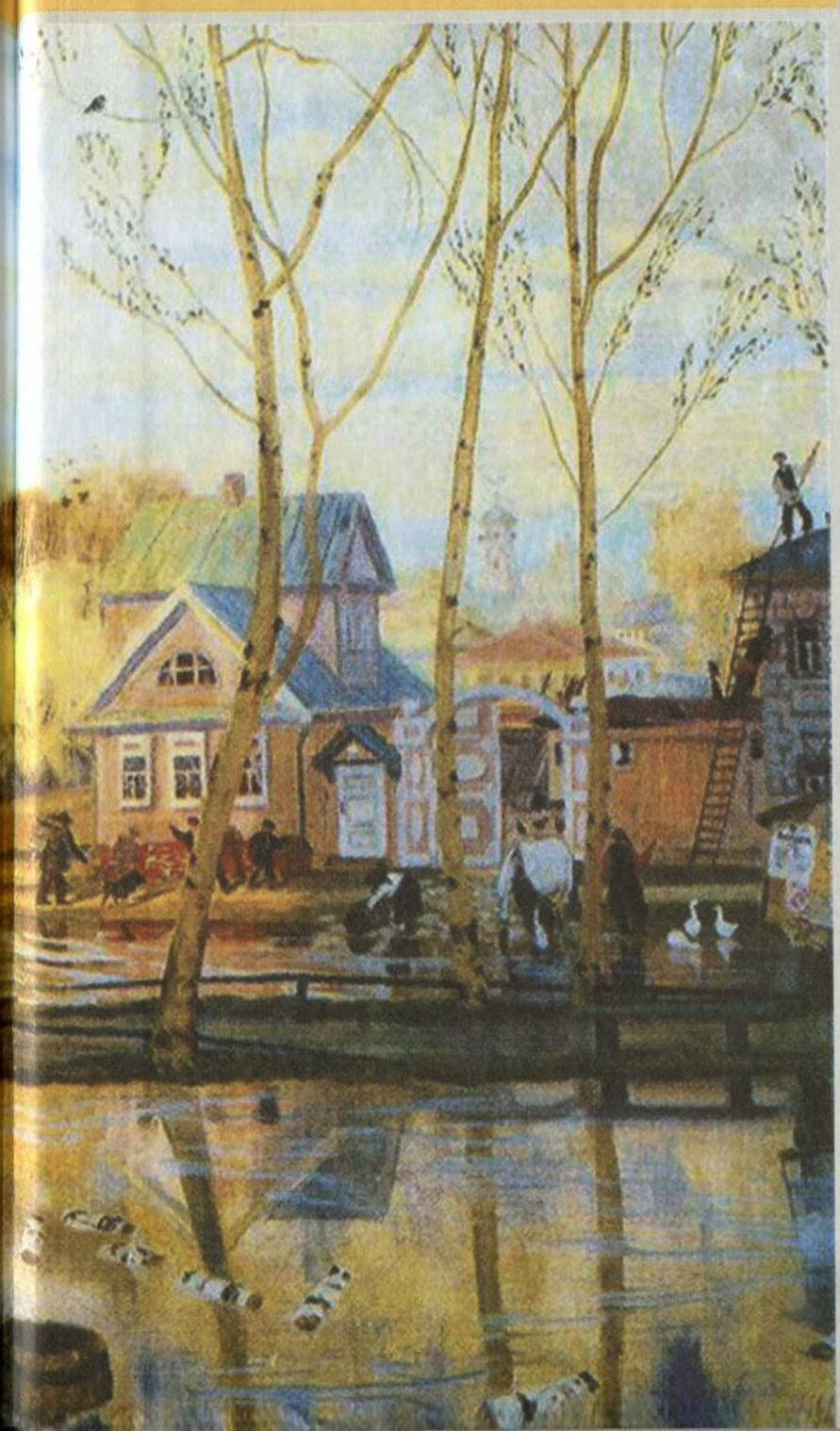
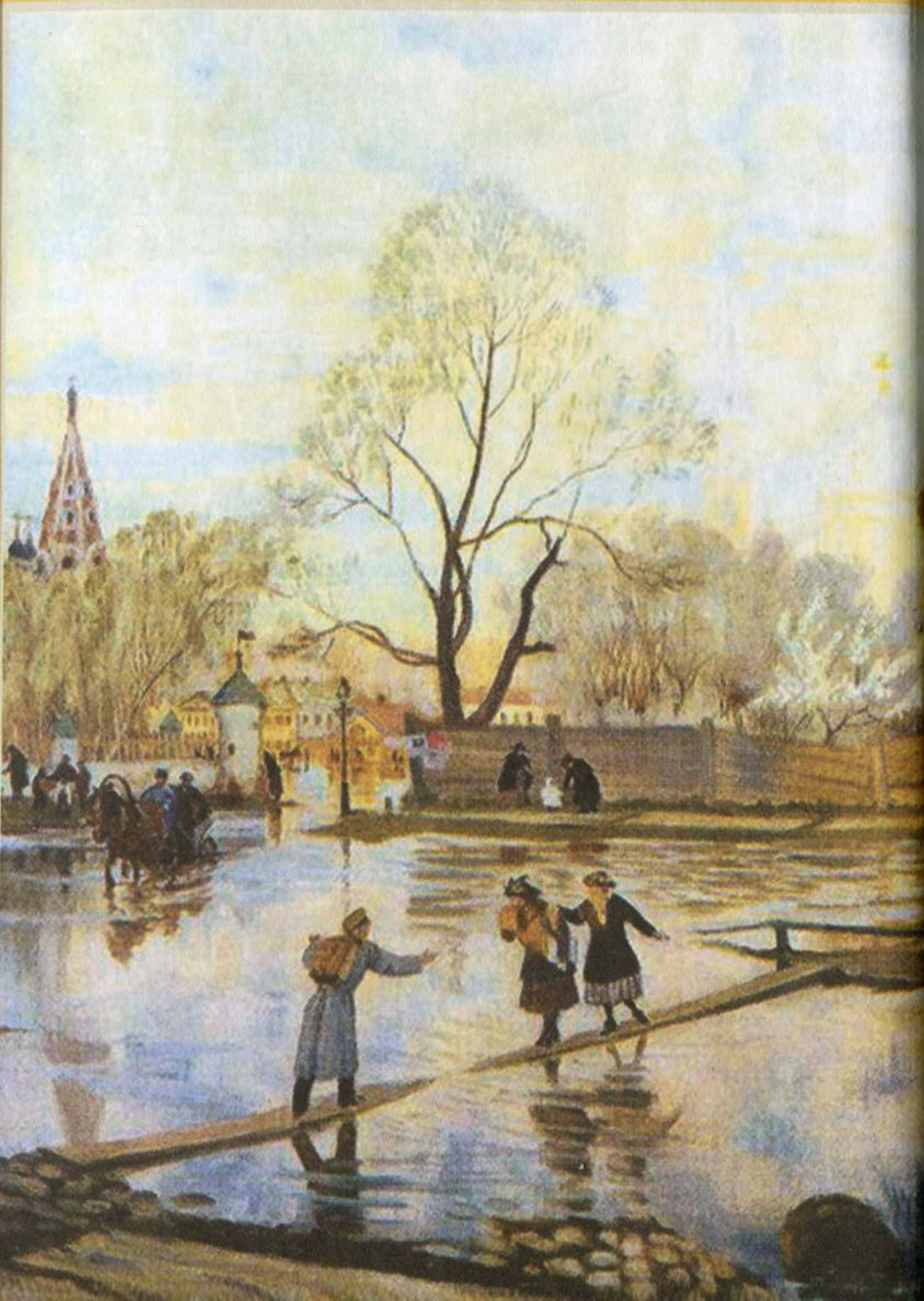
Авторы-составители:
Снежневская Майя Андреевна,
Хренова Ольга Михайловна

Генеральный директор издательства *М. И. Безвиконная*
Главный редактор *К. И. Куровский*
Редактор *М. Г. Шмидт*
Ответственный за выпуск *А. В. Птухина*
Разработка оформления: *А. Г. Проскураков*
Художественный редактор *Т. С. Богданова*
Технический редактор *Г. З. Кузнецова*
Корректоры *Л. В. Дьячкова, И. Н. Баханова*
Компьютерная вёрстка: *Т. В. Ватракова, Е. Н. Подчепалева*

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.006513.04.10 от 21.04.2010.
Формат 70×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Школьная».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,89. Доп. тираж 10 000 экз. Заказ № 4026
Издательство «Мнемозина». 105043, Москва, ул. 6-я Парковая, 29 б.
Тел.: 8 (499) 367 5418, 367 5627, 367 6781; факс: 8 (499) 165 9218.
E-mail: ioc@mnemozina.ru
www.mnemozina.ru

Магазин «Мнемозина» (розничная и мелкооптовая продажа книг,
«КНИГА — ПОЧТОЙ», ИНТЕРНЕТ-магазин).
105043, Москва, ул. 6-я Парковая, 29 б.
Тел./факс: 8 (495) 783 8284; тел.: 8 (495) 783 8285.
E-mail: magazin@mnemozina.ru www.shop.mnemozina.ru
Торговый дом «Мнемозина» (оптовая продажа книг).
Тел./факс: 8 (495) 665 6031 (многоканальный).
E-mail: td@mnemozina.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Б. М. Кустодиев
Весна

ISBN 978-5-346-01589-5

9 785346 015895

384671

Y-36-2-3-1

1 шт | 235